

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2722)

8 СЕНТЯБРЯ 1979

Встреча Л. И. Брежнева с Т. Живковым в Крыму 8 августа 1979 года.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

ДЕЛО НАШЕЙ ЖИЗНИ

Рад предоставленной мне популярным в нашей стране журналом «Огонек» возможности сказать советским людям несколько слов накануне 35-летия победы социалистической революции в Болгарии.

День Девятого сентября 1944 года — великий праздник Болгарской коммунистической партии, болгарского рабочего класса, болгарского народа. Об этом дне мечтали и за него боролись Димитр Благоев и его соратники, когда в 1891 году закладывали основы революционной марксистской партии в нашей стране. К этому сентябрьскому дню шли колонны восставших болгарских солдат осенью 1918 года. Мечта об этом дне пережила сентябрь 1923 года, прошла через тюрьмы и полицейские участки, повела верных сынов партии и комсомола по партизанским тропам в 1941—1944 годах, подняла весь трудовой народ на решительный штурм монархо-фашизма и капитализма в сентябре 1944 года.

Девятого сентября увенчалась победой полувековая борьба, не утихавшая ни на один день даже в самые черные годы террора. Во имя этой победы, завоеванной под руководством партии, с участием широчайших народных масс, наш народ принес в жертву своих самых дорогих сыновей и дочерей. Девятое сентября — в полном смысле этого слова национальный праздник Болгарии.

Но вместе с тем победоносное Девятое сентября в полном смысле этого слова — праздник и болгаро-советского братства. И не только потому, что социалистическая революция в нашей стране является продолжением и развитием Великой Октябрьской социалистической революции в наших условиях. Но и потому, что в памяти признательной Болгарии встреча со свободой неотделима от встречи с Красной Армией, а встреча с Красной Армией — от встречи со свободой. Девятое сентября — это ковры из живых цветов, счастливые улыбки и горячие объятия, это триумфальные арки по дорогам и площадям Болгарии с сердечными словами на алых полотнищах: «Добро пожаловать, братья-освободители!»

На болгарской земле за свободу Болгарии не пал ни один советский солдат. Но бойцы Третьего Украинского фронта, которые пересекли границу Болгарии, шли с главного поля сражения. Там, на советской земле, разыгрались все решающие битвы. Там была остановлена и отброшена назад волна мракобесия. Оттуда началось освобождение Европы. И каждый, кто пал в боях от Бреста до Сталинграда и кому еще предстояло сложить голову на дорогах войны от Сталинграда до Берлина, погиб и за нас, за наше освобождение, за наше право строить новую жизнь в нашей свободной стране.

Память о павших жива и в наших сердцах, как жива она в сердцах всех нынешних поколений Советской страны.

И в борьбе за разгром общего врага и в дни строительства новой жизни нас связывают бесчисленные невидимые и видимые нити. Каждый новый день созидания служит новым подтверждением жизненности нашей дружбы, дружбы, идущей из глубины веков и на века. И это не только связи между руководителями, между нашими партиями и государствами. Это подлинные живые человеческие связи миллионов и миллионов болгарских и советских людей. Можно смело сказать, что такой дружбы, перерастающей в могучий процесс всестороннего сотрудничества и сближения, не знает прежняя история народов.

И сейчас, когда уходит от нас еще одно лето и вновь наступают мягкие осенние дни, когда с новой силой воскресают в памяти воспоминания о незабываемом сентябре 1944 года, мне хочется от всего сердца поздравить с общим праздником наших советских братьев и сестер; поздравить солдат и офицеров Третьего Украинского фронта, из рядов которого вышел и встал на свой вечный пост на холме в Пловдиве гранитный красноармеец Алеша; поздравить ветеранов Великой Отечественной войны — представителей славных советских поколений, выковавших победу над врагом; поздравить советских юношей и девушек — прекрасное поколение, которое вместе с молодым поколением Болгарии продолжит и поднимет на новые высоты дело нашей жизни — нерушимую братскую болгаро-советскую дружбу!

Т. ЖИВКОВ,
Первый секретарь
Центрального Комитета
Болгарской
коммунистической партии,
Председатель
Государственного совета НРБ

София. Август 1979 года.

◀ Новостройки Софии.
Фото Ю. Лушина

При вручении награды.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ Ю. В. АНДРОПОВУ

В Кремле 30 августа состоялось вручение ордена Октябрьской Революции члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности СССР Ю. В. Андропову. Высокую награду Родины вручил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

При вручении были товарищи В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев, а также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Тов. Л. И. Брежнев выступил при вручении награды:

— Дорогой Юрий Владимирович!

Президиум Верховного Совета СССР, по предложению Центрального Комитета партии, принял Указ о награждении тебя за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством орденом Октябрьской Революции. И мне доставляет искреннее удовлетворение возможность вручить тебе сегодня эту заслуженную награду в присутствии наших товарищей и коллег — членов и кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК.

Твой вклад в наше общее дело многообразен и весом. Комсомольская, партийная, дипломатическая работа, активная деятельность в области международной политики нашей партии — и вот теперь уже 12 лет напряженный труд на исключительно важном участке, связанном с обеспечением безопасности нашего Советского социалистического государства, спокойной жизни советского народа.

И на всех этих участках, всегда

ОРДЕН ЛЕНИНА — МАГНИТОГОРСКУ

30 августа в Магнитогорске состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов, посвященное вручению этому городу ордена Ленина.

В новом Дворце культуры металлургов имени Орджоникидзе собрались члены горкома и райкомов КПСС, депутаты городского и районных Советов народных депутатов, передовики производства, деятели науки и культуры, представители общественных организаций, гости из подшефных сельскохозяйственных районов.

Участники заседания с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

А. П. Кириленко огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Магнитогорска и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил к его знамени орден Ленина.

— Отныне,— сказал он,— на знамени Магнитогорска рядом с орденом Трудового Красного Знамени будет сиять орден великого Ленина, вдохновляя магнитогорцев на новые свершения во имя торжества идеалов марксизма-ленинизма.

На заседании выступили: первый секретарь Магнитогорского горкома КПСС П. С. Грищенко, старший оператор металлургического комбината, Герой Социалистического Труда В. И. Овсянников, бригадир Гортреста «Магнитострой», лауреат Государственной премии СССР А. Д. Горонкова, первый секретарь Кизильского райкома КПСС, Герой Социалистического Труда Ю. В. Букатин, секретарь парткома горно-металлургического института, Герой Социалистического Труда А. И. Рубанов, директор металлургического комбината, Герой Социалистического Труда Д. П. Галкин, первый секретарь Челябинского обкома КПСС М. Г. Воропаев.

С большим подъемом участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото В. Егорова и Б. Клипиницера (ТАСС)

и неизменно, ты проявлял и проявляешь себя как предельно честный и самоотверженный труженик, творчески мыслящий человек, умелый организатор, требовательный к себе и другим, и прежде всего — как убежденный коммунист, беззаветно преданный делу ленинской партии, высоким целям нашего коммунистического строительства.

В сегодняшней твоей деятельности это, я бы сказал, имеет особое значение. Ибо наша партия, ее Центральный Комитет, Политбюро ЦК считают принципиально важным, чтобы острое оружие защиты безопасности государства и народа от вражеских происков находилось в чистых и безупречных руках.

Юрий Владимирович, за время твоего пребывания в руководящих органах партии мы все хорошо узнали тебя как отличного работника и человека, ценим и любим тебя. И, конечно, все мы рады этому награждению, сердечно поздравляем тебя и от души желаем крепкого здоровья, неизменной бодрости духа и новых успехов в ответственном деле, доверенном тебе партией и народом.

С ответным словом выступил тов. Ю. В. Андропов.

Тов. Ю. В. Андропов, в частности, сказал:

— Дорогой Леонид Ильич! Дорогие товарищи! От всего сердца благодарю вас за высокую награду и заверяю, что не пожалею всех своих сил, чтобы быть достойным ее, чтобы оправдать доверие партии, правительства, добрые слова, сказанные в мой адрес Леонидом Ильичом. Я буду делать все, чтобы заслужить это ваше доверие.

Сердечно поздравив товарища Ю. В. Андропова с вручением высокой награды Родины, присутствующие пожелали ему дальнейших успехов в партийной и государственной деятельности на благо советского народа, во имя построения коммунистического общества в нашей стране.

БЕСЕДЫ В КРЕМЛЕ

30 августа в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министром правительства Социалистической Республики Вьетнам Фам Ван Донгом, находившимся в Москве проездом в Гавану на VI Конференцию глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

В ходе беседы, проходившей в атмосфере братской дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены вопросы советско-вьетнамских отношений и международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Товарищи А. Н. Косыгин и Фам Ван Донг единодушно отметили неуклонное укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества между партиями, правительствами и народами двух стран, подчеркнули решимость всемерно способствовать дальнейшему развитию советско-вьетнамских отношений во всех областях в интересах социалистического и коммунистического строительства в обеих странах.

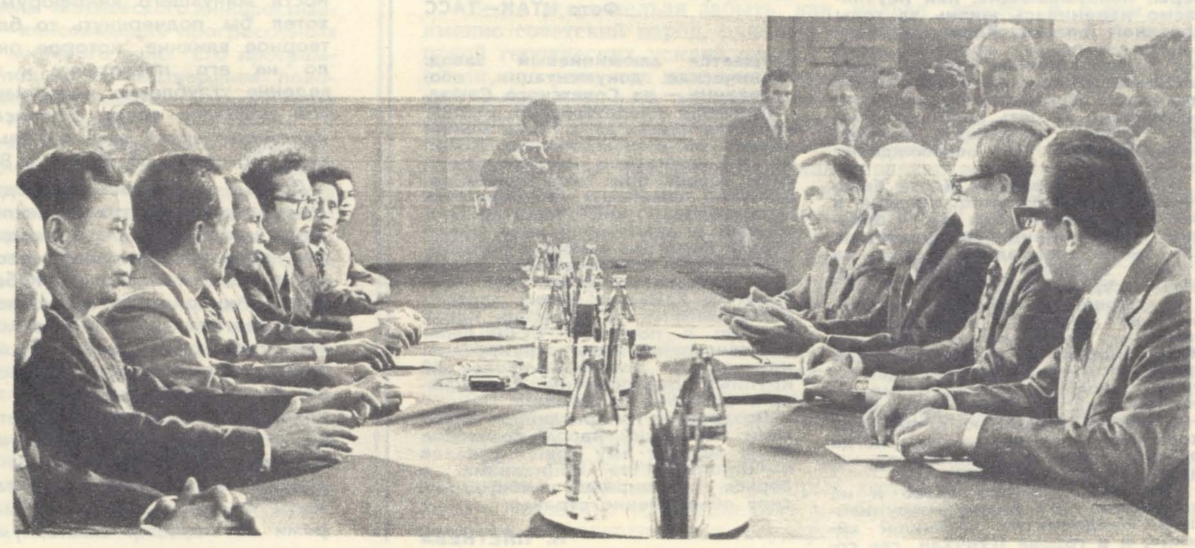
Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин встретился 30 августа в Кремле с находившимся в Москве проездом в Гавану Председателем ЦК Единого фронта национального спасения Кампучии, Председателем Народно-революционного совета Народной Республики Кампучии Хенг Самрином.

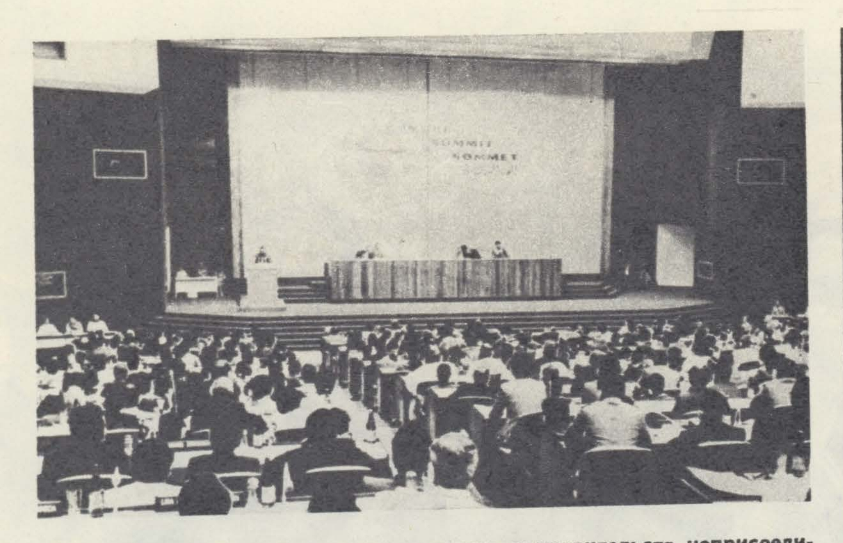
В обстановке сердечности и взаимопонимания состоялся обмен мнениями по вопросам советско-кампучийского сотрудничества и международных проблемам, включая положение в Юго-Восточной Азии.

С советской стороны была выражена солидарность с народами Кампучии, Вьетнама и Лаоса в их борьбе против гегемонистского и империалистического давления, против вмешательства в их внутренние дела. Была подтверждена решительная поддержка единственному законному правительству Кампучии — Народно-революционному совету — в борьбе за осуществление его законного права представлять кампучийский народ в международных отношениях.

Хенг Самрин передал ЦК КПСС, правительству СССР и советскому народу глубокую благодарность кампучийского народа за оказываемые ему бескорыстную помощь и эффективную поддержку.

Фото А. ГОСТЕВА

Открытие VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

Фото Пренса Латина — ТАСС

ЗА ЕДИНСТВО НЕПРИСОЕДИНИВШИХСЯ СТРАН

3 сентября в Гаване во Дворце конгрессов начала работу VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. В повестке дня этого важного международного форума стоят вопросы, затрагивающие интересы миллионов людей во всех уголках нашей планеты. Это — пути и способы укрепления мира и безопасности в различных районах земного шара, роль неприсоединившихся государств в борьбе против империалистической политики угнетения и эксплуатации народов, оказание помощи борцам за свободу и национальную независимость.

С огромным вниманием участники конференции встретили приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева председателю конференции Фиделю Кастро Рус.

С речью выступил председатель гаванского форума Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, председатель Государственного совета и Совета Министров республики Фидель Кастро. Он подчеркнул, что гаванская конференция, в работе которой участвуют представители 94 стран и национально-освободительных движений, стала самым представительным форумом неприсоединения за всю историю этого движения.

РОЖДЕНО СОЦИАЛИЗМОМ

9 сентября 1948 года была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Путь к строительству новой свободной жизни открылся перед братским народом в августе 1945 года, когда Советская Армия завершила разгром японских оккупантов в Корее.

В какой бы город или село КНДР вы ни приехали, вам обязательно приведут наглядные примеры, показывающие, как неузнаваемо изменилась жизнь за годы народной власти. Люди старшего поколения помнят времена, когда все промышленные товары, даже швейные иголки, ввозились из-за границы. Сегодня предприятия республики за пять дней выпускают столько продукции, сколько производилось до освобождения за год.

Прежде в Северной Корее было только девять больниц. Сегодня в республике несколько тысяч больниц, поликлиник, амбулаторий. 250 тысяч специалистов стоят на страже здоровья граждан народного государства.

80 процентов взрослого населения во времена колониального гнета не умели читать и писать. Ныне Корея — страна сплошной грамотности — насчитывает девять тысяч школ, свыше ста пятидесяти высших учебных заведений.

С особой гордостью произносят корейцы слово "первенец", когда рассказывают о достижениях национальной индустрии.

Вы услышите это слово и на комбинате в Анджу — крупнейшем предприятии «большой химии», и в городе Пукчхан, где сооружается алюминиевый завод. Техническая документация, оборудование — из Советского Союза.

Пхеньянский текстильный комбинат выпускает свыше ста миллионов метров ткани в год.

Фото ЦТАК—ТАСС

Примеры плодотворного сотрудничества наших двух стран можно видеть во многих городах КНДР. На Чхонджинском металлургическом заводе при техническом содействии советских специалистов сооружались кислородно-конверторный и прокатный цехи. Наша страна помогала реконструировать Хыннамский химический комбинат, возводить камвольный комбинат в Хамхыне. Таких адресов насчитывается в народной Корее немало: с помощью СССР были восстановлены, реконструированы или заново построены более 50 крупных предприятий в решающих отраслях экономики.

Поздравляя с праздником братский корейский народ, советские люди желают ему новых успехов в строительстве социализма, в борьбе за мирное демократическое объединение страны.

Н. ПЛЕТНЕВА

КИНЕМАТОГРАФ И

ОДИННАДЦАТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ 1979 МОСКВА

Недавно в столице завершился XI Московский международный кинофестиваль. Корреспондент «Огонька» Н. ИВАНОВА встретилась с Генеральным директором этого фестиваля, заместителем председателя Госкино СССР Л. С. МОСИНЫМ

— С самого первого дня Московский кинофестиваль выбрал свою позицию. Она предельно четко сформулирована в его девизе «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами». Наши фестивали всегда были на высоте этого благородного девиза. Леонид Сергеевич, расскажите, пожалуйста, об участниках одиннадцатого кинофорума и о том, что отличало его от предыдущих встреч в Москве.

— Пожалуй, никогда еще за всю историю мирового кино не было такой поистине представительной встречи кинематографистов, как нынешняя! Если в первом московском смотре участвовало 48 стран, то ныне — 102 государства и среди них — 28 стран Европы, 38 — Африки, 23 — Азии и 13 — из Северной и Южной Америки. К нам впервые приехали кинематографисты Габона, Ганы, Либерии, Маврикия, Никарагуа, Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи, Республики Сейшельские Острова. Кроме того, здесь были представлены ООН, ЮНЕСКО, Организация освобождения Палестины, Патриотические силы Чили и другие. Среди 1300 зарубежных гостей находились всемирно известные деятели кино, а также посланцы стран, где киноискусство делает самые первые шаги. О представительности этой встречи свидетельствует также огромный интерес к ней прессы, радио и телевидения. 850 журналистов вели репортажи с фестиваля, впервые были аккредитованы представители 24 телекомпаний США, Франции, Италии, Колумбии, ФРГ, Японии.

Фестиваль показал, что кинематограф в наши дни может быть не только важнейшим выразителем главных тенденций общественной жизни страны, но и активным участником исторического процесса, формирующего сознание миллионов. Отмечая особенности минувшего кинофорума, я хотел бы подчеркнуть то благотворное влияние, которое оказало на его подготовку и проведение углубление международной разрядки после подписания Заключительного акта в Хельсинки и Договора об ОСВ-2 в Вене.

Другая особенность последнего Московского фестиваля заключалась в том, что он проходил в дни празднования шестидесятилетия советского кино. Юбилей нашего киноискусства, являющегося неотъемлемой частью мировой культуры, придал торжественную праздничность этой встрече. Каждый, кто хотел, мог познакомиться с историей советского кино, увидеть как ленты нашего «золотого фонда», так и современный кинематограф, а также встретиться с нашими киномастерами на научном симпозиуме и обсудить проблемы киноискусства. Кинофестиваль показал, что шедевры советских мастеров обладают могущественной силой воздействия на чувства и сознание людей. Ярким событием стал просмотр фильма Сергея Эйзенштейна, Эдуарда Тиссэ, Григория Александрова «Да здравствует Мексика!». Хотя работа над ним началась около полувека тому назад, фильм воспринимается как самое современное произведение кинопублицистики. Эта картина получила Почетный Золотой приз фестиваля и в торжественной обстановке была передана в дар мексиканскому народу.

В ознаменование 60-летия советского кино Организационный комитет фестиваля учредил специальный почетный приз, которым было отмечено творчество зарубежных кинематографистов, внесших выдающийся вклад в развитие мирового киноискусства. Имена награжденных хорошо знают любители кино. Это Чезаре Дзаваттини, Андре и Аннели Торндайк, Кинг Видор, Антони Броусил, Сатьяджит Рей, Усман Сембен, Ежи Кавалерович, Акира Куросава, Луис Бюнюэль, Рене Клер, Золтан Фабри.

— На фестивальных экранах было показано более 500 кинолент — целая панорама современного прогрессивного мирового кино. Какие тенденции прослеживаются в этой кинопанораме?

— Прошедший фестиваль дал богатый материал для размышлений о творческих поисках художников социалистических стран, их последовательном стремлении откликаться на запросы современности. Острые политические, нравственные проблемы, интерес к внутреннему миру нашего современника—вот что отличает сегодня киноискусство социалистического реализма, которое становится явлением интернациональным, противостоящим антигуманным тенденциям буржуазного экрана.

Такие киноленты, как награжденный Золотым призом «Кинолюбитель» польского режиссера Кшиштофа Кеслёвского, и фильмы, получившие серебряные награды — «Барьер» режиссера Христо Христова (НРБ) и «Взлет» Саввы Кулиша (СССР), поднимают высокие нравственные проблемы философского осмысления жизни человеком. Было очень радостно, что приз за лучшее исполнение женской роли получила кубинская актриса Дэйзи Гранадос, блистательно сыгравшая свою современницу в фильме «Портрет Терезы».

Фильмы, представленные режиссерами капиталистических стран, показали, что наряду с существующими в мировом кинематографе кризисными явлениями, вызванными давлением коммерческого кино, прогрессивным мастерам удается создавать киноленты большого социального звучания и высокого художественного достоинства. Второй раз подряд Московский кинофестиваль отметил Золотым призом фильмы Хуа-

БОЛЬШИХ МЫСЛЕЙ ВЫСОКИХ ЧУВСТВ

на Антонио Бардема. Это награда всему испанскому кинематографу, начинающему свою новую историю.

Сегодня прогрессивные силы Италии ведут борьбу с опасностью фашизма, с безработицей и нищетой, и Франческо Рози, художник, творчество которого связано с жизнью народа, создает поразительную киноповесть «Христос остановился в Эболи», награжденную Золотым призом.

Программа Московского кинофестиваля убедительно показала, что современный кинематограф выносит на суд зрителей серьезные социальные и нравственные проблемы. Это кинематограф больших мыслей и высоких чувств.

В талантливом фильме, получившем Серебряный приз, режиссера Мринала Сена «Парашурам», который можно назвать своеобразной философской притчей, речь идет о сложных и острых социальных проблемах Индии. Такие фильмы, как «Человек на коленях» итальянского режиссера Дамиано Дамиани, «Репетиция оркестра» Федерико Феллини и американские киноленты «Кулак» Нормана Джюисона, «Китайский синдром» Джеймса Бриджеса, «Апокалипсис сегодня» Фрэнсиса Форда Копполы, свидетельствуют о том, что в нашем мире, перенасыщенном информацией, умный, гуманный кинематограф дает современному человеку возможность не только поразмышлять о времени, в котором он живет, но и занять в нем позицию борца.

Сегодня человек получил возможность увидеть мир из космоса. Сегодня мы думаем и о состоянии окружающей среды, и об использовании Мирового океана, и об овладении космосом. Все это проблемы, которые человечеству под силу решить только сообща. И прогрессивные кинематографисты всех континентов принесли на фестивальный экран эту злободневную тему нерасторжимости и взаимосвязи жизни всех народов, всего человечества.

— Кинофорум в Москве часто называют «фестивалем трех фестивалей», так как в его рамках одновременно проходят конкурсы детского и документального кино...

— Верно, это отличительная черта нашего фестиваля. В Международный год ребенка особое внимание было уделено детским фильмам. Намного больше, чем всегда, около пятидесяти кинолент прислали в адрес фестиваля тридцать стран, и это позволило увидеть направление современного кинематографа, посвященного подрастающему поколению. В конкурсе детских фильмов впервые участвовали Бангладеш, Ирак, Венесуэла.

Прогрессивные организации мира, педагоги и врачи озабочены воздействием на детей потока кинопродукции, прославляющей расизм, человеконенавистничество, порнографию. Во многих буржуазных странах детского кинематографа не существует, и потому опыт нашей страны, являющейся родоначальницей производства фильмов для юных, вызывает все больший интерес. Жюри конкурса фильмов для детей постановило присудить золотую награду советскому фильму режиссера Владимира Грамматикова «Шла собака по роялю». Серебряными наградами отмечены «Таро — сын дракона» (Япония), «Последняя скачка» (Югославия), «Мгновения в спичечном коробке» (Болгария).

Процесс усиления социальной активности кино, его прямой политизации идет сегодня во многих странах мира. Завоевание рядом государств Азии, Африки, Латинской Америки независимости нашло отражение на документальном экране минувшего фестиваля. Золотой приз был присужден фильму «Никарагуа: свобода или смерть», сделанному мастерами документального кино Коста-Рики. Высокую награду фестиваля получил также за яркое художественное воплощение острой социальной темы колумбийский фильм «Нет зла, которое длилось бы сто лет». Серебряными наградами отмечены фильмы «А все-таки она вертится» (Народная Демократическая Республика Йемен) и «Палестинцы: право на жизнь», снятый советскими мастерами. Документальные ленты, представленные на фестиваль, рассказывали о событиях в горячих точках планеты: «Один год и один день» — о победе революции в Афганистане, «Красный полумесяц Палестины», представленный Организацией освобождения Палестины, «Борьба — победа, победа — борьба», снятый кинематографистами Эфиопии, «Ядерный отсчет», представленный Организацией Объединенных Наций.

Особое внимание вызвал просмотр кинолент, сделанных кинодокументалистами Вьетнама: «Пекин: агрессия и позорное поражение», «Кампучия: земля разоренная и земля возрождаемая». На кинофестивале мы получили возможность увидеть, как возросло мастерство кинематографистов Вьетнама. Фильм «Только вперед!» режиссера Лонг Вана был отмечен специальным дипломом Большого жюри.

Цель Московского кинофестиваля — консолидация прогрессивных сил мирового кино. Его программа полностью подтвердила положение, высказанное в приветствии Л. И. Брежнева участникам и гостям XI Московского международного кинофестиваля: «Кинематограф может многое сделать для сближения народов и государств на основе добрососедства и взаимного доверия, способствовать повышению ответственности нынешнего поколения за избавление человечества от угрозы войны».

На XI Московском фестивале широко представлен весь мировой кинематограф, определяющим на нем был дух дружбы и сотрудничества, общей заботы о будущем человечества. И это главный залог грядущих побед киноискусства на всех континентах во имя мира и счастья народов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!

Викентий МАТВЕЕВ

В самом конце августа 1939 года переодетые в форму польских военнослужащих гитлеровцы «атаковали» собственную радиостанцию в Гляйвице, в Силезии, после чего фюрер в ночь на 1 сентября объявил о начале «оборонительных действий» против Польши. Вторая мировая война, зарницы которой полыхали все сильнее с середины 30-х годов — сперва в Северо-Восточном Китае, куда вторглись японские интервенты, затем в Эфиопии с развязыванием там агрессии фашистской Италией, а еще позднее — с захватом гитлеровцами Австрии и Чехословакии — стала фактом.

40 лет — срок более чем достаточный для того, чтобы всесторонне проанализировать явные и тайные пружины этого бедствия, стоившего народам 50 миллионов человек убитыми. Из написанных за эти четыре десятилетия книг о происхождении второй мировой войны можно было бы сложить гору. Список такой литературы растет, а с ним все детальнее становится панорама истории подготовки этого мирового конфликта.

Он именно готовился, а не свалился подобно грому с ясного неба. Готовился со всей тщательностью и коварством в открытую и за кулисами мирового капитализма, неотъемлемой частью которого стал пришедший к власти в 20—30-х годах в Италии, Германии, Японии фашизм — главный виновник развязывания второй мировой войны.

У позорного столба стоят не только фашистские агрессоры, а и их рьяные пособники в лице тогдашних правителей Запада. Без их помощи, без их поощрения ни Гитлер, ни Муссолини, ни Тодзио не смогли бы совершать свои преступные акты против дела мира. «Палочкой-выручалочкой» для агрессоров была их бешеная антикоммунистическая, антисоветская пропаганда, предназначенная усладить слух холеных господ в Лондоне, Париже, Вашингтоне, носившихся с идеей направить фашистскую агрессию против Страны Советов.

Махинаторы Запада пожали, что посеяли. Поражение Франции летом 1940 года, выход гитлеровских армий к Ламаншу и смертельная угроза, нависшая над Британскими островами, вывод из строя костяка американского тихоокеанского флота японскими самолетами в начале декабря 1941 года, разгром британских сил в Юго-Восточной Азии и многое, многое другое, что произошло на начальном этапе войны, было следствием западного курса непротивления агрессии.

К решительным согласованным действиям всех миролюбивых сил неустанно с самого начала фашистской угрозы призывала наша страна, добиваясь в самых сложных, трудных международных условиях выковывания фронта отпора агрессии. На Западе были политики, понимавшие важность сотрудничества с Советским Союзом, но в каждый критический момент, когда совершалась очередная фашистская агрессия, в столицах Запада верх брала линия на саботаж усилий по коллективной безопасности.

Осенью 1938 года был оформлен мюнхенский сговор Чемберлена и Даладье с Гитлером и Муссолини. Правящие круги Англии и Франции, ободряемые американской реакцией, выдали нацистам на растерзание Чехословакию как «плату» за поход агрессоров на Восток, против СССР.

Всего этого нельзя забыть, как нельзя забыть и о том, что именно советский народ, руководимый Коммунистической партией, ценой героических усилий сломал хребет фашистскому зверю. Мы знали, что рано или поздно нам придется сражаться против фашизма. Великая заслуга партии, Советского правительства — в том, что вовремя была разгадана и обречена на провал коварная антисоветская игра правительств Запада с фашистскими агрессорами. Вторая мировая война не приняла характер всеобщего антисоветского похода, как о том грезили столпы Запада. Подписание в конце августа 1939 года пакта о ненападении с Германией — после тщетных усилий советской дипломатии добиться согласованных шагов с Англией и Францией для противодействия агрессии — было дальновидным и мудрым ходом, позволившим нам выиграть время и привести развитие событий в русло создания антигитлеровской коалиции.

Суровы уроки войны. И самый серьезный среди них заключается в обреченности любых замыслов, схем, комбинаций, направленных на подрыв сил социализма, сил прогресса и мира. Историю не повернуть вспять ни «тихой контрреволюцией», ни прямой вооруженной агрессией!

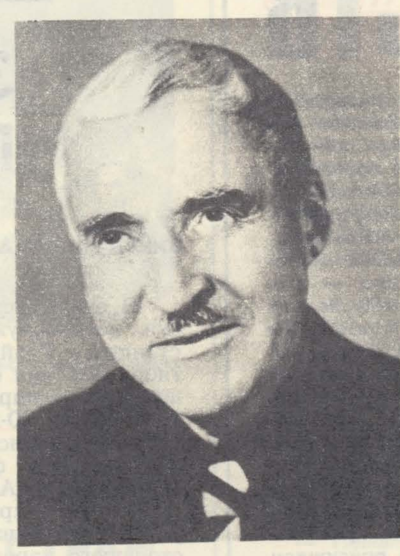
Уроки второй мировой войны предостерегают тех еще не перебесившихся в мире деятелей, которые хотели бы в наши дни попытаться сколотить «объединения» и «блоки» против нашей страны и других социалистических государств.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ

28 августа 1979 года после тяжелой, продолжительной болезни скончался выдающийся советский писатель и общественный деятель, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, секретарь правления Союза писателей СССР Константин (Кирилл) Михайлович Симонов. Советская литература понесла тяжелую, невосполнимую утрату.

К. М. Симонов родился 28 ноября 1915 года в г. Ленинграде в семье военного. Вся творческая жизнь К. М. Симонова была связана с темой защиты социалистической Родины. Его ранние стихи, исторические поэмы «Ледовое побоище», «Суворов» были посвящены мужеству, воинской доблести и героизму нашего народа.

Через год после окончания Литературного института имени А. М. Горького К. М. Симонов участвует в событиях на Халхин-Голе, а с первых дней Великой Отечественной войны он в рядах Действующей армии прошел в качестве корреспондента весь трудный и мужественный путь солдата. Его яркие корреспонденции с фронта находили горячий отклик в сердцах советских людей, его произведения, и особенно такие, как стихотворение «Жди меня», пьеса «Русские люди», повесть «Дни и ночи», воодушевляли их на подвиги, вселяли непоколебимую веру в победу.

Поэт, прозаик, драматург, публицист, К. М. Симонов создает яркие и глубокие образы советских людей, раскрывает суровую и высокую правду народного подвига в борьбе с фашизмом. Широкую популярность получили его трилогия «Живые и мертвые» и созданные им кинокартины и телевизионные фильмы.

Его книги, переведенные на многие языки мира, рассказывают зарубежному читателю о советском человеке, о советском образе жизни, о славной истории и сегодняшнем дне нашего народа.

Возглавляя в течение ряда лет «Литературную газету», журнал «Новый мир», являясь секретарем правления Союза писателей СССР, К. М. Симонов работал с большой энергией, инициативой, партийной целеустремленностью и страстностью. Он отдавал много сил благородному делу борьбы за мир, принимал деятельное участие в работе Всемирного Совета Мира, являлся заместителем председателя Советского комитета защиты мира.

Значителен вклад писателя в развитие многонациональной советской литературы. Друг и наставник литераторов многих советских республик, краев и областей нашей страны, он активно содействовал приобщению всесоюзного читателя к художественным достижениям литератур народов СССР.

К. М. Симонов избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги К. М. Симонова, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Он награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом «Знак Почета», медалями. К. М. Симонов удостоен Ленинской и шести Государственных премий СССР.

Пламенный патриот-коммунист, вдохновенный художник социалистического общества, К. М. Симонов навсегда останется в народной памяти. Его книги служили и будут служить делу коммунистического строительства в нашей стране.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, Г. Ф. Сизов, А. П. Александров, П. Ф. Алексеев, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, В. Н. Макеев, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, А. И. Шибаев, М. П. Георгадзе, Ф. Т. Ермаш, Б. Н. Пастухов, Е. К. Федоров, Г. М. Марков, Г. Г. Абашидзе, Ч. Т. Айтматов, А. Т. Алимжанов, А. А. Ананьев, Т. Аскаров, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, П. У. Бровка, Ю. Н. Верченко, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, П. А. Загребельный, Р. Ф. Казакова, М. Карноатов, И. А. Касумов, В. П. Катаев, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, В. П. Козаченко, Ф. Ф. Кузнецов, Л. А. Кулиджанов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, А. М. Мирзагитов, С. В. Михалков, Г. М. Мусрепов, С. С. Наровчатов, Л. Н. Новиченко, В. М. Озеров, Б. И. Олейник, В. А. Петросян, Б. Н. Полевой, Н. А. Пономарев, Г. Р. Приеде, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, А. А. Сурков, Ю. И. Суровцев, М. Танк, З. П. Туманова, Н. Т. Федоренко, Т. Н. Хренников, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. С. Шагинян, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, К. Н. Яшен.

Прощание с К. М. Симоновым

Советская литература понесла тяжелую, невосполнимую утрату. Ушел из жизни Константин Михайлович Симонов — выдающийся советский писатель и общественный деятель, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, секретарь правления Союза писателей СССР. 31 августа Москва прощалась с пламенным патриотом-коммунистом, вдохновенным художником социалистического общества, вся творческая жизнь которого была связана с темой защиты Советской Родины.

В траурном убранстве Центральный Дом литераторов. На высоком постаменте гроб с телом покойного. На алом бархате — золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, ордена и другие награды, которых был удостоен писатель за заслуги перед народом.

В зале много венков. На лентах одного из них надпись: «Константину Михайловичу Симонову от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР». Здесь же венки от МГК КПСС и исполкома Моссовета, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, от правления Союза писателей СССР, других творческих союзов, министерств и ведомств, от Советского комитета защиты мира, Всемирного Совета Мира, зарубежных писательских организаций, от друзей и близких.

Звучат траурные мелодии. В почетный караул становятся товарищи В. В. Гришин, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин.

Траурную вахту несли также депутаты Верховного Совета СССР, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, видные деятели литературы, науки и искусства, советские военачальники, представители общественности, члены комиссии по организации похорон.

Тысячи москвичей пришли проститься с К. М. Симоновым, отдавая дань любви и уважения писателю, чьи книги, запечатлевшие суровую и высокую правду народного подвига в борьбе с фашизмом, служили и будут служить делу коммунистического строительства в нашей стране.

Траурный митинг открыл секретарь правления Союза писателей СССР А. А. Сурков. Об огромном вкладе Константина Михайловича Симонова в развитие советской литературы, о его многосторонней общественной деятельности во имя укрепления мира и дружбы между народами говорили писатели Б. Н. Полевой, Г. Г. Абашидзе, Ю. В. Бондарев, председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш, заместитель министра культуры СССР Г. А. Иванов, председатель Советского комитета защиты мира Е. К. Федоров, председатель Союза писателей ГДР Герман Кант.

Урна с прахом покойного будет установлена на Новодевичьем кладбище.

Фото В. Мастюкова (ТАСС)

НОВОЕ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА-ЭКОНОМИСТА

Виктор ФИЛИППОВ

Автор, заместитель главного редактора «Экономической газеты», комментирует принятые недавно постановления партии и правительства по совершенствованию хозяйственного механизма, делится мыслями о проблемах практической реализации этих решений.

ИНИЦИАТИВА ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Планирование — главный инструмент реализации экономической политики партии. Его эффективность во многом зависит от системы планов и плановых показателей, от методов оценки их выполнения.

Напомним, что **новая система планов** состоит из четырех основных звеньев: Комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет; Основных направлений экономического и социального развития на 10 лет; пятилетнего плана экономического и социального развития; годового плана. О роли первых двух звеньев мы уже говорили[1].

Базой для составления **пятилетки** будет проект Основных направлений, одобренный в установленном порядке. Это создает отличные условия для повышения научной обоснованности планов, наиболее полного учета в них стратегических задач, поставленных партией.

Исходя из Основных направлений, Госплан СССР разработает контрольные цифры по основным показателям и нормативам и заблаговременно доведет их до министерств и ведомств СССР, Советов Министров союзных республик, а те, в свою очередь, до предприятий и объединений.

В новых условиях большое значение придается повышению роли трудовых коллективов в планировании. Их участие запрограммировано начиная со стадии разработки пятилетнего плана.

Посмотрите на схему. Пятилетка, прежде чем стать директивной, формируется в трудовых коллективах. Здесь контрольные цифры пятилетки уточняются, дополняются. Одновременно идет поиск наилучших путей достижения конечных результатов, максимального использования внутрипроизводственных резервов.

Еще большую роль трудовые коллективы призваны играть в формировании годовых планов. Составление их начнется **снизу**, с производственных объединений и предприятий. Они, исходя из заданий пятилетки, будут самостоятельно определять многие показатели будущей деятельности. На этом этапе развернется работа по подготовке встречных планов — составной части годовых планов.

Схема разработки пятилетнего плана

Госплан СССР
▼ контрольные цифры ▼ / ▲ проект пятилетки ▲
Министерства и ведомства СССР, Советы Министров союзных республик
▼ ▲
Всесоюзные и республиканские промышленные объединения
▼ ▲
Коллективы производственных и научно-производственных объединений и предприятий

НОВАЯ РОЛЬ ПЯТИЛЕТКИ

Закономерно возникает вопрос: разве раньше роль пятилетнего плана была невесомой? Конечно, нет. Пятилетка всегда была основной формой планирования в нашей стране. Но практически она не была **основой организации хозяйственной деятельности** предприятия, объединения, министерства, рабочей программой этой деятельности. Она составлялась по ограниченному кругу показателей. Ее задания стали доводиться до предприятия лишь в девятом пятилетии. Оценка деятельности производственных коллективов и материальное стимулирование почти не были связаны с показателями пятилетних планов.

Основой организации хозяйственной деятельности предприятий и объединений были **годовые планы.** А они в силу разных причин не всегда соответствовали заданиям пятилетки: планы одних предприятий были выше, других — ниже. По сумме годовых планов практически определялось и выполнение пятилетки предприятия.

На определенных этапах экономического развития такая практика нас устраивала: хозяйство было — не сравнить с сегодняшним. Да и экономические связи — куда проще нынешних.

Теперь иное дело. Ежегодное составление практически новой программы работы предприятий и строек стало тормозить развитие, отрицательно сказываться на эффективности производства. Негативные стороны этого процесса особо ощутимы в капитальном строительстве.

Ни одна страна в мире не может сравниться с нами по объему строительства. Таких масштабов не знала история. Тысячи и тысячи новых объектов ежегодно входят в строй действующих. С каждым годом растет экономический потенциал страны. Но есть одно обстоятельство, которое нас беспокоит. Это количество строительных объектов, только начинающих свою жизнь. Оно значительно превышает число вводимых. Результат: удлинение сроков строительства, рост «незавершенки», снижение эффективности капитальных вложений.

Как это происходит на практике? Перед началом каждого года, а иногда и в начале года (зависит от сроков разработки плана) надо определить, что и где в этом году строить, сколько средств вложить в те или иные объекты. Но вот годовая программа строительства утверждена. И оказывается, что за бортом плана остались многие начатые и незаконченные строительные объекты. Ведь их-то много, а государственный карман не бездонный. Тогда вступает в силу порочный принцип выделения денег «всем сестрам — по серьгам». И хотя в арсенале плановиков есть такой эффективный инструмент, как нормы продолжительности строительства, с ними, увы, не всегда считаются. За рамками плана чаще всего остаются более мелкие объекты. Крупные стройки обычно не упускают из виду.

Приведу простой пример. Из окон редакционного кабинета «Огонька» можно увидеть один незаконченный строительный объект — торговую палатку. Готова она процентов на 80. Но вот уже более года, как «строительство» законсервировано. Видимо, выпал объект из плана и никак не может туда попасть. Невелик объект — палатка, но факт характерный...

И еще одно немаловажное обстоятельство. Ежегодное утверждение программы строительства и, что особенно важно, отсутствие прямой связи этой программы с планом увеличения выпуска продукции побуждают иных руководителей предприятий не жалеть сил на «выбивание» дополнительных средств. В случае успеха такой «инициативы» почти автоматически уменьшается лимит другому предприятию, и оно вынуждено прекратить строительство каких-то начатых объектов.

Я далек от мысли обвинять хозяйственных руководителей в этаком выпрашивании ненужных для развития производства денег. С точки зрения интересов данного предприятия его руководитель чаще всего прав. Но ведь предприятие — это лишь часть единого народнохозяйственного комплекса. Планомерность его развития немыслима без сбалансированности всех планов.

Освоение капитальных вложений требует строительной базы, снабжения материалами, поставок оборудования. Распыление сил и средств по многочисленным объектам — и это не раз отмечалось в партийных документах — крупный недостаток в организации строительства. Среди причин, порождающих его,— нестабильность планов.

При современных гигантских масштабах капитального строительства годовой план, если он фактически не стал составной частью пятилетки, перестает быть

[1] См. «Огонек» № 35.

эффективным инструментом динамического развития. Работникам промышленности, строителям нужна стабильная, долгосрочная программа организации хозяйственной деятельности. Теперь они получат такую программу.

Что нового в хозяйственном механизме в области капиталовложений?

Во-первых, в пятилетних планах будут утверждаться по годам лимиты капитальных вложений, и уже не надо переутверждать их ежегодно. Не нужно будет ежегодно решать, что и где строить.

Во-вторых, строители получат пятилетний план (с разбивкой по годам), сбалансированный с поставками материалов и оборудования, увязанный с трудовыми ресурсами и финансами, мощностями строительно-монтажных организаций. «Нет ресурсов» — таких слов после утверждения плана они больше не должны слышать.

В-третьих, при планировании по-новому лимиты капитальных вложений тесно связываются с намечаемым приростом продукции. Это значит, что деньги выделяются на строительство (прежде всего на реконструкцию и техническое перевооружение) конкретных объектов, на обеспечение ввода их в эксплуатацию. Хочешь получить дополнительный лимит — включай в проект пятилетнего плана дополнительный выпуск нужной народному хозяйству продукции.

В-четвертых, на каждый плановый объект (предприятие, сооружение) **на весь период строительства** будут выделяться деньги и материально-технические ресурсы — все, что требуется по проекту и смете до завершения строительства. Иными словами, начал строить — заверши в самый короткий срок.

Ускорить ввод, повысить эффективность — цель проводимых мероприятий. Переоценить их очень трудно.

Новая роль пятилетки должна коренным образом изменить и организацию материально-технического снабжения. Сейчас основа снабжения закладывается в годовых планах. Работая над их составлением, предприятия входят в контакт с потребителями своей продукции и поставщиками сырья и материалов, уточняют номенклатуру нужных им материалов и полуфабрикатов, договариваются об условиях поставок и после утверждения плана заключают хозяйственные договоры. Дело это не простое. В производстве одного вида продукции нередко участвуют десятки, а то и сотни предприятий. У Московского автомобильного завода имени Лихачева, например, насчитывается больше 400 поставщиков.

Проходит год. И все начинается сначала. При этом новый годовой план предусматривает иногда и новые хозяйственные связи, новых поставщиков и новых потребителей.

Раньше, когда на многих фабриках и заводах все до последней детали делали у себя, организация хозяйственных связей, естественно, была проще. Раньше, но не сейчас. Организовать прямые длительные связи поставщиков и потребителей на базе стабильного пятилетнего плана — такова задача, которую придется решать начиная с одиннадцатой пятилетки.

В постановлениях, о которых идет речь, определены и другие меры. Их цель — превратить пятилетку в стабильную рабочую программу организации хозяйственной деятельности предприятий, объединений, министерств. Придается, например, большое значение сбалансированности планов. Балансы материальных и трудовых ресурсов, производственных мощностей, финансовый и другие балансы станут составной частью пятилетки. Резко повышается роль нормативов.

Сбалансированный по всем показателям стабильный план создаст лучшие условия для высокопроизводительного труда миллионов.

КОНЕЦ ЭПИДЕМИИ «УЛУЧШЕНИЙ»

Стабильный — значит прочный, устойчивый, постоянный. Такими в новых условиях должны быть наши планы. Но превратить их в стабильную рабочую программу организации хозяйственной деятельности совсем непросто. На всех «этажах» управления потребуется большая работа.

Здесь есть одна проблема, пожалуй, не столько экономическая, сколько психологическая: корректировки плана. Ее суть — сократить количество изменений в планах, свести их к необходимому минимуму, который определит практика, опыт.

Начнем с корректировок уже утвержденных планов. Представим себе такую нередкую в жизни картину.

...Крупный или не очень крупный завод. Приближается конец года. В цехах проходят рабочие собрания. С тревогой выступают хозяйственные руководители и рабочие. Завод не выполняет свои социалистические обязательства, не выполняет государственный план. Выясняется, что коллектив завода не во всем виноват. Сложившееся положение во многом предопределили смежники. Во многом, но не во всем. Завод мог бы иметь лучшие результаты. Об этом и идет деловой разговор на собраниях, ведется поиск резервов и неиспользованных возможностей. Проходит несколько дней, и вдруг на заводских стендах появляются новые цифры — план и обязательство выполнены.

Что за чудо? Оказывается, план можно «выполнять» не только в цехах, но и «кабинетным способом». Моральный ущерб таких корректировок очевиден.

В нашем примере план не выполнен отчасти и по вине смежников. Но частенько корректировки бывают и при отсутствии таких причин. Довод стереотипен: «Нельзя оставить хороший коллектив не выполняющим план». Нужны ли комментарии?

Мотивы корректировок разнообразны. Есть у нас, к сожалению, руководители объединений, работники министерств, которые почему-то считают своим долгом, посещая фабрику, завод или строительную площадку, обязательно «сделать» что-то «для коллектива», понимая эту помощь очень своеобразно. Снять с плана изделия, производство которых идет туго, «поправить» план по труду, подкинуть сверх плана материальные ресурсы.

Так зарождается очередная корректировка плана. Одним добавляют, у других отнимают. В проигрыше обычно бывают коллективы лучших предприятий и строек.

Такого рода руководителям в новых условиях придется нелегко. Психологическая перестройка — первоочередная для них задача.

И еще об одном виде корректировок. Речь идет об изменениях «в целях улучшения плана». Их природа связана с недочетами и ошибками в уже утвержденных планах. Ошибки эти (в какой мере — другой вопрос), вероятно, будут и в новых условиях. Вспомните слова, ставшие крылатыми: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». А планы в конце концов составляются людьми. Ошибки иногда носят принципиальный характер. И если их вовремя не устранить — ущерба не избежать. Здесь нет проблемы. Другое дело — изменения, улучшающие «детали» плана. Выгода тут невелика, а порой ее и не приметишь.

Стремление без конца улучшать утвержденные планы очень напоминает эпидемию «улучшений» в технике, о которой писал известный авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев. В своей книге «Цель жизни» он рассказывает, как во время Великой Отечественной войны неожиданно встала проблема «улучшений» военной техники. «...Наша техника была хорошей,— пишет Александр Сергеевич.— Но нам пришлось пережить с этой техникой одну общую и для авиации, и для танковых войск, и для артиллерии болезнь — эпидемию «улучшений». Отработанную, принятую на вооружение и налаженную в массовом производстве машину принимались «улучшать», внося «непринципиальные» конструктивные изменения, технологические «улучшения», «усовершенствования», «повышающие» боеспособность и т. п. И эти мелкие, казалось бы, действительно непринципиальные изменения, но вносимые неорганизованно и в больших количествах, стали настоящим бичом». И дальше автор рассказывает, как этот вопрос обсуждался в Центральном Комитете партии, у Верховного Главнокомандующего и какие решительные меры борьбы с «эпидемией» были приняты.

Мы понимаем, что полной аналогии с техникой быть не может, но информация для размышлений есть. Есть над чем задуматься работникам плановых органов. Эпидемии «улучшений» должен прийти конец.

Обеспечить стабильность годовых и квартальных планов, утвержденных объединениям и предприятиям, не допускать их корректировки в сторону снижения, не подгонять план под фактический уровень выполнения — таково требование постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Оно четко определяет и меру ответственности тех, кто пойдет по скользкому пути корректировки. «...Руководители министерств, ведомств и других органов управления,— говорится в постановлении,— с разрешения которых произведено снижение плановых заданий, привлекаются... к дисциплинарной и материальной ответственности, а руководящие работники объединений, предприятий и организаций лишаются премий за основные результаты хозяйственной деятельности полностью или частично, но не менее чем на 50 процентов».

Это, конечно, не значит, что впредь не будет никаких изменений планов. Так упрощенно рассматривать понятие стабильности не следует. В хозяйственном механизме дан строгий порядок внесения уточнений, в плане выделены для этого финансовые и материальные резервы и даже резервы производственных мощностей. В частности, предусматриваются изменения годовых планов в случае, если на предприятии ухудшаются показатели из-за освоения и роста выпуска высокоэффективной продукции или новых видов высококачественных товаров для населения. До сих пор таких корректировок, как правило, не делали, и это тормозило рост производства новых нужных потребителю товаров. Сейчас проблема решена.

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ...

Стабильность любого плана, пятилетнего или годового, в решающей мере зависит от уровня его научной разработки и технико-экономического обоснования. Повышение качества планов — гарантия их стабильности. В новых условиях должна уйти со сцены ориентировка только на так называемый достигнутый уровень. Такое планирование (об этом достаточно много писали) позволяет отстающим продолжать отставать, а передовым создает сложные условия для выхода на новые рубежи.

Министерствам и ведомствам предложено обеспечить в 1979 — 1980 годах составление паспорта на каждое предприятие и объединение. Это сумма данных об использовании производственных мощностей, коэффициенте сменности, техническом уровне и специализации производства. Плановики таким образом получают надежную базу для обоснования планов.

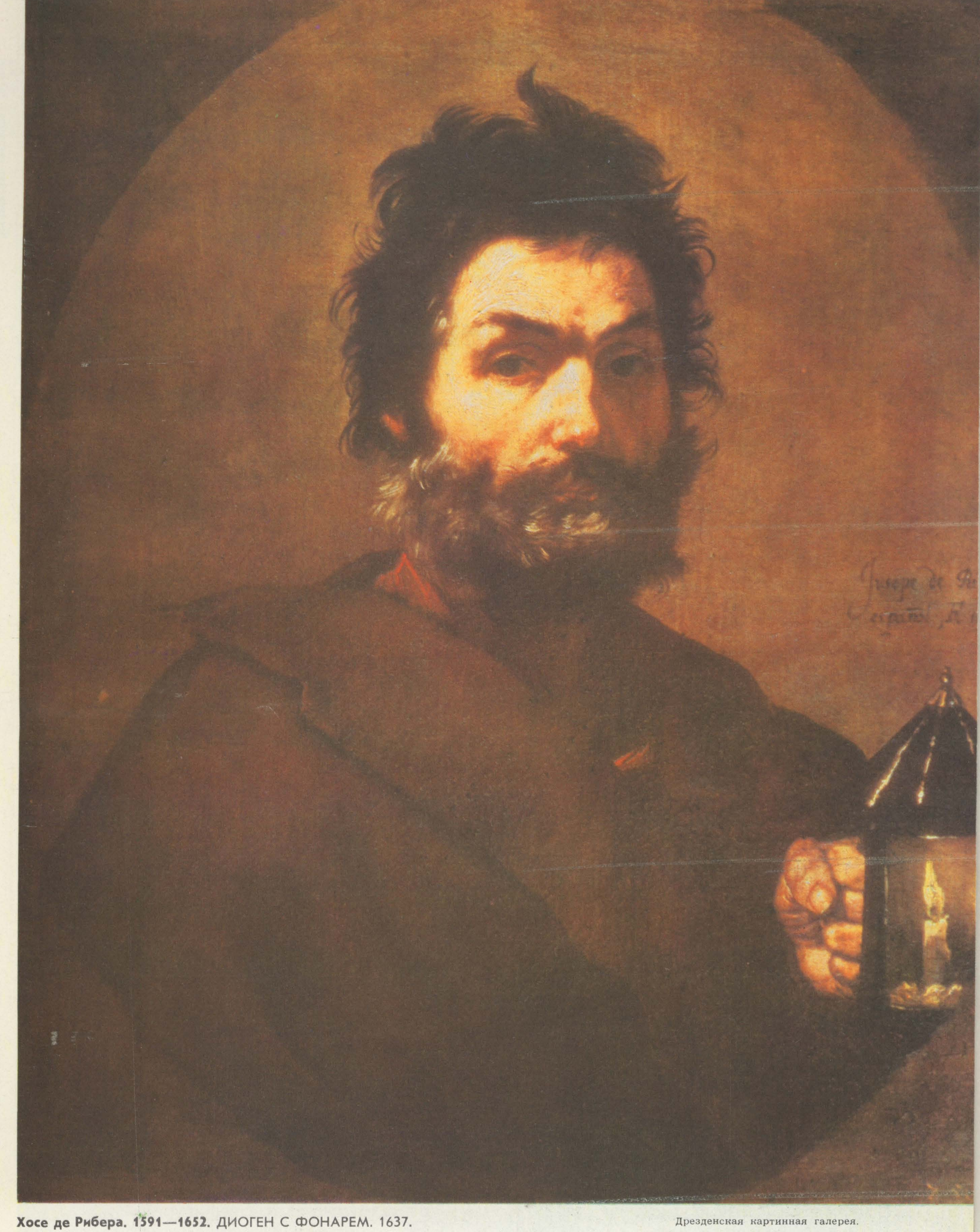
По-новому станут решаться и вопросы территориального планирования. Резко возрастет роль целевых комплексных программ, а также программ развития отдельных регионов и территориально-производственных комплексов.

Намечаемые преобразования охватывают широкий круг вопросов. Особенно возрастет и без того большая роль Госплана СССР — главного экономического штаба страны.

Повысится роль плановой и других экономических служб на всех уровнях управления. Вместе с Госпланом они-то и должны обеспечить стабильность и сбалансированность планов, их высокую эффективность.

Мне представляется, что в новых условиях планирования хозяйственник вправе посоветовать плановику: «Думай, еще раз думай, изучай конкретную обстановку и дальние перспективы, «прокручивай» на ЭВМ сотни и тысячи вариантов, выбери тот, который дает наибольший экономический и социальный эффект, наиболее полно соответствует задачам, выдвинутым партией».

Семь раз отмерь, один раз отрежь. Мудрость этой пословицы должна быть взята на вооружение.

Хосе де Рибера. 1591—1652. ДИОГЕН С ФОНАРЕМ. 1637. Дрезденская картинная галерея.

Хосе де Рибера. СВЯТАЯ ИНЕССА. 1641.

Дрезденская картинная галерея.

Л. БУТЬКОВА,
закройщица Витебского швейного ателье «Мечта», заслуженный работник быта БССР

ПРЕСТИЖ ТВОЕЙ ПРОФЕССИИ

В наше ателье «Мечта» пришло письмо из южного города. Женщина писала о том, что по рекомендации сестры, жительницы Витебска, она приехала сюда, чтобы сшить у закройщицы Бутьковой, то есть у меня, пальто. Заказала. И как на грех, когда у нее примерка, я захворала. Но я буквально через силу приехала на работу, чтобы примерка все же состоялась. Пальто вышло хорошее. Женщина осталась довольна. О чем и написала в «Мечту».

...Профессиональный престиж. Я дорожу им с тех пор, как стала работать в ателье. Помню, первая добрая моя наставница Мария Федоровна Борейко учила: «Не спеши, Лидочка, делай все на совесть и не забывай, что твой труд будут оценивать люди. Дорожи своим авторитетом и возьми за правило показывать сделанное только тогда, когда тебе самой нравится, когда к себе — никаких претензий».

Вот с этого — никаких претензий к себе!— я считаю, и начинается настоящий мастер. (Я не путаю понятие «никаких претензий к себе» с понятием «не успокаиваться на достигнутом».) А настоящий мастер всегда горд своим умением и отношением к себе людей. Его оскорбляет попытка как-то принизить личность, поставить под сомнение профессиональное мастерство. Мне, например, дороже всего доверие человека. Как-то у меня спросили имя и отчество моей постоянной клиентки Кашко. Я ответила, что отчества не знаю, потому что мы общаемся уже двадцать лет, шьет только у меня, зову я ее Марией или Машей, а ее дочь — Аней, она «по наследству перешла» ко мне и приезжает со своими заказами из другого города.

Уверена, что никогда не станет настоящим мастером тот, кто не воспитывает в себе высокой профессиональной гордости, я убеждена, что это вовсе не чудачество—уверить себя: если хорошо не сделаю я, то кто ж? Разумеется, такая позиция не должна иметь ничего общего с зазнайством, истинная гордость всегда скромна, незаносчива и никогда не отталкивает, скорее наоборот — притягивает к себе.

Ну, а из чего же он складывается, престиж профессии? Прежде всего, конечно, из мастерства. Я совершенствую его с сорок пятого года, с тех пор, как девчонкой пришла учиться швейному делу. Училась сперва на портниху, потом ушла в профтехучилище, чтобы овладеть специальностью закройщицы. И сейчас — ни дня без науки. А наука для меня — опыт других, знакомство с модами, новинками легкой промышленности, прежде всего с тканями, из которых придется шить; наблюдение за тем, как изменяются вкусы, запросы, конъюнктура в торговле; участие во внедрении новых форм обслуживания (прием заказов на предприятиях, демонстрация мод перед киносеансами и т. п.).

Престиж профессии требует выработки и определенных человеческих, нравственных качеств. Учитывая формулу «клиент всегда прав», мы не можем позволить себе ссылаться на плохое настроение, на какие-то служебные неувязки. Обязательный «приклад» к мастерству — доброжелательность, стремление понять человека, готовность в иных случаях отступить от каких-то положений, параграфов устаревшей конструкции, если необходимо пойти навстречу заказчику. Мне нравится, например, правило, утвердившееся у нас в ателье: приемный день сегодня не мой, а другого закройщика, но если кто-то пришел или приехал специально ко мне, я «нарушу» порядок, чтобы человек не ушел расстроенный, обиженный.

Тот, кому ты что-то делаешь, всегда должен с благодарностью думать о тебе. Если это не так, грош тебе цена как мастеру. Не скрою: я горжусь тем, что ко мне едут из других городов. Рудня находится в Смоленской области. Почему оттуда в Витебск приехали шить пальто? А у вас, отвечают, кто-то из руднянских пальто шил, и другие пожелали.

Не скрою и того, что не понимаю и осуждаю тех, кому безразлично, как о нем отзываются люди. Осуждаю строителей, которые не стыдятся давать ключи от квартир, где без ремонта нельзя по-человечески жить; осуждаю таксистов, которые нагло заявляют севшему в машину: «Вылезай, я в тот район города не повезу»; осуждаю парикмахеров, которые усердствуют лишь возле избранных...

Но мое осуждение, я понимаю, мало что может изменить, тем более в масштабе страны. Нужно, очевидно, принимать более строгие меры к тем, кто нарушает моральный кодекс, кто растаптывает престиж профессий, назначение которых — делать жизнь людей удобной, красивой. Я не знаю случая, чтобы кому-то в трудовой книжке сделали такую примерно запись: «не дорожит званием официанта» (продавца, мастера по ремонту телевизоров); или «брал «чаевые» и тем самым компрометировал свою профессию». Может быть, и не так, может быть, не записи в трудовых книжках... Надо сообща подумать, как отлучить от сферы обслуживания в самом широком смысле этого понятия тех, кто никак не соответствует нашим нынешним требованиям и не способен подняться до их уровня.

На нас, опытных мастерах, лежит еще одна огромной ответственности задача: воспитать молодое пополнение, вырастить достойную смену. И тут я опять хочу подчеркнуть, что труднее всего и вместе с тем нужнее всего привить начинающим умение с честью нести звание мастерового человека, умение любить эту «ношу».

К нам в ателье приходят на практику девчата из профтехучилища, мы часто наведываемся туда, помогаем. Разговор с будущими портнихами я всегда начинаю с вопроса: «Дело, за которое взялась, любишь?» Если нет любви к избранному делу, профессиональное умение всегда останется каженным, не согретым душевной радостью, и, не сомневаюсь, люди по-настоящему не оценят его. А работать только для того, чтобы много зарабатывать?.. Тогда ты будешь ничтожно мало значить для людей. Как важно, чтобы наша смена поняла это!

Я всегда говорю: не любишь это дело, не берись за него, не прикасайся к тому, что требует высокого мастерства! Не очень давно из нашего ателье уволились две девочки, не хватило у них терпения стать хорошими закройщицами, потому что не тянулись к мастерству. Раздавались голоса: «ушли — стало быть, коллектив не сумел их воспитать». Не согласна! Ушли как раз потому, что коллектив сумел положить начало воспитанию (на воспитание нужна вся жизнь!). Неужели мы, полтораста человек, не могли уговорить их остаться, что-то посулить им, обнадежить? Могли! А нам удалось убедить их, что рабочее место и место в жизни не всегда сразу совпадают. К счастью, они, с нашей помощью, поняли это не поздно.

Другой пример — Люба Шушкова. Недавно вышла победительницей в социалистическом соревновании на звание лучшего молодого рабочего города. Но я вспомнила о ней не только в связи с этой победой. Я любуюсь, глядя на ее строчку, радуюсь ее отношению к профессии. Мастер растет! Одним мастером больше станет в городе — насколько он станет богаче!

И тут мне хочется высказать еще одну мысль: мастера формирует не только педагог или наставник. Его формирует среда, в которой он живет и работает, отношение к нему и к его труду. Я, допустим, могу внушить выпускнику ПТУ, что любой, самый строгий спрос с него не поможет его росту, если он сам не научится спрашивать с себя по самой высокой профессиональной и человеческой мерке. Но я не могу убедить его в том, что закройщик в Самотлоре так же нужен, как бурильщик; или часовщик или повар на БАМе — так же, как строитель или шофер. Я не могу объяснить, почему многие считают наши профессии второстепенными, и это мнение проявляется в отношении к парикмахеру, портнихе, сапожнику...

...Профессиональная гордость... Если все мы будем помнить всегда, что это значит, «количество радости на душу населения» у нас быстро увеличится.

9 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

УДАРНАЯ СИЛА

Вся страна торжественно отмечает День танкистов — праздник, установленный в честь наших доблестных танковых войск. Они ровесники Советской власти. Прообразом современных танковых войск были автобронеотряды и бронепоезда времен гражданской войны. Много ярких страниц вписали они в летопись героической борьбы советского народа с белогвардейцами и интервентами.

Особенно велика была роль танковых войск в Великой Отечественной войне. Танковые армии и корпуса в значительной степени способствовали быстрейшему поражению фашистской Германии. Неколебимую стойкость, героизм, воинскую доблесть проявили наши танкисты в боях под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, в сражениях за освобождение Украины и Белоруссии, стран Юго-Восточной Европы, в завершающей Берлинской операции.

Танки и сегодня—главная ударная сила Сухопутных войск. Созданные по последнему слову военной техники, они обладают высокой маневренностью, мощным огнем, могут самостоятельно преодолевать по дну водные преграды, наименее уязвимы от поражающих факторов ядерного оружия.

Эта первоклассная техника сочетается с высокой боевой выучкой танкистов, которая постоянно совершенствуется. Так, воины Н-ской танковой части ордена Ленина Ленинградского военного округа достойно встречают свой праздник. Большинство солдат и сержантов стали классными военными специалистами, отличниками боевой и политической подготовки. На тактических учениях и полевых занятиях воины настойчиво совершенствуют свое мастерство, овладевают вверенной им грозной боевой техникой.

Командир отличного взвода старший лейтенант, коммунист Евгений Кропотов (справа) ставит задачу рядовому Александру Иваненко.
Фото Н. Беркетова. (ТАСС)

И ТОТ, КТО РОЖДЕН ПОСЛЕ

Станка ПЕНЧЕВА,
болгарская поэтесса

Вычислив по описаниям «Илиады» Гомера место, где должна была бы находиться древняя Троя, Шлиман раскопал холм Гиссарлык и обнаружил один над другим девять культурных слоев. Как девять раскрытых страниц истории.

Много таких страниц кроется и в болгарской земле — до и после памятного 681 года, когда всадники хана Аспаруха переплыли Дунай, вонзили в землю на том берегу знамя с конским хвостом и основали государство под названием Болгария. Земляные слои тех времен хранят наконечники стрел и копий, золотые царские монеты, стены крепостей и дворцов, выбитые на камне надписи. Среди них и знаменитая Тырновская надпись, которая заканчивается так: «Человек, если и хорошо живет, все равно умирает, но рождаются другие, и пусть тот, кто рожден после, глядя на это, вспомнит того, кто это сделал».

Одиннадцать веков пролегли между этой надписью и сегодняшним днем. Много было построено, много разрушено. Ибо испокон веков эта небольшая земля средь Балкан была тревожным перекрестком нашествий и походов, перекрестком торговых и культурных дорог между Европой и Азией. До тех пор, пока не начался исторический слой, охвативший целых пять столетий — пять столетий османского ига; слой, полный пепла пожарищ и человеческих костей. В нем лежат и кремни старинных ружей и проржавевшие ножи-мстители, на которых написано: «Знак мысли — слово, знак мужества — оружие». Лежат и позеленевшие гильзы и шелковые знамена с потемневшим золотым шитьем, вышедшим из-под рук юных девушек,— разъяренный лев и слова клятвы всего народа: «Свобода или смерть!» От этого времени не осталось надписей на камне, но нетленными остаются в пластах народной памяти последние слова идущих на виселицу: «Прощайте, братья! Прощайте, милые сестры! Не для того, чтобы умереть, я иду, как думают эти мерзавцы, а для того, чтобы родиться!»[1].

Все чаще в этом пятивековом слое находят изображение двуглавого орла. Символ русского царизма? Нет, символ непоколебимой веры, хранимой в сердце измученного народа и с любовью персонифицированной в мифический образ «деда Ивана». Орел, тайно нарисованный на знамени святого Димитра в древней Копривштинской церкви; орел, врезанный перламутром в пояс красивой болгарки из города Котел; орел — на мосту гениального строителя-самоучки мастера Кольо Фичева... Это продолжалось, пока не пришел «дед Иван» спасти своих братьев, пока не легли в этот слой вместе кости русских и болгар, и стали бессмертными Шипка и Плевен, а благодарный народ с любовью создал песню:

Показалось, мама, облако
черным-черно.
Да не облако, мама,
черным-черно,
А русские это, мама, добры
молодцы...
. . . .
...Сошли с коней,
привязали их к кустам красной
розы.
Как увидели их маленькие
девочки,
поснимали свои дюлбене[2],
покрыли ими землю...

И рефрен этой песни прозвучал через шестьдесят шесть лет, когда весь болгарский народ собрал со всех сентябрьских садов цветы, чтобы встретить во второй раз русских освободителей...

Пласт этих шестидесяти шести лет хранит для археологов барельеф, высеченный на Балканах, неподалеку от Шипки — там, где в 1891 году была основана партия болгарского рабочего класса, первая марксистская партия на Балканском полуострове. И снова — гильзы в земле после антифашистских восстаний и партизанских сражений, осколки гранат, взорванных с последним криком: «Смерть фашизму — свободу народу!» И плиты, плиты — тысячи мраморных плит с именами и датами, и тысячи памятников — от простых необработанных глыб до внушительных мемориалов, сооруженных над могилами борцов, они хранят память и о трагически разгромленном и почти полностью уничтоженном в Родопах партизанском отряде имени Антона Иванова, и о мучениках села Ястребино, родственниках партизан, среди которых было два старика за семьдесят и шестеро детей...

Археологов будущего поразят и другие памятники: в Родопах, в мрачном ущелье последнего партизанского боя, сотрясают скалы турбины гидроэлектростанции имени Антона Иванова; в пролетарском городе Сливене, где предпочел покончить с собой, чем сдаться врагу, организатор борьбы рабочих Сыби Димитров, сегодня высится завод, носящий его имя... И такие живые памятники — по всей Болгарии: названия сел, заводов, школ — в них живет память о погибших, они как бы сами участвуют в трудовых буднях живых. Здесь уместно привести строки из поэмы Павла Матева «Возвращение к началу»:

Спите спокойно, товарищи!
Слава вам,
сгоревшим, как последние
ступени
ракет сегодняшнего времени,
и выведшим Болгарию
на орбиту светлую самую...

Вот и последний, самый верхний слой болгарской истории. Ему всего тридцать пять лет. Много ли это или мало? Очень мало — даже меньше, чем одна человеческая жизнь. Рожденные в этот памятный день — 9 сентября 1944 года — сейчас в расцвете своей молодости и творческих сил. Такова и тридцатипятилетняя республика — молода и сильна. И вместе с тем это очень много времени, ибо оно имеет и другое измерение. Вспомним известные слова Георгия Димитрова: «...Наша молодая народная республика должна в 10—15 лет достигнуть того, чего другие государства добивались в течение столетия».

Чему же, в сущности, равны эти годы? Равны они целой революции: в экономике, быту, в душах людей. Археолог может найти много документов и цифр, но ему, наверное, интереснее изучать вещи. И он найдет странные, забытые предметы, их предназначение придется вновь выяснять: серп с зазубринами, которым жали пшеницу и перерезали пуповину новорожденным; деревянный плуг, которым пахали землю; глиняная плошка, из которой ели деревянными ложками; рубахи из конопли и царвули[3] из необработанной кожи; керосиновые коптилки, топоры с бурыми пятнами — брат убивал ими брата за кусок земли...

Даже для нас, живущих сегодня, это время — уже история. Национализация промышленности, коллективизация сельского хозяйства... С тех времен осталось уже превратившееся в шаблон выражение о том, что распаханы тогда были не только межи на полях, но и души людей. Сейчас, с высоты прошедших лет, снова видишь истинную ценность этих слов — слышишь, как трещат и мучительно рвутся корни привычного, патриархального, как оскаливаются острыми гранями камни, скрытые под поверхностью, или вырываются блестящие струи неожиданных родников. Что же внесло это время в жизнь отдельного человека? Вот, тоже сохраненные для истории, слова трех женщин (женщин, ибо именно в судьбе болгарки наиболее остро сфокусировались коренные изменения в стране).

Первую зовут Цветанка Владова, она инженер трудового кооперативного земледельческого хозяйства в селе Ореш Великотырновского округа. Слова эти были сказаны ровно десять лет назад:

«Я счастлива, что у меня есть работа, каждый день которой полон борьбы со старым, борьбы с землей, которую мы должны заставить больше плодоносить... Меня волнуют мысли о моей жизни — о той, которая прошла, и о той, которая впереди. Сначала меня привлекали машины, а потом люди, которые на них работают. Люди в промасленных одеждах, но с чистыми сердцами, знающие силу коллектива. А коллектива не может быть, если один не нужен всем и все одному».

Вторая — известная всей стране специалистка по производству табака из Банско, Герой Социалистического Труда Сара Смедарчина. Отвечая на вопрос: «Что представляют собой лично для вас прошедшие после освобождения годы»,— она сказала:

«Я в кооперативном хозяйстве с самого первого его дня... Сейчас думаю, что новое заключается не в новых домах, в новом убранстве, в богатых свадьбах, в сберегательных книжках. Главное то, что люди изменились к лучшему. Женщины обрели самосознание, появилось к ним уважение и почет, дети их выучились, стали врачами, инженерами. Я и не мечтала, что моя дочь, которая выросла среди табачных полей, достигнет высот науки, изучив атомную физику, и будет пользоваться уважением среди ученых Москвы».

А третья женщина — дважды Герой Социалистического Труда, ткачиха Лиляна Димитрова. Свою вторую золотую звезду она получила уже не только за то, что была первой, а за то, что и отстающих рядом не было. Но пусть лучше прозвучат ее слова, сказанные на самой высокой ступеньке — на тридцать пятом году народной власти:

«Я не хочу вспоминать о своем детстве. Жизнь моя началась с сорок четвертого, когда я и еще сто девушек отправились в Габрово — город-мечту каждого рабочего того времени. Начала я работать и говорю себе: «Лиляна, прежде всего нужен ум, ум должен быть на первом месте». Мы тогда прочитали брошюры, в которых рассказывалось о Штыревой, Кононенко, Корабельниковой. О моих кумирах! Именно они помогли мне сделать эту истину своей... Общественное и личное счастье, пусть даже мы скажем так — личное и затем общественное, достигаются лишь только трудом».

Здесь просто необходимо сделать одно отступление. Нет, не будем приводить слова Георгия Димитрова и Тодора Живкова о том, что значит для болгарина дружба с Советским Союзом,— они известны. Речь пойдет не о традиционной признательности, а о постоянном и жизненно необходимом, как кровообращение, обмене духовными ценностями, опытом, знаниями.

В музее села Веселиново Ямбольского округа есть один необычный экспонат. Ему присвоен номер 1, а старым людям села он известен как «красный трактор». За несколько лет до памятной даты, еще в 1940 году, коммунисты Веселинова убеждают своих односельчан в необходимости кооперативной об-

---

[1] Предсмертные слова бунтовщика Стефана Орешкова, 1868 год.
[2] Дюлбене — головной платок из тонкой материи.

[3] Царвули — вид крестьянской обуви.

работки земли. Собирают деньги, и вскоре село отмечает незабываемый праздник: привозят советский трактор, первый советский трактор в Болгарии! Из машины он превращается в живое существо, в объект любви и восхищения, в красного агитатора за коммунизм. Сейчас он занимает достойное место в сельском музее и, в сущности, в истории Болгарии.

Вот уже тридцать пять лет, включая и сегодняшний день, на вокзалах и строительных площадках можно увидеть огромные ящики с надписями: «Сделано в СССР». Около двухсот наших самых крупных заводов были сооружены по советским проектам и названы были «детищами болгаро-советской дружбы», «памятниками дружбы». Начиная с той первой сварщицы нового Димитровграда — Лидии Кудрявцевой и до Николая Злобина, чье имя можно увидеть сейчас на транспарантах почти каждой стройки,— бесчисленное количество имен: учителей и наставников, друзей, кровных братьев. На историческом апрельском пленуме 1956 года, с которого над Болгарией повеяли новые ветры, эта дружба была названа великой материальной силой нашего развития.

Каждое пятилетие, каждый год, каждый месяц и даже день напластований времени будут раскрывать перед археологом напряженные усилия целого народа, его трудности и страдания, опьяняющую радость его побед. Археолог, наверное, будет едва успевать записывать.

Посреди равнинной Фракии — город молодости Димитровград... Металлургический комбинат имени Ленина в율Пернике — первый болгарский прокат... Металлургический гигант «Кремиковцы» близ Софии — первая сталь... Нефтеперерабатывающий комбинат в Бургасе... Текстильный комбинат «Марица» в Пловдиве... Химические заводы в Видине... Гидрокаскад в районе села Батак... Атомная электростанция в Козлодуе... Девненский промышленный комплекс...

Но достаточно. Хотя нами и владеет высокое чувство того, что и самый маленький из нас участвует в сотворении истории, все же это наша обычная, живая и изменяющаяся повседневность. И пусть будущий археолог подождет — предстоит еще многое. Залогом нашего будущего является то, о чем вдохновенно говорил с высокой трибуны XI съезда партии в 1976 году товарищ Тодор Живков:

«Партия и народ у нас действительно стали неделимым целым. Нет в мире силы, внутренней и внешней, которая могла бы нарушить это единство, поколебать преданность партии своему народу, веру народа в свою партию! Когда мы говорим, что одинокий в прошлом «Алый мак»[1] сегодня цветет по всей стране, что современная Болгария является красной буквально до последней капли крови народа,— это уже не только поэтический образ... Со съезда с чувством победителей выходим не только мы, делегаты, не только мы, болгарские коммунисты. Со съезда выходит победителем весь болгарский народ... Народ, который превратит решения съезда в материальную силу, в живые дела».

И эти слова заставили меня еще раз вернуться к древней надписи на камне: «...и пусть тот, кто рожден после, глядя на это, вспомнит того, кто это сделал...»

[1] «Алый мак» — название революционной песни болгарского пролетариата.

ВСТРЕЧА С ПАВЛОМ ВЕЖИНОВЫМ

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Вынырнув из шумного софийского уличного водоворота, мы шагнули в гулкую прохладу подъезда старого дома.

— Ну вот мы и пришли,— сказал Северняк,— здесь живет мой давний друг, с которым ты хочешь поговорить!

Серафим Северняк, главный редактор популярного журнала «Отечество», привел меня в дом, где живет крупнейший современный болгарский писатель, народный деятель культуры и трижды лауреат Димитровской премии Павел Вежинов. Его имя хорошо известно советским читателям по военным повестям, романам «Вдали от берегов», «Звезды над нами», а также сборникам рассказов. Последняя повесть, переведенная на русский язык, «Барьер», была опубликована в «Иностранной литературе». Я прочитала ее залпом.

— Может быть, стоит начать беседу с рассказа «Синие бабочки»,— подходя к дверям квартиры Вежинова, говорит Серафим.— К этому жанру своеобразной научной фантастики Павел обратился в последние годы...

Я не успела ответить: на пороге стоял круглолицый, улыбчивый человек в темном свитере. «Добро пожаловать, гости!» Из прихожей, стены которой занимает коллекция старинных часов, проходим в просторную комнату с огромным, во всю стену окном. Между рамами окна насыпана морская галька, и это делает его похожим на аквариум.

— Похоже на аквариум? — улыбается Вежинов.— Но, увы, золотой рыбкой я себя что-то не чувствую...

Он откровенно радуется встрече с новым человеком и сразу же хочет узнать, кто ты. И спрашивает первым.

— Как вы считаете, о чем моя повесть «Барьер»?

— Я прочитала ее как лирическую драму о мужчине и женщине, разделенных страшным барьером современности—эгоизмом...

Он покачал головой.

— Так восприняли ее многие, очень многие читатели! А между тем я писал о драматической ограниченности мышления современного человека и его ограниченном представлении о действительности. А что вы думаете о герое повести композиторе Антонии Маневе — хороший он или плохой человек?

Вопрос показался мне трудным. И в самом деле, что я могу сказать о нем? Вполне порядочный, трезво мыслящий Антоний, встретив девушку «со странностями», Доротею, искренне старается ей помочь и вместе с тем в конце концов оказывается жестоким, неспособным на доброту, и это убивает девушку.

— Вот именно не способен, потому что живет в плену привычного схематизма мышления! — горячо восклицает писатель.— Да, Манев — прагматик, реалист, он твердо стоит на земле и не умеет приподняться над обыденностью в отношениях между людьми. Помните, как он испугался предложения Доротеи «летать вместе». Конечно, человек пока еще не может «летать», но он должен верить в то, что рожден для этого!

— Но зачем вы наделили героиню умственной болезнью? Получается, что больная Доротея гораздо человечней, тоньше и глубже «нормального» Антония?

— А я и не считаю ее ненормальной: я думаю, она в такой же мере «ненормальна», в какой князь Мышкин у Достоевского — «идиот»! Это необычная, удивительная девушка. Ей присущи черты человека будущего, хотя я и не уверен, что именно такими будут люди. Моя героиня непосредственна, она внутренне свободна и наделена обостренным чутьем, она видит дальше других и слышит то, что другие не слышат. Девушка обладает необыкновенным воображением, и именно это ставит ее в конфликтные ситуации с людьми!

— Сейчас все чаще пишут и говорят о том, что разум преобладает над эмоциями и что из мира уходит доброта. Вы написали эту повесть в защиту доброты и душевности в людях?

— Мне кажется, что мы еще мало знаем о душе человека. Пока она для нас так же трудно постижима, как, скажем, квантовая физика. Приведу такой пример. Когда мы заболеваем, то наш организм сам помогает себе, мобилизуя все внутренние ресурсы, и часто мы излечиваемся от болезни только благодаря этим защитным свойствам нашего организма. А если у человека заболевает «душа»? Тогда обостряется интуиция, появляются даже телепатические свойства в людях, никогда прежде за собой не замечавших способности к прозрению... А ведь прозрение — это и есть способность человека заглянуть за жизненный барьер.

Но дело не в героине и не в ее взаимоотношениях с композитором Антонием. Повесть эта не об интимных отношениях двух людей. Она призывает нас находить в себе силы подняться над привычностью повседневного быта и строить жизнь свою, преодолевая схематизм как в мышлении, так и в поступках. Есть замечательная философская мысль о непрерывном стремлении человека к истине как главной движущей силе развития личности...

— Личность и общество: в какой связи, на ваш взгляд, они находятся сегодня?

— Я возглавляю литературный журнал «Современник», и в нем есть такая чрезвычайно важная рубрика «Форум: личность, общество». В ней выступают крупнейшие ученые, публицисты, писатели. Мы, представители нового мира, осуществляем сейчас гигантский, невиданный по своим масштабам исторический эксперимент. Мы изменяем мир по своим замыслам и законам, которых до того не знало человечество.

Что же такое личность в наши дни? Каковы ее взаимоотношения с обществом? Что стоит за понятием «душевность»? Сейчас большое внимание уделяется изучению физики, математики, кибернетики. Но проблемы психологии человека, проблемы, связанные с изучением его душевного состояния, еще недостаточно хорошо изучены. Каждый конкретный человек носит в себе историческое прошлое и конкретную историческую реальность. Вот пример— историческая память нашего народа несет в себе любовь и признательность к русскому народу, освободившему нашу страну от пятивекового рабства. А вспомните героев романа «Хождение по мукам»! Мы в Болгарии просмотрели телевизионную серию и обратили внимание на то, что герои романа Толстого наделены исключительными качествами характера, в них угадывается характер людей следующего поколения. Человек существует как бы в трех измерениях — прошлого, настоящего и будущего. И меня интересует рождение нового типа социально-исторической личности.

В Болгарии процесс развития литературы идет очень активно. Мы ощущаем большой и серьезный интерес к творчеству писателей со стороны партии и лично товарища Тодора Живкова. Это благодатная атмосфера для развития творческой активности. Сегодня, как никогда, важна ответственность писателя перед обществом!

София — Москва.

Фото Иво Хаджимишева

А. ЩЕРБАКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мальчишкой он уже искал в солнце союзника. Просил, чтобы вечерами оно побыстрее покидало Софию. Тогда спадала жара, футбольные болельщики собирались на стадионе, шла торговля напитками, и он, продавец лимонада, немного пополнял свою казну. Мальчишке из крестьянской семьи богатство и не снилось. Снился ему аккордеон. Наконец мечта сбылась: удивительную способность звуков выходить к людям радостной или грустной музыкой он мог теперь подчинить себе. Хотел поступить в консерваторию. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе.

Он стал агрономом. И снова заключил союз с солнцем. С тех пор они работают вместе — он, солнце и еще земля.

— Любен Глогов готов встретиться с вами сегодня же,—сказали мне.

Я сразу поехал в институт почвоведения и программирования урожаев имени Н. Пушкарова, который возглавляет Глогов — кандидат биологических наук, один из самых видных и авторитетных ученых-аграрников в Народной Республике Болгарии.

Глогов, не дожидаясь вопросов, начал излагать свои взгляды на современное положение в сельском хозяйстве республики, в аграрной науке, на роль ученого. Он нисколько не сомневался, что я приехал услышать именно об этом.

С 1976 года в Болгарии начал создаваться национальный аграрно-промышленный комплекс — система хозяйств, находящихся в производственной, технологической и технической взаимосвязи, организованной по принципу «земля — конечный продукт». Национальный аграрно-промышленный комплекс делает успехи. «Сельское хозяйство и пищевая промышленность,— говорил на десятой сессии Народного собрания в апреле 1979 года товарищ Тодор Живков,— обеспечивает ныне около 24 процентов национального дохода. По экспорту ряда продуктов сельского хозяйства мы занимаем первое место среди стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи».

Глогов начал разговор с проблем.

— В деревне пока не привыкли смотреть на формирование урожая как на процесс, состоящий из строго определенных, научно обоснованных звеньев, ни одно из которых нельзя нарушать. Надо чуть ли не заново воспитывать некоторых специалистов, чтобы отказались от прежнего принципа — что соблюдаем, то соблюдаем, остальное, даст бог, приложится. Пока же в сельскохозяйственные вузы попадают не только люди, безупречно годные для крестьянской работы. Да и программы обновляются, к сожалению, реже, чем требует жизнь...

С техникой тоже непросто. Машинный парк на селе сегодня выглядит внушительно. Однако в технологическую линию годится не все. Мы определяем набор машин, способных обеспечить цикл работ по срокам, по качеству, с определенным экономическим эффектом. Скажем, в нашей линии энергонасыщенный трактор К-700 или К-701, кукурузоуборочный комбайн Е-516, пропускающий до тринадцати килограммов зерна в секунду, а не пять-шесть, как его предшественники, комбайн, захватывающий сразу восемь рядов... Мы хотим от сельскохозяйственного машиностроения не только большого потока техники, но и гибкости, чуткости к запросам земледельцев.

Я слушаю ученого и поражаюсь широте и глубине его взглядов. Как точно он чувствует время! Как хорошо понимает, что если не поверишь «алгебру» конкретной задачи «гармонией» насущных проблем всего направления, то и задачу не решишь!

А Глогов продолжает:

— Возьмем экономику... Вы знаете, у нас упразднено недавно министерство земледелия. Управление сельским хозяйством передано Национальному аграрно-промышленному союзу. Перестраивается и вся система управления в округах, в низовых звеньях. Ради чего? Чтобы все этажи управленческой структуры (а их количество сводится к минимуму) зависели от экономических результатов труда на поле, на ферме, в саду и чтобы навести образцовый порядок в использовании земли, в оплате труда. Прежде порой терялось представление об экономической стоимости земли, людям иногда платили за выход в поле, а не за количество и качество взятой с него продукции.

Принесли кофе. Глогов взял чашечку и тут же поставил ее обратно. Ему не терпелось поскорее высказать то, что выношено, накоплено, обдумано и уже употреблено в дело, высказать, чтобы лишний раз проверить на собеседнике разумность шагов и диктующих эти шаги концепций.

Студентом Глогов помогал осваивать наши целинные земли. Потом работал в уральском совхозе агрономом. Поступил в аспирантуру Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Защитил диссертацию. Начал сотрудничать с ведущими советскими учеными. Он называет имя академика ВАСХНИЛ Шатилова — одного из тех, кто развивал у нас теоретические основы программирования урожаев, и я вспоминаю слышанное когда-то выступление Ивана Семеновича Шатилова. Та же конкретность, та же тугая и плотная связка проблем — агрономических, экономических, организационных.

Связи института имени Пушкарова с научными центрами Советского Союза многосторонни и надежны, особенно с Тимирязевкой, с агрофизическим институтом в Ленинграде, Волгоградским сельскохозяйственным институтом, институтом почвоведения и агрохимии в Минске.

— Вот так мы и подошли к смыслу наших инженерных проектов, то есть проектов, в которых заложена научно обоснованная программа формирования урожая.

У Глогова отличная память, он свободно оперирует цифрами, завидно цементирующими его позиции.

— Шестьдесят центнеров зерна кукурузы с гектара... Для болгарского земледелия это очень высокий рубеж... Кукуруза у нас основная кормовая культура, и вот о рубеже. Высокий, но, как мы рассчитали, достижимый при грамотно составленной и точно соблюдаемой технологии. Достичь его, покончить с довольно резкой пестротой урожаев — первейшая задача инженерного проекта. По нашей технологии на производство тонны продукции должно затрачиваться от полутора до двух человеко-часов (есть хозяйства, где пока затрачивается в семь-восемь раз больше); имеется также в виду в четыре с лишним раза снизить себестоимость тонны кукурузы. Как видите, овчинка, по вашему выражению, стоит выделки. Проект включает в себя два требования: использовать прогрессивные методические подходы для планирования урожаев на конкретном поле и разработать комплекс технологических операций для конкретного поля. Замечаете, я делаю ударение на словах «конкретное поле»? Да, да, для каждого поля нужен свой проект, учитывающий все факторы, состав почвы, водный режим, освещенность и так далее.

— Тут кстати, пожалуй, коснуться нынешних требований к ученым. Многие из них привыкли работать в одиночку и только на себя, на свою идею. Теперь наука, в частности, сельскохозяйственная, все чаще требует коллективных усилий. Значит, неизбежна ломка каких-то привычных взаимоотношений в научной деятельности, самого стиля, форм участия в поиске?

— Да, мы на ученых советах в институте нередко жарко спорим, пока не придем к общему согласию по тому или иному принципу. Действительно, есть о чем спорить. Разработаем, допустим, инженерный проект — правомерно или нет считать его коллективной диссертацией? Одни категорически отвергают идею коллективной диссертации вообще, я же полагаю, что эту идею, по крайней мере для ряда наук, выносило само время.

Оно же заставляет думать и над принципом оплаты труда ученых. Мы в своем институте пробуем ежегодно корректировать зарплату сотрудников в зависимости от эффективности их вклада в решение той или иной проблемы. Думается, и тут экономический стимул пора употреблять на пользу общему делу.

— Вернемся, однако, к инженерному проекту... Итак, наряду с проектом в масштабе республики, округа — проект для конкретного поля. Что в нем?

— В биологической части — подбор сортов, оптимизация экологических условий, гарантирующих получение заданного урожая; в технической части — набор машин и определение технологической линии; в организационной — комплекс мер, обеспечивающих наилучшую организацию труда; в экономической — расчеты себестоимости, рентабельности, производительности труда.

Коснусь еще одного чрезвычайно важного момента. Внедрение инженерных проектов заметно содействует развитию сотрудничества стран — участниц СЭВ. Особенно наглядно это прослеживается на техническом фронте. В комплексе машин по нашему проекту советские тракторы, кукурузоуборочный комбайн Е-516 из Германской Демократической Республики, их же плуги и машины для разбрасывания удобрений, венгерские адаптеры к немецким комбайнам...

СЭВ помогает нам сотрудничать и в области биологических исследований, экономического экспериментирования, помогает обмениваться опытом перевода всего сельского хозяйства на фундаментальную научную основу. Добавлю, что сегодняшние деревенские горизонты открываются для весьма широкого круга ученых — математиков, социологов, агрохимиков, кибернетиков, экономистов, физиков...

Съездите в «Брезово» под Пловдив — очень интересный аграрно-промышленный комплекс, посмотрите, как осуществляется инженерный проект на практике. Первый год, но поглядеть уже есть на что.

...«Пусть бы Глогов хотя бы год подождал со своим инженерным проектом! Первый год я, Стефан Рубашки, председательствую в аграрно-промышленном комплексе «Брезово», и сразу проект! Нельзя, чтобы не получилось: авторитет Глогова и свой авторитет — слишком большая ставка!»

Вслух Стефан, конечно, так не высказывался. Лишь мысленно. А вслух он иногда скажет Глогову: «Говорят, в далекие командировки возите с собой аккордеон и ноты, а я вот вашу игру ни разу не слышал. Между прочим, меня тоже сейчас со штангой никто не видит, а когда в академии учился, в тяжелой атлетике успехи имел». Скажет с оттенком шутки: давайте, мол, повздыхаем с глазу на глаз по поводу нашей немыслимой занятости!

Занят Стефан Рубашки и правда «под завязку» — двадцать тысяч гектаров земли в аграрно-промышленном комплексе, на двадцать

ОСТАНЬСЯ ДО З

Директор института почвоведения и программирования урожаев имени Н. Пушкарова Любен Глогов.

Фото Ш. Палабикяна

пять миллионов левов надо произвести в год продукции, надо много строить, обновлять машинный парк, совершенствовать производство, экономику (правильно, что строго спрашивают за нерациональное хозяйствование; за неиспользуемую землю, например, двойной налог берут).

Однако инженерному проекту председатель уделяет самое серьезное внимание. Кукурузой в «Брезове» занято почти четыре тысячи гектаров. Из них две с половиной тысячи «по Глогову». С таким расчетом, чтобы на каждом массиве взять не меньше 60 центнеров зерна с гектара.

Задолго до сева Рубашки собрал совет аграрно-промышленного комплекса, и на нем разобрали по косточкам все рекомендации ученых и определили, как какую обеспечить и чем. Отвечать за проект поручили председателю и главному агроному Христо Качулеву. А исполнять, разумеется, самым добросовестным и опытным. Обсудили каждую кандидатуру. Пеню Марков? Можно доверить! Георгий Александров? Не подведет! Васил Иванов? Нет возражений! Гено Казаков? Утвердить!..

Готовили семена, почву, сеяли, будто самый важный экзамен сдавали. После первого этапа работ в «Брезове» собрался окружной семинар. Смотрели посевы, слушали исполнителей, делились соображениями по поводу возникающих проблем... Все признали, что в «Брезове» проект реализуется лучше, чем где-либо в округе, первую премию дали.

Председатель торжествовал. Тем более и с другими учеными, помогающими заниматься пшеницей, садоводством, овощеводством, животноводством, тоже контакты все прочнее и плодотворнее. Пловдивская сельскохозяйственная академия руку протянула, София крепко подпирает...

— Мы теперь без ученых ни шагу! — Стефан Рубашки останавливает машину возле кукурузных джунглей.— Таких, как Любен Глогов. Образец современного ученого! Мало того, что постоянно просит и требует от нас информацию, как осуществляется инженерный проект по кукурузе, сам часто наведывается сюда, причем как участник производства, как человек, за него полностью ответственный. Совсем недавно приезжал. И не один—с заместителем председателя Национального аграрно-промышленного союза товарищем Панковым. Заговорили об уборочной технике. Глогову, конечно, по душе, что мы ее загодя к выходу на поля готовим. Но он к другому разговор подвел: то, что машины ухожены, великолепно, а моральный-то износ их все равно касается. И тут же попросил товарища Панкова помочь нашему хозяйству приобрести новые комбайны Е-516. Рассуждения Глогова строятся на том, что инженерный проект потенциально гарантирует стоцентнерный урожай кукурузного зерна с гектара. А устаревшая техника становится одним из барьеров на пути к такому рубежу... Товарищ Панков выслушал. Обещал помочь. Такой вот у нас союз с наукой!

Неподалеку от дороги на небольшом возвышении стоит тракторный прицеп с откинутыми бортами. Председатель пояснил: это «трибуна Глогова». С нее далеко виден буйный темно-зеленый разлив кукурузы, сочный, живой и поразительно ровный, словно подстриженный искусной рукой полевого парикмахера. Отсюда, оказывается, Глогов делает обзор посевов.

— Тут мы совещаемся.— Председатель интонацией дал понять, что совещания на трибуне носят совсем неофициальный характер.— Тут и мечтаем.

А я вернулся к мысли о натуре Глогова. Не сидится ему в кабинете, в лаборатории! Невероятно сильна в нем беспокойная крестьянская тяга к земле.

В прохладных бороздах неслышно делала свое благодатное дело вода. А сверху солнце. Настойчивое и верное своему долгу по отношению к земле, к глоговскому полю.

...Накануне моей поездки в «Брезово» Глогов показывал другое поле, опытное поле института под Софией. Здесь ставятся научные эксперименты, суть которых — дать на поля аграрно-промышленных комплексов то, что не скомпрометирует идею.

Глогов работает с сортом Н-708. Считает его очень перспективным.

Контрольные делянки. Разные сроки высева, разные дозы удобрений. Другие опыты — изучение влияния солнечной радиации на формирование растений. Один из замыслов сводится к тому, чтобы создать растения, у которых был бы как можно меньший угол между листьями и стеблем. Тогда солнце сумеет проникнуть и на «нижние этажи», активнее пойдет процесс фотосинтеза, обильнее будет урожай.

К растениям подключены датчики. 78 информаций о посевах фиксирует кандидат биологических наук Павел Стоянов — хозяин этого поля. Диссертация, подготовленная им в аспирантуре в Ленинграде, связана как раз с этими исследованиями.

А Глогов сопоставляет результаты опытов Павла с данными о формировании урожаев в аграрно-промышленных комплексах; выводы понадобятся для корректирования инженерных проектов.

Подобные опыты ведутся на других полях института с люцерной и соей, а также с пшеницей, овощами, фруктами.

...Рабочий день уже закончился. Однако с поля ученый собирается поехать в институт — что-то посмотреть, доделать, прикинуть на завтра.

— Вы надолго задерживаетесь? — спросил я у Стоянова, когда он протянул руку прощаться.

— Павка останется до захода солнца,—ответил за него Глогов.

Будь он другим человеком, он наверняка бы добавил: наука требует жертв. Он не добавил ничего. Зачем?! И так ясно. Павел — ученый аграрник. И ученик Глогова.

София — Пловдив — Москва.

АХОДА СОЛНЦА!

СЕРЕБРЯНАЯ ПОРА

Димитр МЕТОДИЕВ

МОЯ СТАЛЬ

Да, бич не переломится в бою,
Но все-таки я меч предпочитаю,
Мечу уподобляю речь мою,
С мечом за недвусмысленность равняю.

Да, бич не переломится в бою,
Но он и не звенит, подобно стали,
В моих стихах ищите сталь мою,
Пусть сломан меч и грани отблистали.

И если в новом яростном бою
Вам новый меч понадобится, братья,
Из слов моих возьмите сталь мою
И скуйте меч, чтобы сверкнул над ратью.

ПОГОНЫ РЯДОВОГО

Когда решенье трудно мне принять
И я кружу, петляю вкруг вопроса,
Теряя силу, дерзость, голос, стать,
И жизнь вот-вот обрушится с откоса,
Сквозь званья все, регалии, года
Я вижу вновь погоны рядового,
И шаг вперед я делаю тогда
Как с бруствера,—
И побеждаю снова.

СТАРЫЙ ВОЛНОЛОМ

Море ластится к волнолому,
Уговаривает волнолом.
Море ссорится с волноломом,
Море бьется о волнолом.

А потом (надоело спорить),
Разбежавшись и закипев,
На дыбы поднимается море
И обрушивает свой гнев.

Но, хлебая тонны соленые,
Оглушен, но не сокрушен,
Волнолом встает оголенный,
Переводит дыханье он.

Ведь за ним, где зеленая закипь,
Детский смех звенит вдалеке,
Там песчаные зыбкие замки
И следы людей на песке.

ТАК СЛАДОК ЗАПАХ...

В холодных росах травы остывают,
Весь мир пожаром осени объят.
С прощальным криком птицы улетают,
И листья тоже по ветру летят.

Так сладок запах яблок подопревших,
И дым душист (в садах горят костры).
Иду печальный, тихий, подобревший,
Доживший до серебряной поры.

Иду тропой под поредевшей сенью,
Где света с тенью яркая игра.
И светел мир в прощальный час осенний,
И жизнь ко мне по-прежнему щедра.

КОГДА БЫ МНЕ...

От каждой палки — тень косая,
Все ниже, ниже солнце, но
Далеких, синих гор касаясь,
Как бы взрывается оно.

Какая сила и свобода
Над миром спешки и сует!
Раскинут на полнебосвода
Закатный свет, прощальный свет.

Потом смеркается, при этом
На землю сходит тишина
И долго, долго синим светом
Долина до краев полна.

Судьба, позволь уйти достойно!
Была б награда из наград,
Когда бы мне такой спокойный,
Такой медлительный закат.

КНИГИ

Вот снова покупаю книги. Но зачем?
Как будто триста лет я проживу, как ворон.
Уж тех, что есть, вовек не перечесть...
Одна из них на письменном столе,
Ее читаю.
Три другие книги
Ждут очереди,
А за ними
Теснятся полчища
Накупленных,
Расставленных по полкам
Нечитаных и читаных толстенных книг.
Иные помнят юношей меня
С горящими и жадными глазами
Нетерпеливо рыщущим в страницах...
Да, мягко говоря, уходит время,
Стареем, брат,
А книг все больше, больше,
Круг дней моих уже почти замкнулся,
А книги не прочитаны. Зачем же
Я снова покупаю книги?
Жажда знанья?
Увериться, что мир не так уж плох?
Увериться, что жизнь прошла не зря?
Увериться, что мир, который мы оставим,
Быть может, лучше будет, чем теперь?
Уйти из жизни с верой в человека?
Не знаю...
Снова покупаю книги.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИСТЬЯХ

1

Конечно, мир становится ясней,
Когда с деревьев листья опадают.
Ах, осень, осень,— что мне делать с ней,
Как быть с осенней трезвостью, не знаю.
Лес поредел, дороги все видать,
Не заплутаться под осенним небом.
А мне бы все кружиться и плутать,
И путаться и суетиться мне бы.

Хочу опять круженья головы,
Хочу опять невиденья, незнанья,
Но средь живой трепещущей листвы,
Средь зелени, без красок увяданья.

2

Конечно, мир становится ясней,
Когда с деревьев листья опадают.

Ах, осень, осень, что мне делать с ней,
Как быть с осенней трезвостью, не знаю.
Дороги все отчетливо видны,
Но вспоминаю с жалостью и грустью
Мои хмельные, путаные дни,
Мою весну в ее зеленом буйстве.

Листву я вспоминаю, что жила,
И свет пила, и соки поглощала.
Слепой игрушкой ветра не была
И листопадом тихим не шуршала.

С ЮГА ПРИМЧАТСЯ ПТИЦЫ...

Весна еще вся — в предчувствии,
Земля еще вся — в полусне,
И только река, что буйствует,
Реальна уже вполне.
Недолго теперь томиться
В холодном и злом плену.
С юга примчатся птицы
Провозглашать весну.
Но первой, с ветки древесной,
Несет нам благую весть
Все же пичуга местная,
Прозимовавшая здесь.

Перевел с болгарского
Владимир СОЛОУХИН.

УМНОЖЕНИЕ СИЛ

Начо ПАПАЗОВ, член Секретариата ЦК БКП, председатель Государственного комитета по науке и техническому прогрессу,
отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька»

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, об успехах болгарской науки за 35 лет народной власти.

ОТВЕТ. Еще в первые годы народной власти, в период разрухи, был поставлен вопрос о развитии науки и образования как важных факторов строительства основ социализма. В нашей стране в то время насчитывалось всего две тысячи человек, занятых в области науки. Это были люди, преданные науке, но они не могли развивать свои таланты из-за отсутствия элементарных условий для исследовательского труда. Качественно новый этап начался с апрельского (1956 года) пленума ЦК БКП. С этого момента началось последовательное создание сильной научной армии, вооруженной всем необходимым. Сегодня на научном фронте работает около 65 тысяч человек, в стране 169 научно-исследовательских, научно-производственных и инженерных организаций, 18 научно-исследовательских секторов при высших учебных заведениях, 146 баз для развития и внедрения, 51 опытная и ряд других станций. Государство выделяет необходимые финансовые средства для научно-исследовательской и изыскательской деятельности, для улучшения фондовооруженности научных организаций. Общий объем этих средств 2,5—2,6 процента национального дохода.

Достижения болгарской науки в таких областях, как выращивание кристаллов, электрохимические источники тока, литье противодавлением, фотографический процесс, биохимия, широко известны и за пределами нашей страны. Болгарские генетики и селекционеры создали ряд новых сортов пшеницы, кукурузы, помидоров и других культур. Сорт пшеницы «Юбилей» занял первое место по квалификации ФАО в 1976—1977 годах, а второе место занял также болгарский сорт пшеницы «Садово-1».

О возросшем престиже болгарской науки говорит и то, что только с 1970 года за границей было запатентовано свыше 350 болгарских научно-технических новинок.

Итоги первых трех лет седьмой пятилетки свидетельствуют о хорошем старте. Только в 1978 году Болгарская Академия наук, высшие учебные заведения и научные организации, занимающиеся внедрением, разработали 17 126 тем, из которых свыше 1300 — фундаментальные исследования, более 1600 — фундаментальные прикладные разработки и свыше 14 тысяч — прикладные разработки. Эти темы были сформулированы на основании анализа нескольких сот особенно важных проблем, связанных с кооперированием и специализацией по линии международного разделения труда, с развитием основных отраслей экономики и разделов науки, имеющих особо важное значение.

В 1978 году в производство и другие сферы деятельности было внедрено свыше 5,5 тысячи конкретных практических решений. Это 1250 новых и усовершенствованных изделий, 1480 новых и усовершенствованных технологий, 600 проектов автоматизированных систем и подсистем, 40 улучшенных сортов растений, пород животных, птиц и т. д. В результате внедрения научно-технических достижений в производство получен экономический эффект, превышающий 900 миллионов левов.

Еще одним существенным завоеванием нашей страны является массовое новаторство. Наши рационализаторы вносят достойный вклад в дело ускорения научно-технического прогресса, в повышение престижа и авторитета Народной Республики Болгарии за рубежом.

ВОПРОС. Какую роль в достижениях болгарской науки играют братские связи между НРБ и СССР, между болгарскими и советскими учеными?

ОТВЕТ. Когда мы говорим о нашей священной дружбе, которую товарищ Т. Живков назвал дружбой из глубины веков и на века, то не можем не отметить и научно-технического сотрудничества между НРБ и СССР. Уже в первые годы после победы революции 9 сентября, когда перед нами со всей остротой встал вопрос кадров, мы попросили помощи у Советского Союза. На основе богатого советского опыта у нас были переработаны планы всей системы образования. К нам приехали советские специалисты, которые читали лекции в высших учебных заведениях, работали в научных организациях. Лучшие представители болгарской молодежи были посланы в Советский Союз, чтобы получить там высшее образование, а те, кто его уже имел,— чтобы изучить опыт советских высших учебных заведений и научных учреждений. Именно они составляют сегодня ядро научно-технической интеллигенции.

В то время, когда еще продолжался процесс восстановления советской индустрии, которой война нанесла огромный ущерб, славный рабочий класс СССР принял многих наших рабочих и мастеров для изучения опыта.

Итоги сотрудничества с СССР являются основой высоких и стабильных темпов экономического и социального развития нашей страны. Они способствовали историческим успехам, которых мы добились в индустриализации, в сельском хозяйстве, в быстром росте научно-технического потенциала и развитии всей духовной жизни нашей родины. Около восьми тысяч комплектов документации, полученных из СССР, позволили за короткие сроки и на высоком для нас уровне освоить производство новых машин, внедрить новые технологии, создать новые материалы, разведать залежи сырья.

Сотрудничество между НРБ и СССР в области науки и техники постоянно совершенствуется, обогащается новыми средствами и формами. Только в текущей пятилетке разрабатывается совместно около 600 тем. Впервые ряд тем разрабатывается на основе общих координационных планов. Например, высокопроизводительные станки для склейки нетканевых материалов; новые усовершенствованные технологические процессы по производству изделий из пластмассы; разработка технически совершенных оросительных систем и другие.

Плоды нашего сотрудничества вносят реальный вклад и в развитие экономики. Например, созданные совместно смолодоломитовые огнеупоры для электропечей и конверторов в черной металлургии успешно заменяют дорогостоящие магнезитовые материалы. Только в нашей стране это привело к экономии нескольких миллионов левов. Внедрение новых технологий по обогащению медных и молибденовых руд на болгарском горно-обогатительном комбинате «Медет» также способствовало достижению значительного экономического эффекта.

Советские и болгарские институты сварки создали новые материалы для электродов. В области машиностроения совместные разработки нацелены на совершенствование и создание новых металлорежущих агрегатов, гидравлической аппаратуры и т. д.

Очень активно и действенно наше содружество с учеными Сибирского отделения Академии наук СССР и с учеными Белоруссии.

ВОПРОС. Как вы оцениваете сотрудничество ученых стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи?

ОТВЕТ. Нас не может не радовать участие нескольких тысяч научных и проектных организаций и высших учебных заведений в многостороннем и двустороннем сотрудничестве стран—членов Совета. Их совместные усилия увенчались созданием сотен новых машин, конструкций, механизмов и приборов, новых материалов, продуктов и препаратов, новых технологических процессов. Они осуществили около тысячи теоретических и экспериментальных разработок, имеющих огромное значение для развития фундаментальных и прикладных наук, а также создали большое количество монографий и стандартов.

Нельзя не упомянуть, например, достижения в использовании атомной энергии в мирных целях, в создании новых технологий по использованию бедных руд и комплексной переработке руд и рудных концентратов. Значительные успехи достигнуты также в борьбе против коррозии. Созданы и внедрены десятки новых аппаратов и оборудование для сварки. Всеобщее признание получили и совместные разработки в области электронно-вычислительной техники. Все модели электронно-вычислительных машин разрабатываются по единой программе, что, с одной стороны, позволяет углубить специализацию и кооперирование, а с другой — создает условия для наиболее рационального использования этих машин при решении широкого круга практических задач. Международным авторитетом пользуются достижения в области научного приборостроения, в результате которых создавалась и продолжает создаваться уникальная аппаратура. Серьезным объектом многостороннего научно-технического сотрудничества являются проблемы сельского хозяйства. Наряду с созданием новых сортов и гибридов различных сельскохозяйственных культур совместные усилия направлены и на разработку эффективных средств и методов защиты от болезней и вредителей, повышения продуктивности животноводства и т. д.

Значительных успехов страны—члены Совета добились в проведении совместных фундаментальных исследований. Теоретические разработки в области физики атомного ядра и развития атомной энергетики, квантовых генераторов, лазерной техники, молекулярной биологии, генетики и тому подобное являются не только вкладом в науку, но имеют и особое значение для будущей практики.

Примером единомыслия, взаимного уважения и взаимного признания является программа «Интеркосмос». Некоторые участвующие в ней страны уже не только производят различную космическую аппаратуру и приборы, но и имеют своих собственных космонавтов. Этим может гордиться любая нация, и мы искренне счастливы, что Народная Республика Болгария относится к одной из них.

Новым стимулом для нашей науки стал июльский пленум ЦК БКП 1978 года. Принятая им линия на ускоренное развитие стратегических направлений научно-технического прогресса — электронизация, роботизация, химия и биология — имеет исключительно важное значение для дальнейшего строительства развитого социалистического общества в нашей стране.

В заключение мне хочется выразить благодарность всем советским ученым и специалистам за их братскую помощь и пожелать им покорить новые высоты науки во имя жизни, во имя светлого коммунистического будущего.

ВЕСНА В СЕНТЯБРЕ

Ю. ЛУШИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Зеленое спорило с синим. Это виноградники, начинавшиеся где-то у черты горизонта, сбегали с холмов и подбирались к самому берегу, на который накатывалась черноморская волна. На волне прыгали рыбацкие лодки и туристские яхты.

Желтое спорило с зеленым. Это нескончаемые поля пшеницы чередовались с квадратами персиковых и яблоневых садов.

На холмах возникали старинные города, окруженные кольцом современных высотных зданий. Заводские трубы вонзались в небо, а на смену им приходили долины, сплошь усеянные розами — алыми и белыми. И все это была чудесная страна Болгария.

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Молодожены сидели на жесткой скамье, взявшись за руки, и не знали, о чем говорить. Из тюремного окна проливался жидкий свет на сиротские стены камеры. В пяти шагах от молодых спиной к ним стоял надзиратель. Свадебные полчаса, дарованные тюремным начальством, кончались. Борис посмотрел на жену и сказал:

— Как же ты выросла, Таня!

Она рассмеялась. Они не виделись десять лет, и через несколько минут должны были снова расстаться. Он останется здесь, в Сливенской политической тюрьме, она вернется в Софию...

Надзиратель, стоя к ним спиной, старался запомнить все, о чем они говорили, особенно «Идеолог» (такую кличку дали Борису Копчеву полицейские). На этом можно заработать, а то и повышение в чине получить. Во время допросов «Идеолог» упорно молчал, может быть, разговорится в день своей свадьбы? Надзиратель не знал, что они женаты уже десять лет, что настоящая их свадьба состоялась в студенческом общежитии Москвы, что коробка со свадебным угощением, принесенная «невестой», имеет двойное дно и что там спрятана нелегальная литература. Он не знал, что пройдет не так много времени, и фашистская диктатура, казавшаяся незыблемой крепостью, рухнет...

Они тоже не знали многого. Не знали, что вторжение германских войск в Польшу означает начало второй мировой войны, не знали, что фашистское правительство Болгарии сделает вскоре последний шаг на пути предательства своего народа и станет союзником фашистской Германии. Но они знали, что не прекратят борьбу с фашизмом, начатую еще в двадцатые годы, верили в справедливость дела партии и ее победу...

— Здесь для тебя вкусненькое,— показала она на коробку.

Он понимающе кивнул и сказал:

— Спасибо тебе, мы знаем теперь, как закалять сталь.

В ответ она тихонько сжала его руку. Надзиратель обернулся к ним и не поверил своим глазам — молодые счастливо улыбались.

— Сумасшедшие,— сказал он угрюмо,— может быть, вы в последний раз видитесь.

Да, вполне могло быть и такое. Не однажды находился Борис Копчев на грани жизни и смерти. Вожак комсомольцев главных железнодорожных мастерских Софии, коммунист-подпольщик, он всю жизнь посвятил делу партии. Участвовал в сентябрьском восстании 1923 года, скрывался от полицейских ищеек, а через год был схвачен. Его пытали, угрожали убить, он молчал. Его выпустили, но он знал, что за ним непрестанно следят. Поэтому ЦК партии решил, что Борису Копчеву необходимо на время покинуть Болгарию. Длинным, кружным путем он добирается до Советского Союза, где поступает учиться в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Здесь он знакомится с другими болгарскими политэмигрантами и в их числе со своей будущей женой Таней. В сентябре 1929 года они справили скромную студенческую свадьбу, а в следующем году он уже пробирался в Болгарию через Берлин и Бухарест. В Берлине он встретился с Георгием Димитровым. Таня осталась еще на некоторое время в Москве...

Закатное солнце врывалось в окна квартиры Копчевых. Алым пламенем окрашивало оно монумент в честь Советской Армии-освободительницы. Мы смотрели в сторону памятника, и я думал о неиссякаемой энергии человека, стоявшего рядом со мной, о том поколении людей, которые, пройдя сквозь неимоверные трудности монархо-фашизма, рискуя жизнью, всегда верили в звезду свободы и несли эту веру в народ.

Копчев все молчал, задумчиво глядя на памятник, и я спросил, о чем он думает.

— О том, что жизнь моя прожита все-таки не зря. Об этом мечтал Павел Корчагин и нас этому учил...

— Где вы с ним «встретились»?

— В Старозагорской политической тюрьме в тридцать шестом году. Но это заслуга Татьяны, пусть она сама и расскажет...

— Я читала «Как закалялась сталь» запоем. Она выходила сначала по частям, в журнале. Я ждала, когда роман выйдет книгой, чтобы послать ее Борису. Он ведь, знаете, как попался: в перестрелке был ранен в голову. Дали ему двенадцать с половиной лет тюрьмы, и я понимала, как им всем там тяжело... Ну, вот. Дождалась я выхода книги, а купить не успела: весь тираж разошелся в Москве мгновенно. И тогда я написала письмо Николаю Островскому с просьбой прислать книгу, если можно, потому что я хотела бы послать ее своему мужу-коммунисту в Болгарию и что муж находится в тюрьме. Островский тогда был тяжело болен, но на мою просьбу откликнулся по-комсомольски, немедленно, и через три дня я получила книгу с автографом. Тут же написала писателю второе письмо, благодарственное. А книгу отправила в Болгарию. Наши товарищи нашли способ передать ее в тюрьму...

— И пошел Павка Корчагин шагать по Болгарии. Нас, коммунистов, постоянно переводили из тюрьмы в тюрьму, надеясь разорвать наши связи. Но мы немедленно организовывали на новом месте партийную группу, и скоро во всех политических тюрьмах была книга Островского...

— Ты же забыл рассказать, как вы переписывали роман и переводили его на болгарский. Я расскажу. У них у всех почерк был разный. Почерк Бориса я знаю, его никто разобрать не может. А надо было так писать, чтобы понятно было всем, потому что среди политзаключенных встречались и малограмотные. И товарищи Бориса создали группу, которая переписывала весь роман мелкими печатными буквами в небольшие тетрадки. Переводили же те, кто знал русский язык: Петко Монолов, секретарь Старозагорского окружного комитета партии (его и еще шестерых товарищей вскоре осудили на казнь и повесили), старый политкаторжанин Георгий Огнянов, один товарищ, который закончил духовную семинарию, и Борис, бывший тогда секретарем подпольной коммунистической организации в тюрьме...

— Когда нас выпускали на прогулку в тюремный двор, то те, кто прочел роман, рассказывали содержание товарищам. Так Островский входил в душу каждого, так закалялась сталь.

Тюремщики не могли понять, что происходит. Слабые на допросах вдруг превращались в бойцов. Никакие пытки не достигали цели, и даже на казнь люди шли с гордо поднятой головой. Тюремщики не знали, что в тюрьмах шло соревнование за право называть себя Павкой Корчагиным. Они не знали, что таких людей уже никогда не победить. Бориса Копчева пытали, например, «короной». На голову надевали металлический обруч и постепенно принимались стягивать его, пока из-под кожи не начинала сочиться кровь. Боль адская, нечеловеческая. Он едва не умер, но выдержал...

Он вышел из тюрьмы в 1940 году. Партия тут же направила его на подпольную работу в Перник, но через несколько месяцев он снова оказался в лапах ищеек. На этот раз его заключили в концлагерь «Гонда-вода», созданный по гитлеровскому образцу. Тут он узнал о вторжении фашистских войск в СССР. Спустя некоторое время Татьяну, вернувшуюся в Болгарию в 1939 году, тоже отправили в концлагерь, только в женский. Но к тому моменту Борис Копчев с несколькими товарищами уже совершил побег. Бежали они дерзко, ровно в полдень, ошеломив своей дерзостью охрану...

По всей Болгарии шла организация партизанского движения. Весной 1943 года страна была разделена на двенадцать повстанческих оперативных зон. Все партизанские отряды вошли в единую народно-освободительную повстанческую армию. Командиром восьмой зоны стал Борис Копчев. Он был вездесущ и неуловим. В Габрове и Тырнове его называли бай Васил, в южных районах — старый Боян (потому что был еще молодой Боян), в Плевене — бай Димитр, в Шумене — бай Коста. Только в 1943 году партизанские отряды провели свыше 800 операций. Уже чувствовалось дыхание победы. Неумолимо приближались к границам Болгарии советские войска, десятками тысяч начали переходить на сторону партизан солдаты. Близилось освобождение...

И наступил, наконец, день 9 сентября 1944 года — долгожданный День Победы. В этот день на землю Болгарии пришла новая, настоящая жизнь. В этот день на дороге, ведущей в Габрово, бай Васил — генерал Борис Копчев, награжденный советским орденом боевого Красного Знамени, встретил после длинной разлуки свою жену Татьяну.

— Сентябрь — особый месяц в вашей жизни,— сказал я Копчеву.— День рождения в сентябре, День Победы в сентябре и золотая свадьба тоже в сентябре.

— Это точно, особый,— согласился генерал.— Для нас в сентябре — весна, да и для всей Болгарии тоже...

ИЗЛУЧАЮЩАЯ СВЕТ

«Страна, которую я увидел, переживает ныне не сороковые годы нашего века, а прошлое столетие. Ход времени словно замер между горными вершинами и соломенными кровлями сельских халуп. Индустриальный пейзаж отсутствует, на полях нет никакой техники... Болгария и к двухтысячному году не опомнится, не обернется к свету...» Так писал один западный журналист вскоре после победы социалистической революции, три с половиной десятилетия назад.

Страна, которую увидел я нынешним летом, поразила меня мощным размахом строительства, современной индустрией, великолепно образованными и много знающими людьми. Достаточно сказать, что социалистическая Болгария всего за пять дней выпускает теперь столько промышленной продукции, сколько в буржуазной Болгарии не производилось за год. За считанные годы превратилась в один из крупнейших промышленных комплексов Девненская долина. В число ведущих статей болгарского экспорта вошла электроника. Построена и действует атомная электростанция. Совместно с Советским Союзом создана крупнейшая в мире паромная морская переправа...

Ветераны Болгарской коммунистической партии генерал Борис Копчев с женой Татьяной ● Родео на воде ● Студенческий научно-экспериментальный завод ● Древний Пловдив ● Болгарские моды ● С высот Витоши видно далеко.

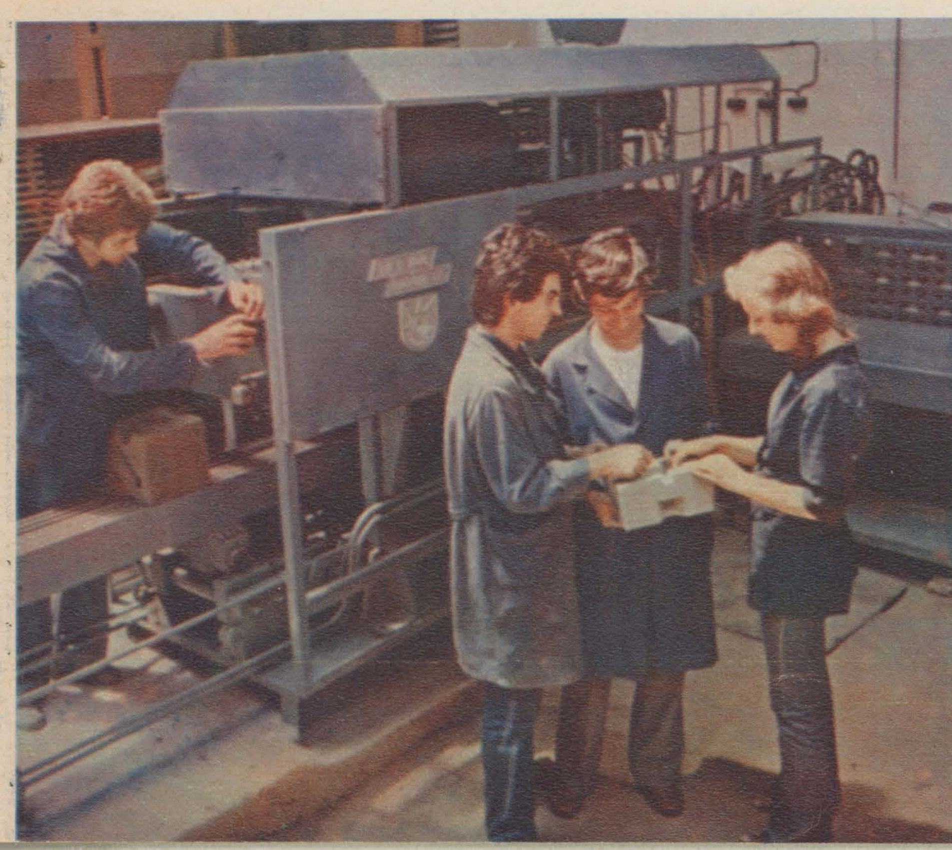
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Праздничное убранство улицы ● Строительство Народного дома культуры в Софии.

100401
105209

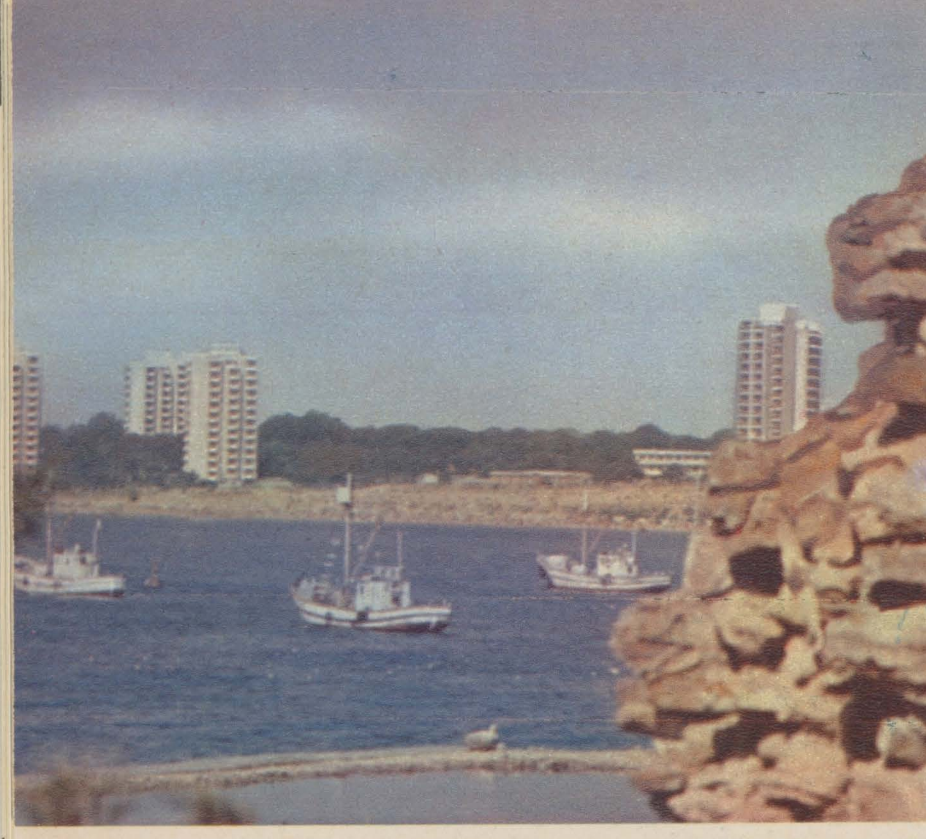

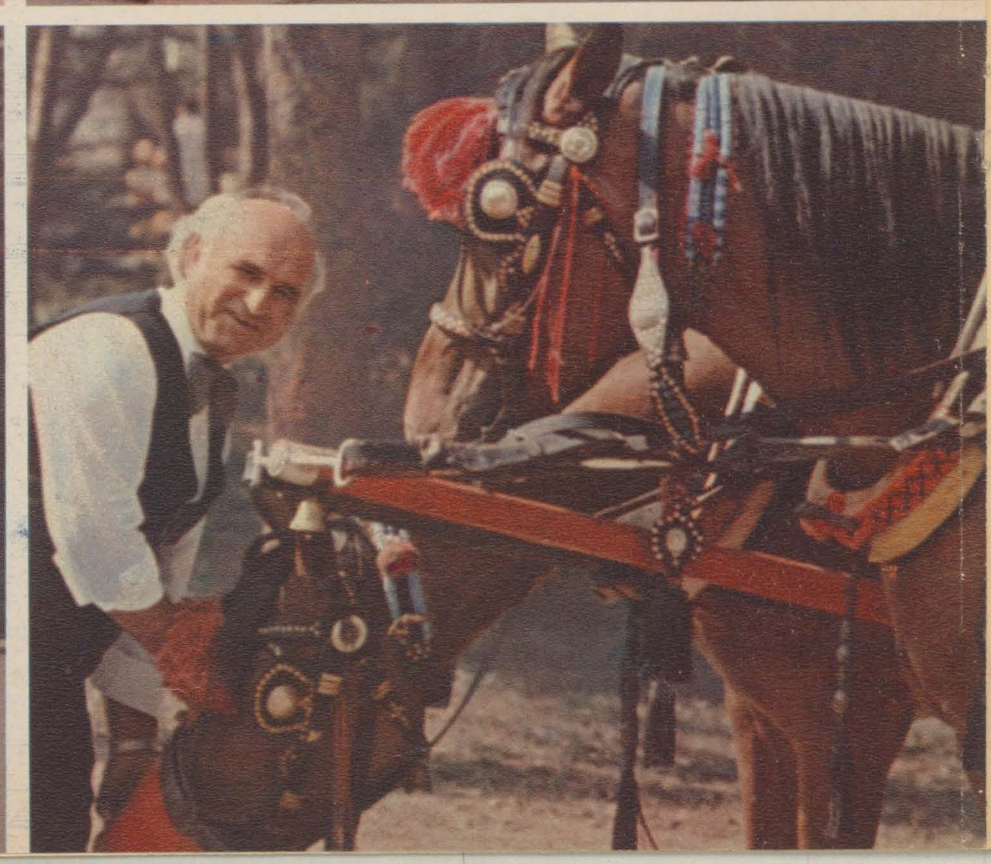

И если уж мы заговорили о совместных стройках, то их просто не перечесть. Советская страна помогала братскому болгарскому народу в первые, самые трудные годы становления, помогает и сейчас. Работая, например, после войны над восстановлением доменных печей Кривого Рога, советские проектировщики готовили планы химических заводов в болгарском городе Димитровграде, которого тогда еще ни на одной карте не было. Воплощался в жизнь принцип, который Леонид Ильич Брежнев назвал впоследствии социалистическим интернационализмом в действии. Этот принцип закономерно привел к организации СЭВ тридцать лет назад и настоящему расцвету социалистического содружества.

Помню, как однажды в Барнауле, в музее Трудовой славы котельного завода, увидел я болгарский орден Красного Знамени Труда.

— Кому принадлежит этот орден и как он попал сюда?— спросил я директора завода.

— Заводу принадлежит, кому же еще?— рассмеялся директор. Видно было, что ему доставляют явное удовольствие мои расспросы.— А наградило болгарское правительство наш завод за оказание технической помощи в строительстве, монтаже и пуске азотно-тукового завода и ТЭЦ «Марица-Восток-1». На этой болгарской ТЭЦ бьется алтайское сердце — котельные агрегаты, сделанные руками советских рабочих. Впрочем, не только на этой, но и на многих других...

Ах, речка Марица, быстрая вода. Сотни лет ее берега дремали в сонном затишье, а засушливая, негостеприимная степь вокруг славилась разве что злыми суховейными ветрами летом да непролазной грязью зимой. И была у степи своя тайна. Прикрыла она собой несметные земные клады — угольные пласты, а речка Марица сторожила их.

Не усторожила речка Марица клады. И двинулись к ее тихим берегам веселые ватаги молодых болгарских комсомольцев-строителей, и загудело все вокруг. Растущей индустрии понадобились моря и океаны электроэнергии, и решено было превратить в нее уголь Марицы. Почти на двух тысячах квадратных километров холмистой равнины развернулось огромное строительство. Советские специалисты помогли спроектировать первые угольные разрезы и начать добычу. Началось строительство первой тепловой станции, и тут оказалось, что в мире еще не созданы котлы, способные работать на углях Марицы — низкокалорийном топливе с повышенной зольностью. Крупнейшие западноевропейские фирмы запросили астрономическую сумму за разработку проекта таких котлов, а затем вообще отказались их делать. И тогда сработали законы дружбы, законы социалистической интеграции. Трудный и ответственный заказ вне всякой очереди приняли сибиряки. Специалисты западных фирм скептически посмеивались: что-то выйдет из затеи барнаульцев?

Ждать пришлось недолго. Барнаульцы сделали великолепные котлы. Причем сибиряки подумали не только о надежности, но и о быстрой сборке и удобном монтаже. Уже на заводе блоки котла подготовили к монтажу. Из Харькова в это время прибывали на Марицу турбины, из Ленинграда — генераторы. Машиностроители из ГДР и ЧССР прислали свои мощные экскаваторы, из ПНР — вагоны. Веселый азарт соревнования охватил стройку. Главным событием было, конечно, опробование котлов. Из Барнаула на Марицу приехали инженеры и не покинули стройку, пока ТЭЦ не заработала на полную мощность.

Промышленно-топливный комплекс «Марица-Восток» продолжает строиться. Главная продукция комплекса — электроэнергия. Болгария получает ее отсюда в двадцать шесть раз больше, чем вырабатывалось во всей стране накануне второй мировой войны. В ближайшие пять лет мощность станции «Марица-Восток» должна удвоиться...

Как будто само время ускорило свой бег. Никогда еще Болгария не развивалась столь быстрыми темпами. Она давно уже экспортирует не только овощи, фрукты, трикотаж, текстиль, но и машины. На том же барнаульском котельном заводе, на «Уралмаше», Запсибе, в Челябинске, Караганде, Новосибирске, Тольятти видел я верткие оранжевого цвета электрокары. Софийский завод имени 6 сентября выпускает десятки вариантов стальных грузчиков. Ведь без них не может обойтись ни один мало-мальски крупный завод. Болгарские электро- и мотокары работают в десятках стран мира, но больше всего — в странах социалистического содружества, потому что по плану специализации и кооперирования в рамках СЭВ Болгария — основной поставщик подъемно-транспортной техники.

Свадьба ● Бургасский пейзаж ● Художники ● Курортный комплекс «Солнечный берег» ● Вся жизнь впереди ● Заправка.

БЛИЗНЕЦЫ И ДУБЛЕРЫ

В Ловече, известном своей историей, оригинальной архитектурой старинного квартала «Варошa», а с недавних пор и как родина первого болгарского космонавта Георгия Иванова, неожиданно наталкиваюсь на обилие «Москвичей». Разных моделей и различных цветов, они просто заполонили город. Элегантные «лады» и прочие «фиаты» чувствуют себя здесь, словно гости на чужом празднике. В чем дело? Откуда у ловечан такая любовь к «Москвичу»? Объяснилось все самым неожиданным образом. Оказывается, здешний комбинат «Балкан», ведущее промышленное предприятие округа, выпускает, кроме всего прочего, легковые автомобили «Москвич». Если говорить точнее — собирает, потому что все комплектующие части присылает сюда АЗЛК.

— И, между прочим, несмотря на то, что ежедневно в Ловеч из Москвы отправляется около ста тысяч различных автодеталей, ни разу не было срыва поставок,— сказал директор сборочного завода Петко Цонев.

— Кстати, сколько машин выпускает ваш завод?

— Пятнадцать тысяч ежегодно.

— Могли бы вы отличить оригинальный, так сказать, «Москвич» от собранного здесь?— обратился я к Виталию Блохину, одному из советских инженеров АЗЛК, помогавших болгарам осваивать машины новых моделей.

— Вряд ли. Это близнецы. К тому же болгарские автосборщики — великолепные мастера, и качество монтажа здесь отличное. Единственное, что отличает болгарскую машину от советской,— стекла. Болгары ставят свои.

«Индустриальный пейзаж отсутствует...» Отсутствовал до революции, а теперь его можно встретить всюду. Не говорю уже о таких гигантах индустрии, как Кремиковский металлургический комбинат, но в Софии в студенческом городке имени Христо Ботева я побывал даже на студенческом заводе. Он стоит того, чтобы сказать о нем хотя бы несколько слов. Меня водил по нему дублер-директор (официальная должность), студент-пятикурсник машинно-электротехнического института имени В. И. Ленина Иван Михайлов.

— Как видите, дублеры не только у космонавтов бывают,— шутил Иван.— Кстати, у начальников цехов тоже есть дублеры-студенты.

Мы осматривали различные цеха завода, начиная от подготовительного и токарного и кончая тем, который занят производством электроники. Повсюду рядом с кадровыми рабочими студенты в аккуратных синих халатах.

— Завод наш называется опытно-экспериментальным,— объяснял Иван Михайлов,— и тесно связан с учебным процессом. Мы считаем, что завод не только дает студенту практические навыки и знания, но и, это главное, приучает молодых к самостоятельности, учит применять теорию на практике. Первокурсники, как правило, начинают с механического цеха, у студентов старших курсов есть право выбора. Завод тесно связан с научными лабораториями нашего института, разработки которых затем быстро и без помех внедряются в производство. Например, мы создали ионную камеру для обработки металлических деталей, что позволило исключить дальнейшую их термическую обработку. Эти камеры у нас покупают даже за рубежом... Делаем электронные платы и поставляем их крупным заводам электроники, разрабатываем различные генераторы...

— Ваша система напоминает мне принцип обучения, существующий в Сибирском отделении Академии наук...

— У нас, кстати, прочные контакты с советскими студентами, например, с МВТУ, с МЭИ, с Львовским политехническим институтом. Мы ведем совместную разработку роботов-манипуляторов, электронных обучающих машин, различных приборов...

Да, мне нравилась страна, которую я увидел. Нравились ее зеленые поля, ее щедрые и веселые люди, нравились ее древние города с их узкими музейными улочками, нравились новостройки с их неординарной архитектурой, нравился болгарский темп жизни, обгоняющий время...

ПОСТРОЕНО НА ПЕСКЕ

Говорят, что построенное на песке непрочно. Однако самый большой в Болгарии курортный комплекс «Солнечный берег» начисто опровергал это мнение. Ему исполнилось 20 лет, а впечатление такое, что все построенное на здешнем песке построено на века. И как построено! Вдоль семикилометровой пляжной полосы, «усыпанной мелким золотистым песком, местами образующим дюны» (из туристского проспекта), расположились гигантские отели-башни. Между башнями, в зелени и цветах спрятались разнообразной архитектуры одноэтажные бунгало. Их некоторая обособленность и даже таинственность импонирует жителям больших городов. Все эти отели созданы в истинно национальном духе болгарской архитектуры. По периметру уютно крытых двориков тянутся террасы, дерево и камень не спорят между собой, но находятся в полной гармонии. Золотистый песок приносит болгарской казне настоящее золото — рубли и доллары, кроны и марки, фунты стерлингов и динары...

— В разгар сезона комплекс только за один день способен принять восемьдесят тысяч человек, включая кэмпинги и частные квартиры, которые мы также снимаем на лето,— объяснял генеральный директор комплекса Лефтер Васильев,— а всего за сезон на «Солнечном берегу» отдыхают семьсот пятьдесят тысяч человек, из которых половина иностранные туристы. У нас великолепные связи с советским «Интуристом». Из СССР ежегодно приезжают к нам семьдесят пять тысяч отдыхающих. Как обычно, для них готовится специальная развлекательная программа, работают четыре клуба болгаро-советской дружбы.

— Что здесь было двадцать лет назад?

— Ничего, даже трава не росла.

Сейчас — сто восемь отелей и несколько десятков ресторанов.

— Выходит, настоящая курортная индустрия?

— Пожалуй. В пик сезона комплекс обслуживают девять с половиной тысяч официантов, поваров, горничных, продавцов, сантехников и т. д.

— Это в пик, но бывает еще мертвый сезон — поздняя осень, зима. Что происходит тогда?

— Вот послушайте. Основной контингент обслуживающего персонала у нас всего три с половиной тысячи человек, остальных приглашаем на временную работу. Но зимой мы открываем специальные сувенирные цеха, небольшие швейные и вязальные предприятия, продукция которых идет в основном на экспорт. Здесь работают полторы тысячи человек с октября до апреля. Кроме того, у нас есть дирекция по ремонту и реконструкции комплекса, которая работает тоже только зимой. На лето к нам приезжают сто двадцать официантов из Чехословакии. Основную же их массу, а также поваров и горничных мы набираем в разных городах страны, в окрестных селах. Каждый из них занесен в картотеку, и если кто-то в чем-то, скажем, провинился, то мы его уже больше не приглашаем. Зато об остальных не забываем, когда они разъезжаются: к праздникам шлем поздравления, благодарим за хорошую работу. Впрочем, некоторые отели работают у нас и зимой... Существуют также собственные учебно-производственные центры, в которых мы учим молодых людей не только профессии, но и языкам.

— Как решается проблема отдыхающих с детьми?

— На «Солнечном берегу» сейчас три с половиной тысячи детей. В будущем их, вероятно, будет больше. Мы поняли одну простую истину, что в настоящее время больше туристов получает тот, кто обеспечивает наилучшие условия для детей. В комплексе работают восемь круглосуточных детских садов, созданы специальные игровые и спортивные площадки. Делается скидка в цене на путевки: детям до двенадцати лет — от тридцати до восьмидесяти процентов, в зависимости от сезона, а в мае ребятишки принимаются вообще бесплатно. В следующем году мы выделим целый отель для семей с детьми, приезжающих из Советского Союза...

* * *

Еще раз перебираю мозаику своих болгарских впечатлений и снова вспоминаю высказывание западного журналиста. Что ему можно ответить? А, впрочем, стоит ли? Ответ дала сама жизнь. Болгария давно повернулась к свету, это свет социализма. Она и сама излучает этот свет, солнечная страна.

Анатолий **ИВАНОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВРАЖДА

В високосный день 1944 года, 29 февраля, во вторник, старший из шести оборванцев Катьки Афанасьевой Мишуха застрелил из берданки председателя романовского колхоза Артемия Пилюгина, давно вернувшегося с фронта по ранению, орденоносца. Мишуха подошел к дому председателя, когда стемнело, ткнул дулом берданки в стылую, красноватую от горящей в избе лампы нижнюю шибку. Обмерзлое стекло негромко лопнуло, просыпалось тяжелыми осколками вниз. «Эт-то кой там черт?!» — свирепо прохрипел Пилюгин, повернув голову от стола, за которым ужинал со своей семьей. В два прыжка он подскочил к окошку, наклонился к разбитой шибке, чтобы высмотреть побойщика, и тут Мишуха вылепил ему прямо в лицо заряд. Железный обрубок, забитый в ствол, разнес полчерепа, грузный Пилюгин тычком рухнул на край скамейки, стоящей у стены, скамейка взвилась другим концом под потолок, с грохотом упала на крашеный пол. И только тут в ужасе заревели все враз — мать Артемия Пилюгина Федотья, жена его Лидия, дети Пашка и девятилетняя Сонька...

Сбежавшиеся на выстрел люди отобрали у Мишухи берданку, а скручивать убийцу не было надобности. Мишухе шел всего четырнадцатый год, и он, сжавшись, как котенок, сидел на мерзлом снегу возле стены дома. Сын убитого Пашка, подвывая, как щенок, пинал и пинал толстым валенком Мишуху, но тот пинков будто и не чувствовал, не защищался, он лишь тоскливо повизгивал и красными от холода кулаками растирал слезы на грязных щеках.

— Убью паразита-а! Раздавлю-ю... Пустите! — безумно орала Федотья Пилюгина, разлохмаченная, страшная, с разбухшими глазами, готовыми, казалось, вот-вот лопнуть от ярости, билась в руках удерживающих ее баб. Они отобрали у старухи тяжелый медный пестик, кое-как увели, затолкали в дом, где лежала бесчувственная Лидия.

— Ты што сотворил-то, проклятущий?! Што? — черной вороной висела над Мишухой дряхлая бабка Андрониха, тыкала в мальчишку костылем.— Ить человека ухайдакал. Засудят теперь. В каторгу...

— Отойди, старая... Отступись ты,— отпихивал ее сам дед Андрон, тоже древний и костлявый, как его жена.— И другие отойдитя от мальца, тут власть должна...

Но никакой власти в Романовке теперь не было, и что делать — никто не знал. Кругом стоял бабий вой и плач. Романовка — деревня небольшая, всего в одну коротенькую улочку, а у пилюгинского дома было тесно, как на базаре. Бабы, старики и старухи метались возле окошка, за которым лежал мертвый Пилюгин, сбежавшиеся сюда деревенские детишки стояли кучками поодаль и, напуганные происшедшим, молчали.

Молодых мужиков, кроме председателя Пилюгина да хромоногого Петрована Макеева, колхозного кузнеца, в Романовке давно уж не было. На многих получены в разное время похоронки, на остальных каждую пятницу, когда из райцентра привозилась почта, ожидали. Робкая и зыбкая надежда, что муж или сын на этой проклятой войне покуда живой и до конца ее не сгинет, затаенно жила, конечно, в каждом женском сердце, щемило его тихой и постоянной болью, а рядом гнездилась боль другая, страшная и черная — вдруг да Марунька-счетоводиха, раз в неделю ездившая на районную почту, привезет в эту пятницу зловещий казенный конверт. Ее возвращения со страхом ждали еще с утра, беспрерывно поглядывали на увал, круто вздымавшийся за деревней. И когда там, на сбегавшей вниз дороге, показывались ее сани, а если летом — телега, изболевшееся сердце каждой бабенки и совсем останавливалось...

Теперь в Романовке и вовсе остался один мужик, кузнец хороший, выручальник колхоза, да этим же до края избалованный, беспробудный пьянчужка. Каждое утро, прежде чем раздуть горн, он сильно опохмелялся, тусклые глаза его прояснялись, вялые руки обретали живость и крепость. Весь день он работал красиво и азартно, беспрерывно вытирая голой рукой со лба пот, а вечером снова наливался самогонкой из свеклы до самого горла.

Сейчас Макеева возле дома убитого председателя не было, да о нем никто и не думал, никто не ждал его, зная, что он бесчувственным бревном лежит у себя в кузне. Петрован Макеев ногу поморозил на финской, отчего она скрючилась, жена его, бабенка ветреная и бесплодная, с хромым жить не стала, завербовалась куда-то на Север и уехала, как все говорили, «за длинным рублем и новым мужиком». С того, как считали в Романовке, и начал Петрован пить. Летом он обычно ночевал в захиревшей без женской руки, совсем почти сгнившей своей избенке, зимой же натопить ее было невозможно, а приводить жилье в порядок кузнец ленился и с наступлением холодного времени жил безвылазно в кузне, там же и спал, пристроив лежанку к теплому до утра горну.

Но неожиданно для всех Макеев объявился. Как он подошел к пилюгинскому дому, никто в суматохе и в темноте не заметил, его увидели, когда он, прокопченный, черный, как грач, нагнувшись, вошел в комнату. Ростом он был высок, голова его почти упиралась в потолок. И плечи, обтянутые прогорелым во многих местах полушубком, были широкими, в косую сажень. Изпод расстегнутого полушубка выглядывала рубаха, тоже расстегнутая, а из рубахи — волосатая грудь, бугристая, звериная какаято. Он был добрым, этот кузнец-пьянчужка, безотказно ковал любому, кто обращался, лопаты и тяпки, ножи и сечки, крючки и задвижки, всякие скобы и гвозди — да мало ли какая мелочь требовалась в хозяйстве. Деньгами не брал — что на них купишь в такое-то время,— раз и навсегда положил, чтоб за работу ему носили самогонку или кой-чего из съестного. Но размер платы никогда не определял, что дадут, то и ладно. Обращались к нему все и постоянно, даже из соседних деревень каждый день наезжали, жил он безбедно, запас самогонки никогда не истощался. Но расплатившись за работу, торопливо поблагодарив, люди тотчас спешили уйти — уж больно молчалив и угрюм был кузнец. И он смотрел каждому вслед неприязненно, темные глаза его разгорались, как угли в горне, но тут же тухли, он усмехался в клочковатую, забитую копотью, железной окалиной бородку и принимался за свою нескончаемую работу.

Войдя в комнату и оглядев сразу смолкнувших баб — лишь жена Пилюгина, свернувшаяся крючком на голбчике, тяжко и глухо рыдала,— он усмехнулся по-своему и шагнул к убитому. Тот как упал ничком, так и лежал, возле головы растеклось по полу кровяное пятно. Макеев постоял над ним и врастяжку уронил два слова:

— Поворо-от! Та-ак...

— Что — так?! — сорвалась с кровати Федотья Пилюгина, оттолкнув какую-то бабу, совавшую ей стакан с водой. Стакан баба уронила, он разбился, многие поглядели на осколки с испуганной жалостью, потому что магазинная посуда была редкостью.— Что так, бирюк вонючий?! Как теперь жить? Жить как? Передушить за это всех щенков афанасьевских! Катьку-суку — всех наперед! Развела свой змеиный выводок...

Петрован Макеев не обратил совсем никакого внимания на ее крик, на ее оскорбительные слова, будто не слышал и не видел Пилюгину. Он молча повернулся и шагнул за порог.

На улице он подошел к Мишухе. Возле него крутился один дед Андрон, отгоняя озверелого Пашку. Сынишка убитого Пилюгина был одногодок Мишухе, он выскакивал из толпы женщин, пинал Мишуху, который все так же прижимался к стене, и снова нырял в толпу.

— Хорек! Ну прямо хорек. Да што теперь-то...— хрипел изнемогающий дед.— Бабы, да уймите его! Сонька, уведи свово брата.

Однако женщины стояли у дома странным образом молчаливые и безучастные. А девятилетняя Сонька, зажавшись у крыльца, испуганно и беззвучно плакала.

— Все одно убью его... до смерти! — сквозь слезы орал Пашка.— Вот счас за шкворнем сбегаю...

Пашка в самом деле побежал куда-то, да наткнулся на кузнеца. Макеев тяжелой рукой схватил мальчишку за шиворот, встряхнул:

— Умолкни. Шкворень тебе...— И толкнул прочь.

Кузнец с целую минуту стоял молча, удивленно и как-то виновато глядел на Ми-

шуху, наклонял голову то на один, то на другой бок, будто пытался разглядеть этого сопливого убийцу получше.

Потом Макеев усмехнулся невеселой, сожалеющей усмешкой и проговорил:

— А я хотел в молотобойцы его взять. Ишо подрастет, думаю, да и возьму. Одному-то несподручно.

— Да куда уж теперь,— хилой от старости рукой махнул дед Андрон.

Мороз целый день жег остервенело, аж плевки замерзали на лету, но к вечеру немного отдало, с увала потек вниз едва уловимый полынный запах — верный признак, что наступит потепление. Увал этот обегал Романовку с трех сторон, на крутых и каменистых его склонах почти ничего, кроме полыни, не росло, ветер постоянно сдувал с него снег, обрушивал на деревушку. Летом в холодные дни и зимой в оттепель струился с его склонов вниз этот несильный полынный запах, приятный и освежающий, будоража колхозных жеребцов.

— А Катерина-то знает? — снова подал голос Макеев.

— Да как, поди,— откликнулся дед Андрон.— Да она ж пластом лежит какой день. Как Доньку схоронила.

Еще помолчал угрюмый кузнец, затем поцарапал ожелезневшими ногтями в клочьях волос на подбородке и с горечью произнес:

— А ведь оно, раз убийство... Милиция тут теперь... Ах ты, срамец такой! Что ж, пойду к Катерине я, что ли.

Но в это время под темным небом, где давно уже горели холодные звезды, раздался смертельный вскрик Кати Афанасьевой:

— Ми-иша-а?!

Вскрик этот заколотился, казалось, об высокие стены увала, не находя места, чтобы вырваться и пропасть в черных заснеженных полях, он еще не затих, как подбежала к толпе сама Катя Афанасьева, в кособокой заплатной юбке и старом пиджачишке, простоволосая, страшная в своем безумии.

— Миша-а! — еще раз простонала она, рухнула перед ним плашмя и, обнимая его колени, вся задергалась, забилась в тяжких рыданиях на утоптанном, заледенелом снегу: — Ты что наделал-то?! Наделал что...

— Катя, Кать... Пущай ему...— разжал губы парнишка. И, глотая слезы, добавил: — Ты не плачь. Пущай... Не плачь, Катя.

Слова эти будто успокоили ее, она стала затихать. Поскулив еще немного сквозь зубы, шевельнулась, встала на колени.

— Простынешь же на снегу, Мишенька... Айда домой, там ребятишки натопили,— проговорила она, подняла всхлипывающего Мишуху с земли, разогнулась, грузно поворотилась к людям. Глаза ее блестели во мраке неживым блеском, растрепанные волосы делали этот мертвый огонь в ее глазах еще более жутким.

Постояв так несколько мгновений, шагнула к молчаливой толпе, люди раздвинулись, и она прошла сделавшимся проходом, уводя Мишуху во мрак.

Когда она скрылась, дед Андрон вздохнул облегченно:

— Ну и слава тебе, господи.

Но бабы и старухи, ошеломленные небывалым убийством, странности в его словах не заметили.

* * *

Так случилось, что с самого начала войны на руках у Кати Афанасьевой оказалось шестеро. Старшему из них, Мишухе, шел тогда одиннадцатый, остальные мал мала меньше: Захару — шесть, Кольке — пять, Игнатию — три, Зойке с Донькой по два годика. А самой-то ей только-только исполнилось двадцать.

Мишуха, Николай и Зойка — ее братья и сестра. Остальные трое были детьми Степана Тихомилова, ушедшего на фронт сразу же по объявлению первой мобилизации, в июне сорок первого.

Недели три назад заболела вдруг Донька, взялась вся огнем, в беспамятстве заметалась на рваной и тощей подстилке. Даже под больного ребенка подстелить чего помягче, кроме облезлого, никуда уже не годного полушубка, не нашлось — за страшные военные годы все было продано и прожито с этой плачущей, ползающей и бегающей по избе оравой, вечно просящей есть, есть, есть...

Нынешней осенью, едва посыпалась на окостеневшую землю снежная крупка, пришлось свести в райцентр, на базар, и единственную корову, потому что зиму кормить ее было нечем. Артемий Пилюгин, ставший с весны 1942 года председателем в Романовке, сена накосить не дал. Сперва все отмахивался: успеешь, мол, вон сколько еще лета, надо сперва колхозным коровенкам накосить. Потом стала осыпаться рожь, подошла пшеница, взбесившийся председатель с утра всех поголовно выгонял с литовками и серпами на поля. Мишка в поле с теткой Василихой работал на лобогрейке, подросший за два военных года Захарка — возчиком хлеба на заготпункт. Дома за старшего оставался Колька, варил пустое варево из картошки, свекольной ботвы, из недозревших капустных листьев, утирал мокрые носы Доньке с Зойкой, следил за хулиганистым Игнатием...

Когда дырявым стал красный огонь на осинах, Катя словно очнулась от вязкого дурмана, стоящего в голове, с ужасом подумала, что ведь корова останется без корма. И однажды до свету растолкала Михаила, сунула ему в руки литовку, себе взяла другую — подлиннее и потяжелее. И вместо колхозного поля побежали они по холодной, уже осенней росе за речку.

— Покосим, Миш, до солнышка... Без коровки-то мы как?

— Да что ж, Кать... Без молока детям никак.

Себя Михаил ребенком давно не считал, расставив по-мужицки ноги, принялся махать косой.

Увлекшись, они ровно и не заметили, как взошло солнце, все молча косили и косили.

— Ой, Миша! — воскликнула Катя, откинула смокшую прядь с распаленного лица.— Солнце-то?! Пилюгин съест.

Мишка молча глянул на небо, подошел к обкошенным кустам, сунул литовку под рядок жесткой, давным-давно перестоявшей травы, проговорил:

— И ты положь тут. Чего их с собой переть? Завтра опять придем покосим.

— Придем, Миш. Надо ведь.

Мишуха устало опустился на кочку, вынул кисет, свернул самокрутку, застукал обломком плоского напильника об острый камень, прижав к нему ватный жгут толщиной в палец, обожженный на конце. Кремень был хороший, стальной обломок высекал целые снопы искр, фитиль задымился. Михаил раздул его, прикурил, осторожно, чтобы не уничтожить нагар на фитиле, сунул ватный жгут в гильзу от отцовской берданки, вместе с кремнем положил в кисет.

Он считал себя взрослым и курил, как взрослый, молчаливо и не торопясь, сосредоточенно глядел куда-то в одно место, о чем-то устало думая. Потом стал глядеть на сестру. Подняв голые локти и чуть откинув назад голову на крутой шее, та зачесывала назад гребенкой густые волосы.

— А ты красивая у нас, Кать,— сказал неожиданно Михаил.

— Вот... ты,— отмахнулась Катя.— Определил... Отец-то с войны вернется — не одобрит за табак.

Курить Михаил начал еще прошлым летом. Катя тотчас услышала запах, сказала: «Не надо бы, Мишка, курить-то покуда». «Не надо,— согласно проговорил он баском.— Да наломаешь хребет, задымишь — и будто полегче». И не сами слова, а голос меньшого братишки, раньше времени загрубевший от непосильной работы, разволновал тогда Катю, в глазах у нее за длинными усталыми ресницами блеснула влага, она сказала: «Не таись тогда... Подпалишь еще чего».

— Да не одобрит уж,— сказал сейчас Мишуха на слова сестры и вздохнул.— Не пишет он че-то уже месяц.

— Скоро будет письмо, Миш... А от Тихомилова Степана вчерась пришло.

— Ну?

— Ничего... Спасибо, грит, за детишек вам с Михаилом.

— Врешь! — взвился Мишуха.— Что это ему про меня бы?

— А на, читай...

Как началась война, Михаил год еще, покуда дома был отец, походил в школу, а после четвертого класса больше уж не учился, не до учебы стало. И Степан Тихомилов, отец Захара, Игнатия и Доньки, писал торопливо, видно, не очень разборчиво, потому Михаил морщил от напряжения лоб, шевелил заветренными губами. Вдруг губы его дрогнули, он засопел, отвернулся от сестры. Потом снова стал читать, шевеля губами, перевернул листок.

— Ну, тут... Миша, про тебя боле ничего нет,— торопливо сказала Катя и взяла письмо. Она прятала от брата глаза, стояла чуть смущенная.

Так прошло какое-то время, с полминуты, может, затем Михаил негромко проговорил, оглядывая покос:

— С полвозика набили, кажись.

— Должно, будет,— согласилась она, подняла с земли старый отцовский пиджак, надела его. Пиджак был велик, она потуже обернула полы вокруг худенького тела, подпоясалась обрывком сыромятного ремешка. И в этот момент из-за лохматых кустов выкатились бесшумно дрожки Пилюгина.

— Тэ-эк-с, косцы-молодцы! — усмешливо протянул он, подъехав. Коротенькие рыжие усы его покачались и криво застыли.— Кто это велел вам... тут? Люди уж давно на работе, а вы...

— Артемий Сасоныч...— умоляюще проговорила Катя.

— За самовольство, Катерина, ответишь! Без понятия, что ли?! У нас хлеб гибнет, а вы...

— Мы до солнышка только... Мы — счас.

— До солнышка...— И усы председателя опять закачались коромыслом.— Прижгут вот если тебе? За самовол?

— У меня же их шестеро, Артемий Сасоныч,— взмолилась Катя, кивнув на Мишуху.

Она стояла перед ним, беспомощная и жалкая в этом проношенном до дыр отцовском пиджаке, в залатанной юбке, мокрой до колен от утренней росы. Пилюгин глядел на этот ее мокрый подол, все шевелил и шевелил желтыми усами, а на его широких крыльях носа проступили отчего-то капельки пота.

— Шестеро...— буркнул он, покачивая тяжелыми плечами, двинулся мимо нее к Михаилу, оставляя на кошенине большие вмятины следов, нагнувшись, выдернул изпод травы обе литовки, понес их к своему ходку, снова оставляя за собой кривую линию от сапог.

Михаил какое-то время с ненавистью глядел на его качающийся огрузлый зад, потом сорвался с места, заскочил ему путь.

— Не трожь литовки-то! Дай сюда...

— А по сопатке вот дам! — хрипло дохнул Пилюгин. В одной руке он нес обе литовки, другую в самом деле поднял будто для удара, но не ударил, легко отстранил со своего пути мальчишку.— Тут колхозный покос, а вы...

— Какой тебе колхозный? — крикнул Мишуха.— В кочках-то... Мы тут прошлый год косили. И кажный год мы тут...

— Погоди, Миша,— попросила Катя, тронув братишку за плечо, пошла за председателем.— Как же без сена-то мы, Артемий Сасоныч?.. Коровенку чем зимой кормить?

— Чем...— Пилюгин бросил литовки на свои дрожки, грузно повернулся. Доставая кисет и не глядя на девушку, скривил усы.— Найдем, может, чем. Я те говорил...

— Артемий!—взметнулся умоляющий голос Кати, прервался... Она обернулась к братишке, но словно больно наткнулась на что-то глазами, опустила голову.— Миш, ты ступай... Я счас. А ты покуда ребятишек там покорми чем.

Мишуха, растерянный и пришибленный, стоял недвижимо.

— Чего стоишь?! — вдруг с ненавистью

прокричала ему в лицо сестра.— Сказано тебе — отправляйся!

— Не ори,— бросил ей Михаил, повернулся, медленно побрел.

Он был не большой, Мишуха, но по-деревенскому если считать, и не маленький. И сразу понял, к чему завернул разговор. Он давно знал, чего хочет от его сестры этот Пилюгин, потому что не раз слышал, о чем судачат по деревне. Бабьи сплетни не запретишь, умолкнуть женщин не заставишь, ему было по-мальчишески больно за сестру свою, а жалел он ее уже по-мужицки, потому что был уверен — Катя чистая, как родничок, молотят все зря, никогда она себе такого не позволит.

Пройдя заросли чахлой ветлы и осинника, Мишуха завернул за них, в деревню не пошел, а присел тут на землю и стал слушать, о чем они там говорят. Сквозь заросли голоса доносились глуховато, но отчетливо.

«Я тебе сказала, Артемий... Никогда, никогда этого не будет».

«И дура,— отвечал Пилюгин.— В деревне-то все равно считают... Тебе ж не убудет и не прибудет».

«Да неуж тебе мало других-то, Артемий?! — взмолилась Катя.— По всем деревням одни бабы».

«А я хочу Степке Тихомилову одни объедки оставить»,— донесся насмешливый голос.

«Не оставишь!»—воскликнула сестра.

«То-то, боров усатый,— с гордостью за сестру подумал Михаил,— а то — объедки...» Он представил, как при последнем слове сестры скривилось сытое лицо Пилюгина, как встали его усы поперек тонких губ. Но в следующий миг он забыл о его усах, потому что в мозг пробилось что-то другое: Тихомилову одни объедки?! А что ж могло у Катьки быть с Тихомиловым? Жена у него, правда, перед войной померла, угорела в своем доме до смерти, до ухода на фронт один он жил, да ведь детный и на десять лет старше Катьки...

«Значит, любовь у вас со Степкой Тихомиловым была?»— донесся из-за кустов голос Пилюгина.

«А не твое дело»,— ответила Катя.

«Ну, как хошь, Катерина Даниловна... И чтоб счас же у меня обои в поле были. А кошенину вашу, я счас скажу, чтоб в колхоз забрали».

«Вот гад, вот гад!»—заколотилось все в Мишухе, он вскочил, собираясь кинуться к Пилюгину, но тут же что-то в нем случилось, из глаз хлынули от обиды и бессилия слезы, он вытер их кулаком и побежал в деревню.

Катя пришла почти следом — Михаил не успел детей за стол посадить—глаза у нее были красные, заплаканные.

— Подслухивал, паразит такой! — с ходу налетела она на Михаила.— Я тебя видела...

— Не кричи давай,— огрызнулся он, тоже сердитый от всего, что произошло за утро. — Сорвалась ровно...

И будто эти слова младшего брата были самыми больными из всех, что она сегодня услышала. Попятившись, она осела на прикрытую рядниной деревянную кровать, всегда доброе и светлое лицо ее перекосилось ненавистью.

— Паразит ты такой! — повторила она с криком.— И все вы паразиты, паразиты! Навалились на меня...

Она упала лицом в подушку, завыла, затряслась, закричала, мотая головой:

— Сдохнуть лучше, сдохнуть, сдохнуть!

Заверещала от испуга пятилетняя теперь Зойка, захныкал Игнатий, бывший старше ее годом. Донька, всегда самая из всех спокойная и рассудительная, сползла со скамейки, подбежала к кровати.

— Мам-Катя, мам-Катя,— затеребила она ее за подол.— Не плачь, не плачь...

— Катя, слышь,—сказал виновато и Мишуха, подошел к кровати.— Дождемся тятьку вот... И дядя Тихомилов с войны придет.

Катя потихоньку перестала трястись, лишь долго еще всхлипывала, а Донька все повторяла: «Мам-Катя... Ну мам-Катя...» Они все, дети Тихомилова Степана — и Донька, и Игнатий, и Захар,—звали ее мамой Катей.

Потом она тяжело пошевелилась, села на кровати, вытерла ладонью слезы, поставила между колен Доньку, мокрой от слез рукой стала гладить ее мягкие белые волосы.

— Простите меня, детки. Славные вы, сердешные...

...Все это было прошлогодней осенью, когда обильно сыпались уже листья. Сена Пилюгин так и не дал накосить, корову продали, и как заболела Донька, Катя христа ради выпрашивала молочка у тетки Василихи, чья корова отелилась в деревне первой. Василиха была женщиной нелюдимой и молчаливой, сама кормила троих, муж ее, Васильев Василий Васильевич, с первых дней войны был на фронте. Молока она давала без всякой платы, потому что платить Кате было нечем. Но полыхавшая огнем Донька почти его не пила — так, если глотнет когда глоточек — и таяла прямо на глазах.

— К дохтуру надо, в район. Ты что ж, девка? — сказал дед Андрон, заглянувший однажды вечером.

— Да как? Я уж трижды кланялась председателю, а он лошадь не дает.

— Это почто?

— А спроси... Пешком бы понесла ее, да ведь поморожу. Морозы-то вон!

Морозы действительно завернули к середине февраля ошалелые, лопались толстые тополя, кой-где растущие вдоль улицы.

На другое утро сам дед Андрон, встретив председателя на кошаре, сказал ему:

— Ты что же коня-то Афанасьевой Катерине не выделишь? Помереть могет у нее девчушка. В больницу-то...

— У всех у нас дети болеют,— ответил Пилюгин.— Простывают, стервецы. Я своих малиной всегда пою. И без всякой больницы...

— Так и она поит. Да тут к дохтуру надо.

— А пусть получше попросит,— ухмыльнулся Пилюгин. Дед стоял и молча глядел на председателя, будто еще ждал каких слов. И тот сказал: — Чего уж так она убивается? Кабы их, Афанасьевых, дите бы еще...

— Во-он что...

— Что? — пошевелил усами Пилюгин.

— А то, Артемушка. Родитель твой, Сасоний, свое нашел... И ты, гляди, не найди.

— Т-ты!!! Стручок засохший! — взорвался порохом Артемий Пилюгин и, глотнув морозного воздуха, побагровел, будто глотку ему враз заткнуло и он никак не мог этот воздух выпустить обратно, почернел даже.— Борода высыпалась, а тож... встреваешь!

И пошел, почти побежал прочь от кошары.

На третий день после этого Донька стала хрипеть и задыхаться. Возле нее метались круглыми сутками сама Катя, бабка Андрониха, Михаил, вливали ей из ложечки в рот отвары из трав и ягод, какими испокон веков пользовали в деревне детей, пробовали обкладывать ее теплым, распаренным березовым листом. Но ничто не помогало, девчонке становилось хуже, изо рта ее пошел тяжелый запах.

— Нутро у нее гниет. Простудилась, это-то верно определил председатель,— мрачно сказал дед Андрон, впервые раскрыв рот после стычки с Пилюгиным.

Многими часами Донька лежала в забытьи, как неживая уже, только с бледного лобика ее катился пот. И как-то, ненадолго придя в себя, она спросила:

— Я умру, мам-Катя?

— Что ты, Донюшка?! Выздоровеешь!

Девочка долго смотрела куда-то мимо Кати в одну точку, потом, как несильный ветерок, прошелестел ее вздох:

— Ведь мы все тебе помогаем, мам-Катя. А если я помру, тогда тебе вовсе трудно будет.

Что-то вспухло внутри у Кати и лопнуло, разворотив грудь, заложив горло. Из глаз ее хлынули соленые слезы, она вскочила, стала обматывать голову шаленкой.

— Коленька, Захар... Глядите все за Донькой, я счас...

Выскочила из дому и побежала в контору, к председателю. Но Пилюгина там не было, в холодном помещении сидела одна Мария-счетоводиха, которую все звали Марунькой, она сказала, что председатель ушел на скотный двор, там корова какая-то растелиться не может.

Но на скотном дворе она нашла лишь Мишуху да старого Андрона. Распаленные—Мишка был даже без кожушка,— они выкидывали в стенной проем навоз из помещения. «Не видали Пилюгина?» — крикнула Катя. «В кузню, сказал он, пошел»,— ответил Михаил. «Донька-то умирает, счас в больницу повезу!..» — прокричала Катя и побежала в кузню, которая стояла неподалеку под самым увалом, а Мишуха и дед вышли за ворота, на мороз, глядели вслед ей, пока она не скрылась в кузне.

...Через полчаса Катя, красная и мокрая, будто из бани, подлетела к дому на председательской кошевке, переступила свой порог. Глотая слезы, прохрипела:

— В больницу, Донюшка!

Она замотала больного ребенка во что только было можно, положила Доньку в кошевку, доверху заполненную мягким сеном, сама стала рядом с ней на колени и хлестанула лошадь.

Шерстяная шаленка на Катиной голове еле держалась, концы болтались, но Катя этого не замечала будто. Она лишь увидела, что к дому, когда лошадь тронулась, подбежал Мишуха, крикнула ему на ходу, издали уже:

— Обихаживай детей-то!..

Вернулась она через пять дней с мертвой Донькой, черная, как уголь в кузне Петрована Макеева, бесчувственная и ровно немая.

Когда Михаил с дедом Андроном выдолбили небольшую, в метр длиной всего, могилку и спустили туда гробик с Донькой, Катя выдавила из себя первые по возвращении из больницы слова:

— Доктора-то сказали: кабы на три-четыре дня раньше ее, мол... Прокля-ятый!

С этим возгласом она упала на маленький могильный холмик из земляной гальки вперемешку со снегом, ее еле-еле оторвали от него, увели под руки домой, уложили на кровать, с которой она не вставала до самого рокового Мишухиного выстрела.

* * *

Только на другой день к обеду из района приехали двое милиционеров и очкастая тощая женщина из прокуратуры. Остаток дня толклись в Романовке, вели расспросы, составляли какие-то бумаги, давали на подпись. Бабы и старики подписывались молча, и Катя за что-то расписалась, не читая, лишь дед Андрон ставить свою подпись категорически отказался, ошеломив очкастую женщину из района словами:

— Ну убил и убил... И слава, значит, богу.

Вчера жители Романовки на такие же примерно слова Андрона не обратили внимания и сегодня будто их не расслышали, а очкастая, вскинув острый горбатый нос, изумленно спросила:

— Выходит, вы одобряете преступление?

— Я грю ему, Пилюгину,— он свое сыщет... Как в воду глядел, значит.

И больше от него ничего не добились.

Все трое приезжих уехали вечером, как стемнялось, увезли с собой Михаила.

В сани он сел молча. Но перед тем, как один из милиционеров хотел их тронуть, соскочил на землю, подбежал к Кате, бесчувственно стоящей у дверей дома, и, роняя с головы шапку, ткнулся ей в грудь и заплакал по-детски горько и обиженно. Он плакал, а она молча гладила его по лохматой, давно не стриженной голове.

Поплакав, он оторвался от сестры, вытер слезы сперва одним кулаком, потом другим. И сказал:

— Ты, Кать, не убивайся. Не убивайся, ладно?

Она без слов кивнула.

Он поднял шапку, надел ее и снова сел в сани.

Мишуху увезли, и в доме Кати Афанасье-

вой застыла мертвая тишина. Все детишки прятались, как мыши, по разным углам, сама Катя сидела, расставив по-бабьи ноги, на деревянной кровати, застеленной рядниной, смотрела перед собой, не видя суетящегося возле печки деда Андрона.

— Старушонка моя печку вам истопить хотела, да в поясницу ей прострел ударил,— объяснял он зачем-то.— Этот... радикулит, по-дохтурскому, схватил, лежит крючком. Ну да мы счас сами...

Растопив печь, Андрон разогнулся, оглядел сиротское семейство Кати Афанасьевой, почесал в тощей спутанной бороденке. И сказал:

— Давайте так порешим, суслятки... Жить все едино прийдется. Бог — он родит и жить велит. Таково мученье, хошь не хошь... Уразумели?

Не поняв этой речи деда Андрона, дети по-прежнему молчали, никто не откликнулся, и старик рассердился, будто перед ним были взрослые:

— Эк, якорь вас! Ну да ладно, жизнюха кажного по уму добьет. Где у вас вода-то? И картохи, что ли? Жрать-то, небось, хотите?

Воды в доме не было, Андрон погнал Николая с ведрами на речку, Захару велел достать из подпола картошки.

— Да берегись, возле пролубки склизко,— предупредил он Кольку.

— Маленький, че ли! — буркнул тот, уходя.

Захар достал из подпола небольшую миску картошки.

— На всех вас мало, поди, будет,— покачал головой Андрон.

— Мы всегда по столь варим,— сказал Захар, круглолицый, конопатый, с рыжими волосами в кольцах.— По два раза в день. Мам-Кать всю картошку перемерила и больше в день не велит. А то не хватит до новой.

— А-а, ну да... Это так,— глухо сказал дед, покашливая.— Ты старший теперь тут, ты и следи за всем. И за нормой, значит. Понимаешь?

— Что ж не понять... Не растянем до новой-то, тогда что? — рассудительно ответил девятилетний Захар.— Что ж теперь, Мишуху засудят?

— Дак куда деться-то, Захарушка...— кивнул старик.— Жизня — круг, а в круге — суд. Послаще, как вам, ему придется.

Заревела при этих словах Зойка, самая младшая из всех, подбежала к сестре, уткнулась ей в колени. Катя, все глядя в одну точку, обняла горячей рукой ее за костлявые плечики.

Дед Андрон сварил картошку, разделил меж детьми, две картофелины оставил Кате, которая все сидела и сидела на кровати.

Загнав потом всех на теплую печку с приделанной по краю доской, чтоб спящие не вывалились (эту доску прибил еще сам Данила Афанасьев, их отец, уходя на фронт), он подошел к Кате, сел рядом с ней на кровать.

— Что наделал-то, паршивец,— сказал он тихонько.

Негромкие слова эти будто насквозь прожгли Катю, она вскочила, отбежала к печке и пронзительно закричала:

— Не-ет! Он правильно, правильно-о...

Лицо ее, доброе и красивое Катино лицо, было страшным, губы тряслись, в глазах дергался нехороший свет.

— Ну зверица! — прикрикнул старик.— Еще кинься на меня давай. Разве я что говорю? Я про то, что правильно, знаю.

— Ты?! Он, Мишка... рассказал? — сразу обмякла Катя, в широко раскрытых ее глазах заплескался теперь ужас, губы побледнели. И они сами собой прошептали: — Он, кажись, приперся следом в кузню-то... Тогда я задавлюсь, задавлюсь!

— Дура,— спокойно проговорил дед, встал, пошел к двери, сдернул с гвоздя свою баранью шапку. И еще сказал, как дружески посоветовал: — Давись, Катерина. Только сперва детишек-то всех ножиком переколи. Все едино сдохнут!

Последние три слова он выкрикнул уже зло и едко, боком ударил разбухшую дверь, которая с первого разу не поддалась.

— В кузне он был, верно. Только ты знай, Катюха — твово Мишуху режь, так слова не вытянешь. Я, грю, Пилюгина знаю...

Он выбил плечом дверь и ушел, плотно прикрыв ее за собой.

* * *

Дед Андрон нисколько не соврал — Михаил ни словом не обмолвился о том, что произошло в кузне меж Катей и Пилюгиным. Больше того, когда долбили могилку для Доньки, он на совет Андрона: «Счас, Михаил, такое дело... Зачнут чего про сестру болтать, ты затыкай им глотки, ничего, мол, там меж них с Пилюгиным... при мне, дескать, все происходило»,—хрипло ответил:

— А что могло быть-то? Ничего и не было в сам деле.

— Так это ты знаешь да я,— сказал Андрон.— А у бабья язык без костей.

И больше они там ни о чем не говорили, работали молча. Когда отдыхали, Михаил, не слыша мороза, сидел на куче мерзлой земли, курил, пряча от старика воспаленные глаза, а тот, опершись на лом, уныло думал о чем-то.

Так же вот дед Андрон безмолвно стоял и в тот день, когда Катя Афанасьева искала Пилюгина, только опирался не на лом, а на вилы, стоял и глядел, как бежит Катя от скотного двора к кузнице, как ткнулась со всего бега в тяжелую дверь из плах, скрылась внутри. А через минуту из кузницы вышел Петрован Макеев с какой-то сумкой в руке, захромал в сторону председательского дома.

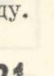
— Гляди-ка,— встрепенулся Андрон.— За закуской ить послан, пьяный пес? Самогон-то в кузне завсегда в наличии. Ну, точно, гля, пимы у председателева дома оббивает...

Говорил старик тягуче, чем дальше, тем медленнее.

Помолчав потом, покрутив туда-сюда головой, старик промолвил неуверенно:

— А прошел бы и ты, Мишуха, туда...

Михаил и сам давно уже растерянно и беспомощно глядел на кузню, при этих словах он сорвался с места, нырнул сперва в коровник, схватил заскорузлый кожушок, побежал к кузнице, натягивая его на ходу.

Тяжелая, залоснившаяся от грязи дверь кузницы открылась без скрипа. Михаил протиснулся в щель.

Кузня была перегорожена бревенчатой стеной надвое, в первой, меньшей половине с крохотным оконцем ждали своей очереди на починку бороны, лемеха, мелкие части всяких машин — сенокосилок, конных грабель, лобогреек. Петрован Макеев хранил их здесь от ржави. Тут же валялся всякий хлам — старые колесные шины, обрезки железа, разбитая наковальня, перепутанные комья проволоки...

В горновую половину отсюда вела еще одна дверь, потоньше, но тоже крепкая, обитая снаружи грязным войлоком, она была приоткрыта, оттуда пробивался жидкий свет (в горновой было два оконца) и тек теплый поток.

Михаил не раз и не два бывал в кузне, он знал, где что лежит и валяется; ни за что не запнувшись, он подскочил в полутьме к этой внутренней двери, хотел ее отмахнуть, но замер, услышав голос сестры: «Вошь ты... совсем заел. Кофту-то не рви, последняя...» «А-а, вошь?! — прохрипел в ответ Пилюгин.— Д-дам я тебе коня... В свою кошевку запрягу. И пшеницы дам... И мяса. Всего дам, не жалко. А ты за все платить будешь, как счас... Не царапайся, отцарапалась!»

Мишуха был не маленький, он, слыша возню и голоса, понимал, что там происходит. Но он был все же мальчишка, и происходящее в горновой части кузницы раздавило его, что-то едкое застелило разум, не стало давать дышать. Он стоял возле двери, прислонившись, чтоб не упасть, спиной к бревенчатой стене, потом все же ноги подломились, он стал медленно оседать вниз, задевал острыми лопатками за бревна.

Сколько он сидел на земляном полу, Михаил не знал. И где сидел — не понимал, разум его потух.

Потом сквозь звон в голове пробилось тяжкое всхлипывание, и Мишуха понял — это плачет Катя. «Ну и плачь, плачь, стерва такая! — с ненавистью и омерзением подумал он о сестре.— Потаскуха... И я счас зайду и плюну тебе в морду». Но он никуда не пошел, не пошевелился даже с места, потому что другим краем сознания понимал — Катька все-таки не виновата, это один Пилюгин виноват, он своими сапожищами втоптал в грязь его сестру и опозорил навеки. И еще не двинулся с места потому, что Пилюгин заговорил: «Твой отец батькуто моего сгубил. Знаешь, поди?» Пилюгин говорил это, и в голосе его было странное, непонятное для Мишухи торжество. «Отец со Степаном приедут — и с тобой рассчитаются»,— ответила Катя сквозь слезы. «Ну, это еще погодить надо,— хохотнул Пилюгин.— Война — она не тетка... А покудова я всласть помну твои титьки. За все над тобой натешусь... Да не плачь ты, дура. Эка беда — из девки бабой стала.— Он еще раз уронил козлиный смешок.— Лидка моя давно уж считает, что я живу с тобой. Теперя хоть не зря, значит...» «Коня-то... давай,— прохрипела Катя.— Донька помирает...» «Айда на конюшню. Сам тебе запрягу».

В горновой части кузницы послышались шаги, дверь, возле которой сидел Мишуха, отмахнулась, загородив его. Из горновой сперва вышла, согнутая крючком, Катя, двинулась, как слепая, к выходу из кузни, за ней, покачивая широкими плечами, прошел Пилюгин. Не оборачиваясь, он захлопнул за собой дверь, так и не заметив Мишуху.

Скрип их шагов по снегу давно затих, а Михаил все сидел и сидел на прежнем месте, онемевший. Потом обозначился в дверях кузни Петрован Макеев с набитой сумкой, увидел Михаила, спьяну даже не удивился ему, лишь протянул:

— А-а, ты...— Прошел в горновую, вернулся.— А они игде? За закуской, приказал, ступай. Лидии, грит, скажи — приказ от меня... Поворо-от!

Мишуха поднялся и молча пошел из кузни, пошатываясь, будто хмельным был он, а не Петрован Макеев.

Продолжение следует.

ИСПЫТАННАЯ ВЕКАМИ

В Каракалпакии стихи поэта Тлеубергена Жумамуратова широко известны, сам он желанный гость в колхозах и совхозах, на предприятиях и в школах. Это писатель, глубоко знающий жизнь своего края, своих земляков и историю каракалпакского народа. Его поэзия корнями уходит в родную почву, в национальный фольклор. И недаром он удостоен высоких званий народного поэта Узбекистана и народного поэта Каракалпакии. Теперь вышел в свет в подарочном оформлении его роман в стихах «Красавица Макарья».

В книге говорится о давней, испытанной веками дружбе русского и каракалпакского народов. «Каракалпак с надеждою всегда смотрел на север», то есть на Россию, «и русичей, ведя с врагом бои, на помощь звали прадеды мои». Эта тема дружбы олицетворялась, в частности, в образе волжского богатыря Парамона с его былинной силой и бескорыстной готовностью прийти на выручку каракалпакским братьям. Парамон вызволяет из лап вражеских лазутчиков юного отважного Аяза, вместе с ним отражает напор паводка, грозящего разрушением каракалпакскому городу и гибелью его жителям, участвует в разгроме разбойничьего войска хана Кокше, жестокого и коварного, разорившего окрестные аулы и решившего предпринять набег на полумифический Багдад, которым правил бий Давкара.

В трудный час героям
дружба помогла
одержать в бою победу
над врагом.

Плодотворность дружбы каракалпаков и русских в романе наглядна, и она как бы закрепляется браком Парамона и дочери Давкары — Макарьи, венчающим их верную, нежную любовь.

В образе Макарьи воплощены лучшие черты каракалпачки, жившей примерно в те стародавние времена, когда прославились своими подвигами знаменитые «сорок девушек» — «кырк кыз», героини каракалпакского эпоса. Она женственна, мудра, скромна и отважна, ее письмо Парамону дышит глубоким чувством и непосредственностью, а послание хану Кокше — гневное, смелое, с хитрым тактическим ходом: недаром же Макарья искусна в шахматной игре.

И неважно, исторические ли это личности: Макарья, Парамон, Давкара, Аяз и другие,— нас не слишком заботит, когда в точности происходит действие романа. Его историзм — глубинный, поэт стремится к раскрытию обобщенной правды характеров, раскованно привносит в свое произведение художественный вымысел, опираясь на легенды, сказочные фольклорные мотивы и образы, на поэтическую аргументацию народного творчества. «Красавица Макарья» — это радужный сплав истории и «преданий старины глубокой», были и сказки, эпоса и лирики.

Сам автор при этом занимает активную позицию, он не только пересказывает события, но эмоционально комментирует их, вмешивается в происходящее, подгоняет, а то и опережает сюжет: ведь ему-то, нашему современнику, все известно о развитии отношений между Каракалпакией и Россией с давних до наших дней. И авторская мысль то свободно парит как бы «над повествованием», то вторгается в его ткань.

Можно смело утверждать, что «Красавица Макарья» не только заметное, но и новаторское произведение в каракалпакской советской литературе.

Своеобразное построение романа, его насыщенность символикой, метафорами, густым национальным колоритом — все это создавало определенные трудности для переводчика. Успешно преодолеть их помогло московскому поэту Аркадию Каныкину как знание каракалпакской действительности и поэзии (он бывал в республике не раз и подолгу), так и тесное содружество с писателями Каракалпакии. Не расплескав, донес он до читателя и содержание романа и авторский стиль со всеми его особенностями.

Юрий КАРАСЕВ

Тлеуберген Жумамуратов. Красавица Макарья. Роман в стихах. Пер. с каракалпакского Аркадия Каныкина. Изд-во имени Г. Гуляма, Ташкент, 1978.

ДОМ, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Ия МЕСХИ

Когда я пришла во двор дома двадцать по московскому бульвару Матроса Железняка, кража была еще свежа в памяти жильцов.

Случилось это под майские праздники. Очень рано раздался звонок в дверь Антонины Ивановны. Она вскочила с постели:

— Кто там?

— Это я, Тан-Ванна, откройте...

Голос взволнованный. Алеша даже не вошел, выпалил с порога:

— Беда, Тан-Ванна!.. Я проходил мимо: окно приоткрыто, с форточки содрана сетка...

— Бегу!

Она мобилизовалась сразу, как солдат. Плеснула в лицо из крана, чтоб разлепить веки, сунула опухшие ноги в сильно растоптанные туфли — и вниз. Вышла из подъезда, вошла в следующий, рядом. На первом этаже вместе с Алешей стали нервно отмыкать ключами дверь. Вошли. Так и есть: клетки перевернуты, открыты, свалены в беспорядке. В угол забилась вконец замученная зеленушка да еще два полуживых щегла, даже крылья не поднимают. Наверное, долго, бедняги, отбивались? Отбилась. Остальных тринадцати обитателей комнаты нет. Прошли во вторую комнату. Там рыбы, четыре аквариума. Они в порядке.

Вскоре сбежались ребята из всех подъездов. Малыши расплакались, взрослые запричитали:

— Как же можно такое красть?!.

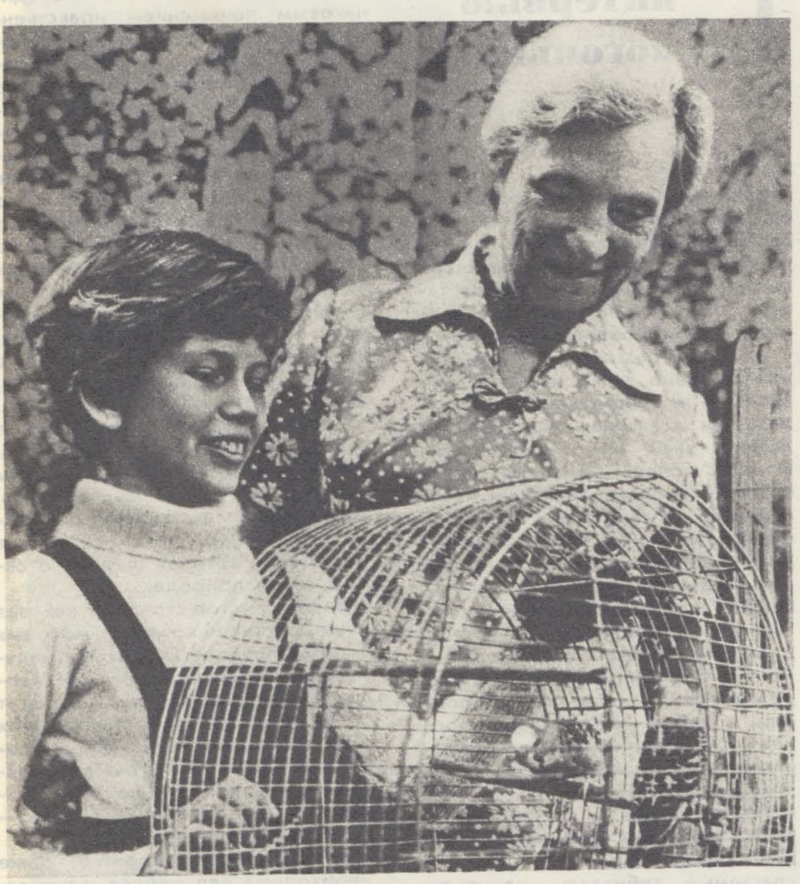
Красть никакое нельзя. Но особая гнусность в том, что украли общее, детское, собираемое годами. При мысли о годах у Антонины Ивановны сильно защемило сердце. Но разнюниваться не приходилось. Вспомнились хрестоматийные стихи:

Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети.
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете...

Вот и расстались! Расстались с клестом Артемом, который жил в этой комнате девять лет, был воспитан в лучших правилах, изъявляя многократными поклонами свою благодарность кормильцам. Расстались с чечеткой Балериной: она отличалась тем, что ритмично двигалась под любое тра-ля-ля. Чиж очень любил, когда ему включали на магнитофоне польку. А попугаи? А канарейки и кенари? Особенно огорчала потеря кенаря Кирюшки Беленького — отлично пел. Его принесла из дома девочка, семья которой жила в большой тесноте. Расставаться с птицей не хотелось, не было мысли и о продаже, хотя за нее дорого дали бы на рынке. Кирюшку Беленького пристроили в приятели к старожилу Кирюшке Желтенькому. И еще очень жаль было презабавного попугая Антошу Качалкина — подарок от милиции...

Так что же милиция? Искала, конечно, злоумышленников. Участковый проинструктировал старших ребят, и они несколько раз ходили в разведку на Птичий рынок. Но успехом все это не увенчалось. Ребята очень печалились, и кто бы ни заходил во двор, они тотчас к нему: «Вы слышали: у нас украли птиц»... И мне тоже так

В ПЛЕНУ У ДОБРОТЫ

А. И. Перепелицина и Ира Глазова. Фото А. Козьмина

сказали девочки, сидевшие на садовой скамье.

В птичьей квартире вместо знаменитых певунов поселился молодой петушок. Какая-то добрая душа принесла его, чтоб присутствовала хоть какая-то живность. Дети описали постигшую их неприятность в стенгазетной заметке: «Мы огорчены».

Разговор мой с девочками был краток. А что, говорю, если кому-то просто не понравилось, что вы держите птиц взаперти? Мысль такая: если помните то самое стихотворение о птичке, попавшейся в сети, ее уговаривали, предлагали конфет, чаю с сухарями. Но она рвалась на свободу. Может быть, в самом деле не надо держать птиц в клетках? А как тогда узнают их наши ультрагородские дети, не имеющие бабушек и дедушек в деревне? Да так ли уж обязательно всем знать птиц? Можно прожить и без этих знаний. Так вот, возможна ли версия о выпуске птиц на свободу?

— Нам это и в голову не приходило. Им у нас было хорошо,— твердо сказали девочки. И даже рассердились на меня.

И тут я увидела Тан-Ванну. Так называют дети Антонину Ивановну Перепелицину. Сначала потому, что трудно было выговаривать имя-отчество. Потом — по привычке.

Антонина Ивановна — хороший человек. Но хорошими людьми, по моему глубокому убеждению, не так уж беден мир. Она человек общественно хороший. И я шла к ней для того, чтобы понять, почему люди, которые вполне могут жить тихо, благостно, на радость своим близким и друзьям, устраивают себе из жизни сплошную мороку и беспокойство, носятся целыми днями с какими-то заботами, увязают в общественных делах так, что света белого не видят. И все крутятся и крутятся...

Иногда это делает честолюбец: хочется ему быть на виду, слыть деятелем. Попутно, конечно, и делать что-то, но главным образом слыть. Это всегда чувствуется: отсутствие сердца и присутствие «я».

На Антонину Ивановну это не похоже. Она бесконечно смущается любым вопросом о себе. С детьми говорит тихо, доверительно, выбирая слова и делая попутно мельчайшие поправки в туалете своих собеседников: выпрастывает воротничок, отбрасывает спустившуюся на лоб прядь, застегивает пуговицу, смахивает соринку. В ворохе любительских фотографий дворовых ребят не нашла я ни одной с нею. Не любит она сниматься, показываться.

На пенсии? Да, теперь на пенсии. Одинокая. В однокомнатной квартире. Но когда переехала в этот дом, еще вовсю работала преподавателем музыки в одном из детских садов в центре Москвы. И жили они вдвоем с мужем, инженером Василием Ильичом. Не так давно его не стало...

Тогда вокруг дома лежал пустырь и носились ничем не занятые ребята. Сейчас видишь тут уютный бульвар, густые внутриквартальные зеленые насаждения. Все это сделала, разумеется, не Антонина Ивановна. Озеленением занимались городские организации. Она лишь попросила отдать в ее руки часть саженцев, чтобы между двумя корпусами дома № 20 сажали березки не рабочие, а дети. Поливали и холили их не взрослые, а дети. Это приучает бережно относиться к деревьям. А вслед за деревьями — цветы, потому что Антонина Ивановна ходила с детьми на поля Тимирязевской академии, завязала знакомство со станцией растениеводства и высадила на небольшом пятачке 45 видов многолетников, которые цветут с весны до зимы.

А потом пришло увлечение птицами — началось с совместных прогулок в лесу. Захотелось иметь их близко, наблюдать, ухаживать, вести дневники... А потом пошли рыбы, черепахи и т. д. И до того это дело разрослось, что жэк № 2 Железнодорожного района расщедрился на целую двухкомнатную квартиру, правда, из-за шума котельной признанную непригодной для жилья.

Длилось все это восемнадцать лет, ровно столько, сколько сейчас Алеше, тому самому, что прибегал утром к Тан-Ванне с сигналом о беде. Алеша — первый ее помощник, мастер на все руки. Он окончил ПТУ, работает на заводе и в этом году идет служить в армию.

Да что Алеша, когда с Антониной Ивановной закладывали сад и птичий дом те дети, которые уже имеют своих детей. И будьте уверены, не позволят гадко относиться к живому и растущему.

Значит, дело не только в цветочках и птичках. Само собой, хорошо иметь перед домом цветник, знать растения, ухаживать за ними. Хорошо нарвать букеты своих свежих цветов и всем дружно пойти к обелиску, установленному на месте, где был дом Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских. Он недалеко. Я видела там анемоны и садовые незабудки, которые в ту пору цвели на клумбах Антонины Ивановны... Хорошо и птиц знать. Не помешают эти знания. Но делается большее. Неизмеримо большее! Делается, несмотря на огорчения. Не без них. Вот голубая ель, верхушку которой перед самым Новым годом спилил какой-то паразит. Ель эта стараниями детей вымахала в три человеческих роста, а теперь стоит в саду обезглавленная и напоминает о том, что не все так розово вокруг, как хотелось бы. Пусть дети это знают. Пусть злее дерутся за доброе.

— А птиц мы восстановим,— говорит Антонина Ивановна,— в решении партийной организации жэка так и записано: восстановить! Нам уже выделили деньги, сделаем на окне решетку, я побегаю по магазинам, подберу новый птичий ансамбль...

И она будет бегать, запасать корм для птиц и рыб, работать в цветнике, готовиться к осенним походам, экскурсиям. Да, еще экскурсии по пушкинским, есенинским, горьковским местам Москвы, экскурсии в Горки Ленинские, Третьяковку! Подается к дому автобус, отвозят — привозят, оплачивает жэк. Только маленькая деталь: обо всем этом надо договориться, все это нужно организовать. Есть, конечно, помощники: Зинаида Герасимовна Григорьева, Антонина Давыдовна Мохель и другие мамы и бабушки. Не вытянуть всего одной. Да и не одна она. Такой человек никогда не бывает один.

Смотрю я на Антонину Ивановну и думаю: ну, хорошо, деятельная натура, любит детей. И только? Нет, мало для объяснения такой ежедневной, можно сказать, ежечасной нагрузки. Тогда так: педагог по образованию и по внутреннему убеждению и не может остановиться. Но педагоги обыкновенно сильно устают, охотно удаляются на отдых. Что же ею движет? Может быть, любовь к растениям и животным толкает ее на поиски помощников и она находит их среди детей? Ну, нет, любителей подобного рода много — и индивидуалов и объединенных во взрослые коллективы. А тут уйма ответственности и случаются удары. Проснется иной раз, глянет с балкона — цветник ободран. Двор-то открытый, проходной. Бросить бы все, оставить! И тут же сама себе говорит: «Нет, не смогу!..»

А если вернуться к истокам, когда Антонина Ивановна, еще молодая, полная сил, переехала на эту, по существу, окраину Москвы? Здесь поселились разные люди — и рабочие и несколько семей из интеллигенции. Она стала проверять слух у соседских детей, настаивать на учебе в музыкальных школах. К ней потянулись родители. Она поняла, что может им как человек образованный чем-то помочь в их семейных заботах. А какие в семье главные заботы? Дети! Она принялась за детей. Они почувствовали ее доброе, широкое сердце.

Так она попалась в «сети». Это ужасно — попасться в «сети»! Это прекрасно — попасться в «сети»!

«Что вы болтаете,— скажет мне иной,— человек должен быть свободным, не пребывать в плену!» А любовь разве не плен, однако прекрасный? А труд наш ежедневный не плен, однако прекрасный? Попробуйте лишиться его — и вы не человек. Попробуйте лишить Антонину Ивановну детского «плена», и она зачахнет. «Что вы, что вы!— скажет она.— Вот вы говорите, что я кручусь и света белого не вижу. Как раз я-то вижу его, белый свет, с моими ребятами. Мечтаю, как буду ходить с ними зимой в лес, подкармливать птиц. Мечтаю, как еще много раз услышу и увижу новое, узнаю то, чего не знала. Для чего мне частные уроки музыки? Чтоб больше есть, чтоб лучше одеваться? Для чего мне свобода в собственной клетке, если она, эта свобода,— не осознанная необходимость, если я не буду нужна?»

Вот так скажет вам Антонина Ивановна Перепелицина. А вы как думаете?

ВОСПИТЫВАТЬ КРАСОТОЙ

интервью «огонька»

**Наталья УЖВИЙ,
народная артистка СССР,
Герой
Социалистического Труда**

— Воспитывать красотой, вы говорите? Тут и спора нет, и двух мнений быть не может. Но давайте уточним: я имею в виду не одну лишь красоту роли. И не одну лишь красоту драматургии — произведения искусства, с которым знакомит зрителя театр,— задумчиво говорит Наталья Михайловна Ужвий, актриса известнейшая, любимая всеми не только на Украине как неповторимый художник сцены и общественный деятель.

Мне кажется,— продолжает она,— да нет, пожалуй, слово «кажется» вовсе не годится, сегодня нужен труд, нужна, может, как никогда, честность и определенность художнических, творческих принципов, а не размытость, приблизительность мыслей, а значит, невнятность и условность образов, якобы таким путем отвечающих требованиям современности... Нет, красота творчества, современное звучание творческих созданий сцены прежде всего в их внутренней ясности, яркости, рельефности. В отчетливости духовных критериев, в глубинном понимании того, за что или против чего борется актер, что он отвергает и что отстаивает. Короче, в самой идее создаваемого образа, в самом идейном, психологическом влиянии твоей собственной работы, твоей роли и на всю атмосферу спектакля и на зрительный зал.

Твердо убеждена, что нынче воспитательное значение театра — несмотря на все наши театральные споры, а то и ссоры,— огромно, как никогда. Театр не бывает пустым, безлюдным. Он нужен людям, быть может, даже острее, чем в ту давнюю пору, когда не было ни радио, ни телевидения, а в селах не знали даже о существовании кино! Я начинала свою актерскую жизнь зрелым человеком, и мне это виднее, чем кому-либо. Виднее, возможно, еще и потому, что я ведь была сельской учительницей в молодости и, значит, могу сравнивать возможности духовного влияния театра, сцены на личность не с чьих-то слов, а по собственному практическому опыту. Когда я — еще до революции — увидела первый в своей жизни самодеятельный спектакль, он меня поразил! Он сразу же увлек и взволновал так, что я уже ни о чем другом не могла и мечтать. Впрочем, даже в самых дерзких мечтах я не допускала тогда мысли, что могу стать профессиональной актрисой. Таких самонадеянных планов у меня не было: мы в нашем прошлом жили скромно и, наверное, относились к себе взыскательней, строже, чем иные нынешние, безудержно рвущиеся на сцену девочки, девушки, не задумывающиеся нисколько об ответственности актерской работы. А эта ответственность огромна. Ее ни с чем не сравнить.

Учитель дает образование и тоже формирует человеческие души — воспитывает внутренние качества, влияет собственным примером на детей и подростков. Таким же мощным воздействием обладает и искусство. Хотя, разумеется, оно может влиять неоднозначно. Об этом тоже забывать нельзя.

Наверное, прежде всего вокруг этой необходимой искусству **нравственной силы воздействия** и идут все наши споры. И как же хорошо, что в недавнем постановлении ЦК КПСС прямо сказано о необходимости дальнейшего улучшения идеологической, политико-воспитательной работы. Создавать **атмосферу принципиальности** — вот что сказано в постановлении. Находить путь к уму и сердцу человека! Да ведь это и есть феномен творчества. Это и есть прямая и непосредственная задача театра, задача каждого художника сцены! Зритель должен после спектакля уходить из театра, потрясенный тем, что он увидел на сцене, чем взволновался, что открыл вдруг для себя в своем собственном бытии,— в отношении к людям, к окружающей жизни... А ведь, нечего греха таить, бывает и так, что уже в очереди к гардеробщице начинаются у зрителей разговоры о том, что приготовлено дома на ужин или о платье на завтрашний день... Если вдруг услышишь где-либо подобное, знай, актер: работа твоя и твоих коллег по сцене пошла впустую, пропала зря! Значит, не возникло Искусство с большой буквы. Почему? Возможно, не отдал ты зрителю сегодня свои собственные ум и сердце. А может, вообще нет в твоей сценической жизни необходимой ей самоотдачи? Быть может, без должного накала, без взаимопонимания шла режиссерская работа с актером? Или в самой пьесе не нашлось идей, зажигающих творческую душу, такими столь богата всегда классика...

Театр сегодня, я уверена в этом, должен будет взыскательней, строже проверять все эти слагаемые, добиваясь именно такого воздействия на зрителя, какое я с тех давних — учительских еще — времен и называю воспитанием красотой.

Будучи учительницей на селе, я играла в любительских спектаклях, постигая роли за счет сна и отдыха, добираясь до их нравственной сути собственным разумением, ну, и, конечно, советуясь с друзьями и коллегами—такими же сельскими учителями. Мы руководствовались при этом только своим духовным, внутренним отношением к человеческой жизни, к добру и злу. Короче говоря, своей совестью.

Ведь красота человека, красота души вне совести не существует, она просто невозможна. Эту творческую истину я постигла еще в самодеятельности; называлась она тогда иначе: любительством. Слова будто разные, но их значение адекватно: человек в своей творческой деятельности **сам** открывает в себе художника. Открывает потому, что он деятельность эту **любит**. Тут все совпадает с истинным положением вещей... Прежде чем выйти на профессиональную сцену, я сыграла, думаю, более пятидесяти ролей — не берусь назвать точное число, потому что считать было некогда, да и незачем: я ведь оставалась педагогом, учила детей — их я тоже очень любила. Больше того, благородное учительское поприще, внимательные детские глаза, их доброта, их сердечность именно и давали тот заряд душевной, творческой энергии, без которой нет — я убеждена — ни педагога, ни актера.

Воспитывать — значит **питать** душу, ум, сердце. Учитель питает знаниями, актер — впечатлениями, но они сообща, вместе должны вырастить хорошего, нужного Родине и обязательно счастливого, обязательно любящего труд человека. Тут для меня нет и не было серьезных различий. И я шла утром в школу, а вечером — на маленькую сцену с одинаковым волнением. И с одинаковым пониманием нравственной сущности своих обязанностей... Впрочем, ни тогда, ни теперь я не смотрела и не смотрю на свою работу как на обязанность, то есть как на нечто связывающее меня, отделяющее меня от какого-то другого, более приятного, что ли, более нужного мне лично, домашнего, семейного дела или отдыха... Я представляю себе самую обязанность жить как великое счастье только в том случае, если жизнь наполнена трудом, которому ты отдаешь себя, не задумываясь, не считаясь ни с затраченным на него временем, ни с хлопотами, ни с усталостью...

Конечно, годы идут, и самое счастье труда становится иным. Но оно не исчезает. Просто им еще больше начинаешь дорожить, хотя подчиняешь ему себя, я сказала бы, теперь разумнее, чем в молодости, которая щедра по самой своей природе...

Впрочем, стоп-стоп. Вот как раз о щедрости некоторых молодых актеров приходится сегодня задумываться. Слишком уж они иногда однообразны. То ли берегут силы, то ли уж не осталось этих сил? То ли «модный», якобы «современный» стиль игры заставляет их быть везде и во всем «узнаваемыми», точнее сказать,— безликими, одинаковыми...

Узнаваемость, вероятно, даже необходима для любого, даже самого великого актера... Как ни умели гиганты сцены — Шаляпин, Москвин, Бучма— перевоплощаться, все равно зритель узнавал их мгновенно! Узнавал не по росту и не по голосу — все это можно в той или иной мере подчинить роли и как бы изменить, сделать какими-то иными, «непохожими». Узнавал зритель актера по мгновенной интуиции, по волшебному внутреннему току, по той эманации чувства, которыми были пронизаны образы, создаваемые **настоящими** большими актерами.

Проходит время, и я все чаще задумываюсь над этими тайнами образа, тайнами перевоплощения... Меня в моей жизни многие этому учили. И «правильно» учили и «неправильно» — всякое было. Мне чаще всего оставалось одно: самой искать и додумываться, опираясь и на собственный поиск и на уроки окружающих меня мастеров.

Уже в начале двадцатых годов я стала профессиональной актрисой. Но недаром народ мудро советует: век живи, век учись!.. Вот я и учусь весь свой век. И не жалею об этом. Ибо ведь и здесь тоже есть свои нравственные законы. Как только остановился, так и застыл, дальше уже не двинешься. И еще есть хорошая поговорка: плуг — серебряный, пока пашет... Но, разумеется, ни о чем таком не думаешь, пока создаешь образ, строишь роль, а потом выходишь с ней на сцену,— чтобы жить судьбой, волнениями, всей жизнью героя...

**Беседу вела
Н. ТОЛЧЕНОВА.**

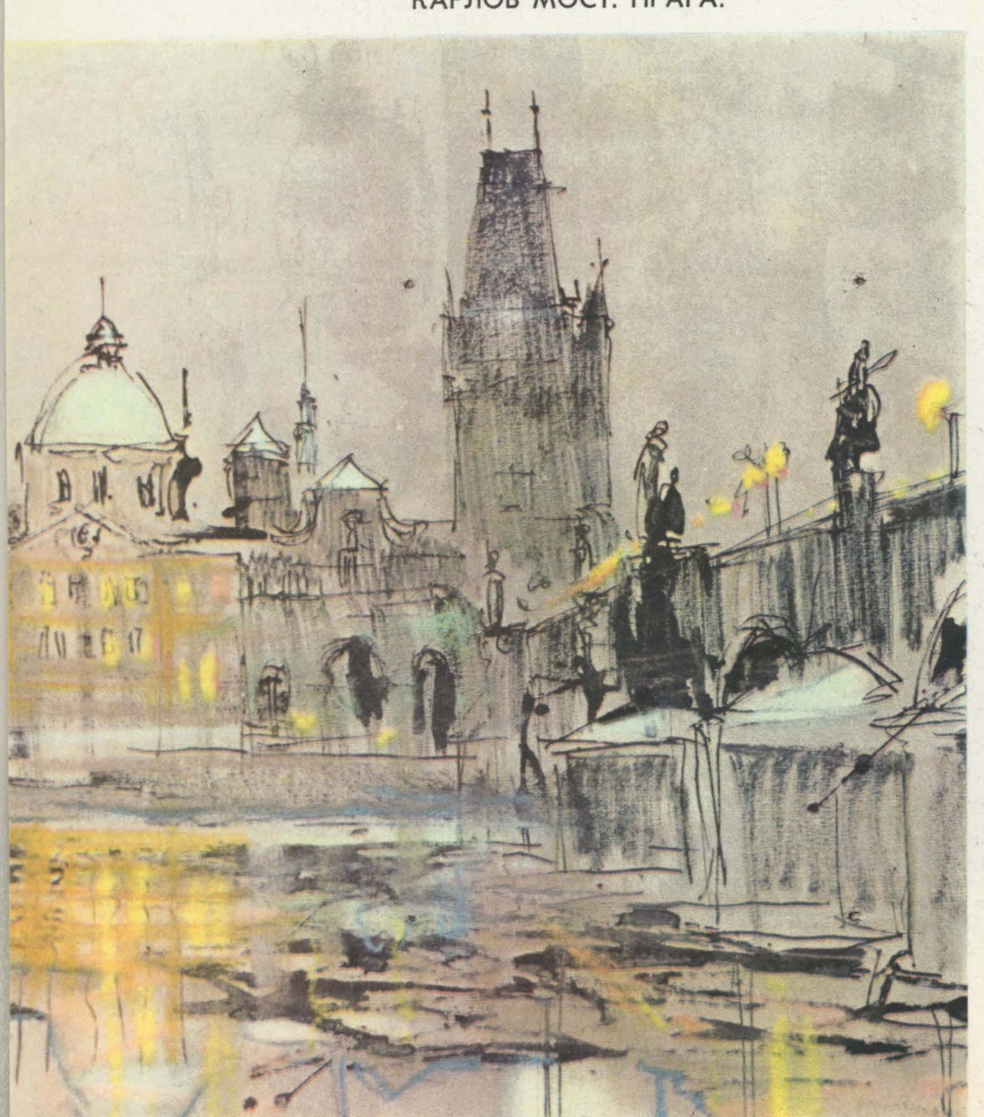

Диего Веласкес. 1599—1660. ПОРТРЕТ ГАСПАРА ДЕ ГУСМАН, ГРАФА ОЛИВАРЕСА, МИНИСТРА ФИЛИППА IV.

Дрезденская картинная галерея.

А. М. Косоков. ВЕЧЕР.

КАРЛОВ МОСТ. ПРАГА.

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«ПОДОЖДЕМ «ЕЛЕНУ»?»

Сегодня мы продолжаем разговор, начатый («Огонек» № 25) репортажем «Подождем «Елену»!».

Прежде всего надо отметить, что почта, вызванная публикацией материала об очках и оправах, полнится обстоятельными читательскими письмами. Они не оставляют сомнений: хорошие очки — проблема. Ее надо решать! «Никак не могу заставить себя повседневно носить очки, купленные в нашей «Оптике». Я даже удивилась, что наблюдается количественный дефицит: у нас предостаточно оправ, но они плохие, мало отличаются друг от друга» (Г. Комарова, город Рыбинск). «В статье «Подождем «Елену»?» пять отступлений... Хочется знать, какие по этим пяти отступлениям будут приняты меры и когда же мы дождемся оправ для очков, в которых у человека не искажалось бы лицо и зрение?» (Н. Александрова, город Калинин). «Никто круто не спрашивает за качество «массовки» и за миллионы никем не приобретенных оправ» (И. Домбровский, Ставропольский край).

Решение всех этих вопросов в первую очередь зависит от Министерства медицинской промышленности и уже затем — от других министерств и ведомств. «Как справедливо отмечал автор статьи, немало министерств и ведомств приложило «старания», чтобы ухудшить качество оправ и очковых линз. В 1979 году продолжаются некомплектные поставки целлулоида»,— сообщает «Огоньку» заместитель министра медицинской промышленности СССР В. А. Дворяковский. Химики сами очков не делают. Но дают пластмассу для оправ. И как бы ни бились заводы, изготовляющие оправы, продукция их не будет на уровне требований, если сырье нередко поступает некондиционное, прямо скажем — никудышный подчас идет материал.

Но разве этого не замечают те, кому из такой пластмассы делать оправы? Снимать ответственность с получателей сырья, с Минмедпрома и его заводов не следует. Откажутся они раз-другой от плохой продукции, и придется недобросовестным поставщикам ответственней подходить к выполнению заказа.

Получив письма Министерства медицинской промышленности СССР, всесоюзного объединения «Союзмедтехника» и Главного аптечного управления РСФСР, мы полагали, что именно об этом и пойдет разговор, что в письмах будет с достаточной конкретностью дан ответ на вопросы, поставленные в репортаже «Подождем «Елену»?» («Огонек» № 25). К сожалению, ни одно из писем не дает в полной мере четких ответов на вопрос: когда очки будут хорошими и в достатке? В констатирующей части авторы официальных писем охотно отмечают, что (цитирую по письму «Союзмедтехники») в статье «Подождем «Елену»?» «правильно и объективно отражены трудности в решении проблемы обеспечения населения очками». Главными из этих трудностей, по мнению заместителя начальника «Союзмедтехники» В. Н. Мошарова, являются «систематическое неудовлетворение заявки всесоюзного объединения «Союзмедтехника» на линзы некоторых рефракций и оправы, а также низкое качество этих изделий». В общем и целом согласны с публикацией журнала Минмедпром и Главное аптечное управление. Но важнее было услышать, что делается для устранения недостатков, о которых шла речь в журнале. Об этом в письме «Союзмедтехники» говорится очень мало и в общей форме. Вот: «На 1979 год всесоюзное объединение «Союзмедтехника» заявило 28 миллионов оправ, а промышленность выделила фонды на 21 миллион оправ. «Союзмедтехника» понимает важность изучения спроса населения и в настоящее время проводит эту работу, но возможности промышленности не позволят в ближайшее время удовлетворить этот спрос. Потребность «Союзмедтехники» в оправах составляет около 30 миллионов оправ в год. Эта потребность может быть обеспечена только в 1982 году».

Перспектива не из лучших. Но ведь даже ныне, при явно недостаточных объемах, часть изделий не покупают, а другая часть— бракованный товар — даже не доходит до прилавка. Не следует ли из этого, что качество оправ — основной вопрос? Но именно о нем-то и нет конкретного разговора в официальных ответах.

Тов. Мошаров сообщает, что промышленность не выпускает оправы детские с расстояниями между центрами 46—48 миллиметров, а также оправы детские с мягкими заушниками. «Проблемы осложняются и тем, что из 78 выпускаемых медицинской промышленностью моделей оправ только 20 утверждены к применению в последние четыре года, остальные разработаны значительно раньше, в период 1964—1969 годов. Естественно, что такие модели по внешнему виду и расцветкам не отвечают современным требованиям и не пользуются спросом у населения.

К настоящему времени снято с производства 25 устаревших моделей оправ, разработаны и внедрены 24 новые, более совершенные. В 1979 году намечается освоить еще 13 новых оправ и снять с производства 14 устаревших моделей».

Здесь есть необходимость отложить письмо тов. Мошарова и посмотреть, как к этим же вопросам подходит Министерство медицинской промышленности. Вот что пишет заместитель министра тов. Дворяковский: «В настоящее время промышленные предприятия Минмедпрома выпускают 72 (сколько все же — 78 или 72? — Ред.) модели очковых оправ для взрослых и детей. Проводится ежегодная замена устаревших моделей оправ новыми. Только за последние три года снято с производства 29 (снова вопрос — 29 или 25? — Ред.) устаревших моделей оправ и освоено 25 новых моделей. В 1979 году будет выпущено более 6 миллионов новых оправ. В дальнейшем планируется ежегодное освоение производства 10—12 новых современных моделей очковых оправ. Принимаются меры к увеличению выпуска линз большого диаметра, которые требуются для использования в современных моделях оправ. В 1979 году их будет выпущено около 14 миллионов штук с увеличением в дальнейшем по мере ввода нового оборудования.

Ну, а как же с решением проблем, о которых шла речь в журнале? В ответе общие слова. «Минмедпром проводит определенную работу по скорейшему решению вышеуказанных проблем», «разработан и утвержден комплексный план мероприятий», «в дальнейшем планируется», «принимаются меры», «коллегия приняла соответствующее решение».

Меры принимаются, есть решения — значит, все в порядке? Снова иду в аптеки и оптические магазины. Положение дел тут столь же неблагополучно...

Тов. Дворяковский обходит вопрос о неудобствах, которые создает заказчикам нынешняя система торговли очками. В репортаже говорилось о том, что самому Минмедпрому не мешало бы иметь сеть фирменных магазинов оптики, где и показать класс работы. Что по этому поводу думают в министерстве? Минмедпром «не заметил» этого предложения. А «Союзмедтехника» утверждает: «Вопросы расширения сети оптических магазинов и улучшения обеспечения населения очками нашли отражение в соответствующих приказах Минздрава СССР (приказ № 518 от 01.06.77 г. и № 1060 от 09.09.78 г.). В связи с этим представляется нецелесообразным предложение автора статьи об организации в системе Минмедпрома фирменного магазина «Оптика».

К сожалению, нас не познакомили с этими приказами, но отметим, что первый приказ издан еще в середине 1977 года. Если потребовался еще один приказ, значит, первый не выполнялся? Да и после второго приказа прошел почти год. А проблема нормальной торговли очками остается.

Ни в одном из полученных писем нет ни слова о том, как будет работать Изюмский оптико-механический завод, что уже сделано и делается для того, чтобы поток непотребных оправ если не прекратился вовсе, то хотя бы стал меньше?

В дальнейшем разговоре об оправах и оптике для очков мы еще вернемся к полученным письмам. Пока же остается сказать, что наиболее конкретное письмо пришло из Главного аптечного управления РСФСР. Начальник управления А. Д. Апазов говорит и о трудностях и о том, что делается для их преодоления. Он сообщает, что в семи аптечных управлениях пришлось организовать специальные цеха, в которых изготовляются астигматические линзы по индивидуальным заказам.

Читатели по-прежнему ждут «Елену» и надеются на помощь тех, от кого зависит ускорение этого свидания.

◀ НОВЫЕ РАБОТЫ ХУДОЖНИКА А. М. КОСОКОВА

На фатьяновском празднике поэзии.

Фото И. Чиркова

РУССКОЙ ПЕСНИ ЗАПЕВАЛА

Если приехать в августе в тихий клязьминский городок Вязники — на родину поэта-песенника Алексея Фатьянова и побродить по зеленым приветливым улочкам, вдохнуть запах спелой вишни, зреющего хлеба и взойти на крыльцо ладно сбитого терема-пятистенки, начинаешь лучше осознавать истоки таланта поэта истинно народного, подарившего нам столько песен, которые не стареют и сегодня: «Соловьи», «На солнечной поляночке», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Давно мы дома не были», «Когда весна придет...», «Ничего не говорила...»...

Бывшая улица Подгорная теперь носит его имя. На доме, где он жил, висит мемориальная доска, а в средней школе № 1 создан музей Алексея Фатьянова.

Чтут здесь память земляка-поэта. В этом году праздник совпал с 60-летием «запевалы русской песни», как назвал его Ярослав Смеляков, и начался он с открытия новой фатьяновской экспозиции в местном музее и большого монументального панно, сооруженного в честь поэта. Затем гости праздника — известные московские литераторы и композиторы, приехавшие в Вязники из разных городов страны, встречались с трудовыми коллективами райцентра.

В городском парке на «солнечной поляночке» собралось около пяти тысяч вязниковцев. Они пришли сюда, чтобы послушать выступления поэтов Л. Ошанина, Я. Шведова, Е. Антошкина, Н. Тряпкина, А. Парпары, а также гостей из Ленинграда, Горького, Кирова, Иванова, Владимира, Красноярска.

Не раз в этот вечер зрители подхватывали знакомые слова песен, которые исполняли солисты областной филармонии и ансамбля «Русь».

Верхне - Волжское издательство приурочило к юбилею Алексея Фатьянова выпуск сборника «Когда весна придет», на страницах которого выступают с воспоминаниями люди, близко его знавшие.

Н. ЛАЛАКИН

«НЕИЗМЕННЫЙ ДРУГ

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. ПОЛЕЖАЕВА

Владимир БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

Что ж будет памятью поэта?
Мундир?.. Не может быть!..
Грехи?..
Они оброк другого света...
Стихи, друзья мои, стихи!..

А. Полежаев

Историки русской литературы многократно отмечали необыкновенное обилие и разнообразие различных по степени дарования поэтических талантов эпохи, озаренной именем Пушкина — «солнца русской поэзии».

В ряду поэтов этой поры, не утративших своеобразия от близкого соседства со многими блистательными именами, занимает свое место и Александр Полежаев. Лучшие его лирические стихотворения воспринимались современниками в неразрывной связи с горькой судьбой поэта, сломленного в самом начале жизненного и творческого пути Полежаева, отданного в солдаты по личному распоряжению императора Николая.

Это случилось летом 1826 года, когда, казалось, еще не утихли раскаты артиллерийских залпов на Сенатской площади и через две недели после казни пятерых руководителей восстания декабристов. Полежаев, только что окончивший курс в Московском университете, был уже известен как поэт, чьи стихи стали появляться на страницах журналов и альманахов. Но гораздо бо́льшую известность получили вольнолюбивые стихи молодого поэта, ходившие по рукам, в том числе поэма «Сашка», содержавшая обличение угнетающих родину «презренных палачей».

Стихи Полежаева фигурировали в доносе «О Московском университете», поступившем в только что созданное Третье отделение. Донос стал известен самому императору, находившемуся в Москве по случаю предстоящей коронации. Последовало грозное распоряжение университетскому начальству: явиться во дворец, «и если есть налицо здесь студент Александр Полежаев, то и ему велеть быть тогда же ко мне».

Ничего не подозревавший Полежаев был доставлен в императорский дворец, читал по требованию царя указанные отрывки из поэмы «Сашка», после чего оказался в казарме. «Высочайшая воля» превратила вчерашнего студента в унтер-офицера пехотного полка.

О «полежаевской истории» ходили легенды. Герцен рассказал ее со слов самого поэта на страницах «Былого и дум». Особенно поражала одна подробность этой роковой встречи: отправляя поэта в солдаты, царь поцеловал его в лоб... Вспоминая об этом в одном из своих стихотворений, Полежаев писал, что царь

...Его враждой своей почтил
И, лобызая, удушил!

Полежаев прожил немногим более тридцати лет. Двенадцать из них он оставался на военной службе, так и не избавившись от душившей его солдатчины и испытав и тяготы изнуряющей казарменной муштры, и продолжавшееся целый год тюремное заключение, и трехлетнее пребывание на Кавказе. Поэт закончил свой жизненный путь на койке Московского военного госпиталя 28 января 1838 года, причем лишь за несколько дней до смерти был получен приказ о производстве его в чин прапорщика.

Среди произведений Полежаева центральное место занимают его лирические стихотворения, такие, как «Вечерняя заря», «Песнь пленного ирокезца», «Песнь погибающего пловца», «Провидение» и некоторые другие, отразившие трагические переживания поэта и вместе с тем свидетельствовавшие о свойственных ему настроениях борьбы и протеста против «притеснителей — властелинов на земле».

СТИХОТВОРЕНІЯ
А. ПОЛЕЖАЕВА.

МОСКВА.
Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.
1832.

Титульный лист первой книги Полежаева.

Именно эти стихотворения сделали имя Полежаева популярным в среде прогрессивно настроенной молодежи того времени, что подтверждается многими свидетельствами современников, закреплено в произведениях художественной литературы и в оценках Белинского, Добролюбова, Герцена и Огарева.

Литературное наследие Полежаева — в том виде, в каком оно известно до настоящего времени,—сравнительно невелико по объему. Его составляют около ста пятидесяти произведений разных поэтических жанров и размеров, от двустишия-экспромта до крупных поэм в несколько сот стихотворных строк каждая. Среди этих произведений — около двадцати пяти переводов, главным образом французских романтиков (В. Гюго и А. Ламартин в первую очередь).

Рукописей Полежаева сохранилось мало, причем совершенно случайно, уже в 1950-е годы, было найдено два письма поэта — все из его эпистолярного наследства, чем мы сейчас располагаем.

...На одной из полок моей библиотеки есть книга, к которой у меня совершенно особое отношение. Она появилась здесь не совсем обычным образом: ее подарил мне 7 января 1944 года, уезжая на фронт, мой друг Анатолий Васильев (оба мы были тогда десятиклассниками одной из школ города Грозного).

Эта книга — том стихотворений Полежаева издания 1933 года. Она стала для меня не просто увлекательным чтением, хотя было необычайно интересно встретить в стихах и поэмах названия крепости Грозной и «лихой Сунжи» — шумной реки, на которой была в 1818 году построена эта небольшая кавказская крепость, превратившаяся со временем в город. После чтения кавказских произведений Полежаева и превосходного биографического очерка поэта, написанного В. В. Барановым, я уже иными глазами смотрел на то, что мне, уроженцу Северного Кавказа, было знакомо с детских лет,—и акварельно нежные очертания Главного Кавказского хребта, и лесистые Черные горы, где приходилось бывать не раз, и буйные ручьи и речки с прозрачной ледяной водой, и непролазные заросли терновника вдоль дорог, и суровый цветок кавказских предгорий — бессмертник...

С этой книги началось мое увлечение Полежаевым, которое со временем стало осознанным научным интересом, определившим круг исследовательских задач в изучении жизни и творчества поэта, в том числе постоянных архивно-библиографических разысканий, текстологической работы. В частности, мне удалось выявить свыше десяти произведений, которые могут считаться принад-

А. И. Полежаев.

лежащими Полежаеву. Это стихотворения, затерявшиеся на страницах современных поэту периодических изданий, а также сохранившиеся в фондах разных архивохранилищ.

Два из них могут дать представление о раннем творчестве Полежаева, когда он, обучаясь в Московском университете, поддерживал связи с Обществом любителей российской словесности и его изданиями, а также с кругом молодых литераторов, своих университетских товарищей. Этот круг был достаточно широким и разнообразным. К нему принадлежали, например, активные участники театрально-литературной жизни Москвы Александр Ротчев и Федор Кони, будущий академик Алексей Галахов и многие другие. Все они были связаны с московскими журналами и альманахами. Среди них были и издания, которые выпускали их старшие товарищи по литературе, преподаватели университета и так называемого Благородного пансиона при нем — С. Е. Раич, М. П. Погодин, М. Г. Павлов.

В кругах литературной молодежи, с которой общался Полежаев, культивировался весьма распространенный в литературе того времени жанр дружеского альбомного послания. Известно несколько посланий такого рода, бесспорно, принадлежащих Полежаеву и входящих в издания его произведе-

свободы»

Акварель. 1834 год.

ний. И вот еще одно подобное стихотворение:

МОЛЧАЛИВАЯ

Ах! Не звезды в небе ясные
В час полуночи горят:
То глаза твои прекрасные
Душу пылкую томят.

Ты мое очарование;
Ты умела заронить
В душу робкое желание —
В тишине тебя любить.

Так умей теперь, о милая!
Тайну сердца разгадать:
И душа моя унылая
Перестанет тосковать.

Знай — в тебе мои все радости:
Я живу, дышу тобой;
Но во цвете пылкой младости
Должен сгибнуть я душой.

Нет, не сгибну, дева милая,
Не увяну сердцем я;
Ты мне скажешь, молчаливая:
«Будь мне другом — я твоя!»

Это стихотворение было напечатано в «Дамском журнале» (1828, ч. XXI, № 5, стр. 261) известного князя П. И. Шаликова и подписано не фамилией автора, а псевдонимом: «...ъ ...ъ» — точно так же, как и ряд стихотворений Полежаева в журнале «Галатея» (1829 г.). С дочерью издателя «Дамского журнала», юной княжной Натальей Петровной, будущей писательницей, поэт был знаком. Об этом можно судить по письму ее подруги С. Д. Кареевой, написанном из Тульской губернии уже после смерти Полежаева (письмо имеет дату 24 ноября 1839 года и хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина). «<...>Как не знать мне Полежаева? Я умею из земли выкопать русского поэтика, мало-мальски стоящего внимания. Полежаев оригинал, сумасброд, и разжалован даже в солдаты за нерадение к службе и неповиновение начальству, но я не думаю, чтобы он был отступником: он переводил Ламартина; у меня есть его перевод известного сочинения Ламартина...»

Письмо это трудно поддается комментированию из-за того, что нам неизвестно, что именно писала о Полежаеве Н. Шаликова. Однако во французском тексте письма можно прочитать следующие слова: «<...>Кто не полюбил бы молодого человека, все заблуждения которого происходят лишь от того, что он был слишком поэтом в душе? По крайней мере я предпочитаю ему верить. <...> Берегись, моя Натали! Надень цепочку на свое сердце, слишком доверчивое. Успокой меня поскорее, что ты тоже не любишь его!..» Может быть, стихотворение «Молчаливая» и адресовано Н. Шаликовой?

Такого же характера и другое стихотворное послание:

ЖЕЛАНИЕ

(В альбом А. Ф. Б-ой)

Быть может, в первый раз поэт
Дерзнул на лире своевольной
Невинных дней прекрасный цвет
Лелеять песней богомольной.

Спаси вас бог от хладной дружбы
Самолюбивых гордецов,
От их докучной ласки, службы
И от почтения глупцов.

Храни вас бог от упоений
На скользкой тропке бытия:
Пусть любит вас — ваш добрый гений,
А уважает — ваше я.

Это стихотворение увидело свет в журнале «Атеней» (1830, август, стр. 304) и подписано литерами «А. П.», как и ряд других, несомненно принадлежащих Полежаеву. «Атеней» — издание университетского профессора М. Г. Павлова. На страницах этого «журнала наук, искусств и изящной словесности», выходившего в 1828—1830 годах, помещали свои творения молодые московские поэты, в том числе и близкие друзья Полежаева А. Ротчев и Л. Якубович. Они известны и тем, что не раз выступали посредниками между своим опальным приятелем и издателями.

В связи со стихотворениями «Молчаливая» и «Желание» приобретает большое значение беглое упоминание имени Полежаева-студента в дневниковой записи М. П. Погодина за 1825 год (месяц установить не удалось: это впервые публикуемое свидетельство написано весьма неразборчивым, почти не поддающимся чтению почерком): «Были у меня Полежаев с Кондратьевым. Задал ему написать стихи к девушке, которая не советует ему остепениться. Надобно ему благородное обхождение».

Это не только подтверждает посещение Полежаевым своего старшего товарища по университету, но и содержит любопытный оттенок в их взаимоотношениях. Тема стихотворения, «задаваемого» молодым магистром поэту, который, по его мнению, недостаточно хорошо воспитан, вполне соответствует содержанию «Молчаливой» и «Желания»: в них идет речь об отношении Полежаева к юным представительницам московского «света».

Третье произведение — неопубликованный перевод под названием «Отрывок из поэмы «Чайльд-Гарольд» (из Ламартина)», список которого обнаружен мною в одном из архивов. В конце рукописи — сокращение-псевдоним: «П-въ». Ряд обстоятельств, относящихся к истории рукописи, времени ее создания, особенностям переводческой манеры, позволяет уверенно считать, что перед нами — еще одно произведение Полежаева. Текст содержит 289 стихотворных строк перевода названной поэмы французского поэта Альфонса Мари Луи де Ламартина (1790—1869), которая, в свою очередь, восходит к знаменитому «Паломничеству Чайльд-Гарольда» Байрона.

Рукопись имеет ряд помет, из которых видно, что она находилась у известного петербургского литератора и издателя А. Ф. Воейкова и предназначалась к помещению в «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» в июне 1833 года, но не появилась там ни в этом году, ни позже.

В избранном для перевода отрывке строки, проникнутые вольнолюбивым пафосом Байрона, прославляющие свободу и осуждающие тиранов. Подобные мотивы были чужды оригинальным стихотворениям Ламартина с характерными для него настроениями бренности земного бытия и религиозного смирения.

Вот почему в переводе Полежаева так сильно и возвышенно прозвучал подлинный гимн свободе:

Свобода! Первый дар благого провиденья,
Вдохнутый в смертного от самого рожденья,
Ты, поселившая скитавшимся в полях,
Всем тварям к смертному священный некий страх,
Твой луч яснее дня, твой пламень неизменный
Есть чистый, вечный дух, дыхание вселенной!

Вместе с прославлением свободы звучит гневное обличение тиранов и осуждение смирившихся с ними рабов:

Но ты, как искра та, которая сверкает,
Когда сталь звонкая о камень ударяет,
Не умирая, спишь еще в сердцах рабов,
Когда тиранов власть тягчит среди оков...

Осторожный Воейков сделал следующее примечание, которого нет ни у Ламартина, ни у Байрона: «Писано во время войны греков с турками за свободу, веру и независимость». Но это не спасло положения: цензура не пропустила полежаевского перевода, выполненного с блеском и точностью.

В этих стихах снова и снова слышался голос замечательного русского поэта, гордо называвшего себя «неизменным другом свободы».

РЯДОМ С ГЕРОЯМИ

Имя Майи Румянцевой запомнилось мне с дней работы Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей. Помнится, как обрадовался руководитель семинара, выдающийся советский поэт Н. Тихонов, когда стала читать стихи девушка с простым русским лицом и доброй улыбкой. Стихи ее были грубоваты и нежны одновременно. Но в них чувствовалось доброе расположение к миру, к жизни, к людям. Это тем более было заметно, что Майя привезла на совещание свою первую тоненькую книжечку под названием «Грузчица», вышедшую в Липецке. Да, да, эта хрупкая девушка работала грузчицей, и это тоже удивляло.

Не верят мне, что работала грузчицей,
Не верят мне. С виду, мол, нежная.
Одеты руки в перчатки с кружевцем
И маникюр признаю я, грешная,—

читала, волнуясь, девушка. Было это 16 лет назад.

Потом у Румянцевой вышла в Москве книга «Девичья фамилия», куда вошло стихотворение, ставшее необыкновенно популярным — «Баллада о седых». Вот говорят: напиши поэт хоть одну талантливую строчку, и его имя останется в памяти читателя. Быть может, это так. Но далеко не всем удается написать такое, что бы стало близко и дорого читателям самых разных поколений.

В «Дорогу, встречу, любовь...» включены лучшие стихи разных лет. Лирический пафос книги пронизан одухотворенным отношением к жизни, к труду, к судьбам наших современников. Румянцева воспевает простые земные профессии. Плотогоны в стихах Румянцевой жизнь превратили «в дальнее плавание», о мелиораторах она говорит: «колдуны туманного края», врачующие нерожавшие земли, а таксисты у нее «от наших печалей...— ...чие курильщики».

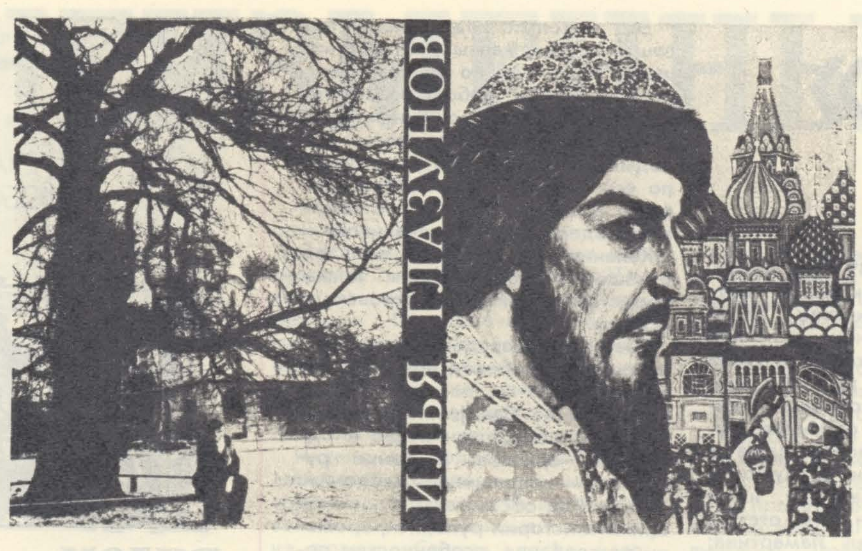
Чувствуется, что поэтесса изучала судьбы своих героев, находясь рядом с ними. Вот почему она прекрасно знает их характеры и подмечает в них такое, что раньше не заметил никто другой. Это еще, наверное, и потому, что в литературу М. Румянцева, живущая ныне в Тамбове, вошла не по ковровой дорожке: ее жизненный путь был нелегок — и военное детство, и школа рабочей молодежи, и работа грузчицей, агрономом, мелиоратором. От всего этого осталось самое главное для нее: поэзия.

В стихах М. Румянцевой не только дела жизни, в этих стихах можно найти и ее лирику, способную удовлетворить вкусы самых взыскательных читателей.

Стихи М. Румянцевой в основе своей глубоко оптимистичны, жизнелюбивы. В них чувствуется счастливая судьба человека, слившегося с думами и заботами своих современников и словом и делом.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Майя Румянцева. Дорога, встреча, любовь... Книга стихов. М., «Современник», 1978. 159 стр.

ПУТЬ ХУДОЖНИКА

И вот мы снова погружаемся в мир красок и образов Ильи Глазунова, перелистывая страницы прекрасно изданного альбома, посвященного творчеству художника.

Составителю этой интересной книги удалось проследить сложную логику пути И. Глазунова, акцентируя внимание на узловых моментах, основных периодах его движения, дать зрителю почувствовать перспективу творческой эволюции мастера. Конечно, нужна была определенная смелость, чтобы рядом с живописными и графическими работами Глазунова поместить в альбоме большое количество документальных фотографий, но результат оказался очень интересным. Мир художника раскрывается объемно, зритель обогащается информацией, проникает в творческую лабораторию, знакомится с мастером, попадая в студию, видит его во время работы. Искусным сочетанием фотографий и живописи выстраивается в альбоме сложный зрительный ряд, и по-новому начинают звучать полотна и графические листы. Служит тому же монтаж и неожиданное использование контрастных — черного и белого — цветов фона.

Трагические листы издания посвящены военному Ленинграду... Блокада. Вся семья одиннадцатилетнего Ильи Глазунова погибла тогда от голода в 1942 году.

Рядом с листами «Блокада», «Голод» — на разворотах — фотографии, поразительные своей документальной достоверностью,— «Ленинград в дни блокады», «В осажденном Ленинграде», «Ледовая дорога». И в этом сочетании факта и его художественного воплощения видно, как преломляется в творческом сознании мастера тема войны, тема жизни и смерти...

Книга широко показывает искусство И. Глазунова — с ее страниц доносится до нас голос современности и былинное дыхание Руси. Тема России, ее земли и людей — лейтмотив всей книги.

В живописном решении цикла исторических картин И. Глазунов идет от традиций художников Древней Руси. Прекрасное полиграфическое исполнение издания позволило бережно передать мельчайшие нюансы живописи и графики Глазунова.

Перелистывая страницы, попадаем и в Чили, где работал художник над портретом Сальвадора Альенде, в сражающийся Вьетнам, видим портреты государственных деятелей, артистов, рабочих, ученых. И вновь фотографии, рассказывающие о том, как работал художник, о многочисленных встречах, выставках в нашей стране и за рубежом. Так создается ассоциативный ряд, широко раскрывается путь художника в жизни и искусстве.

По праву большое место в альбоме отведено Глазунову-иллюстратору. Его лучшие произведения в этом жанре имеют самостоятельное художественное значение. Образы Мельникова-Печерского, Никитина, Леонова, Некрасова, Блока и Достоевского как бы обрели новую жизнь в работах мастера. Собранные в альбоме лучшие иллюстрации Ильи Сергеевича к произведениям русской классики еще раз показывают, какой большой вклад вносит он в искусство книжной графики.

Рецензируемый альбом — прекрасное произведение полиграфического искусства. Точный оформительский язык, макет дают возможность зрителю воочию узнать жизнь и творчество И. Глазунова. Нельзя не отметить интересную работу фотографов, представленных в альбоме.

Неоценим труд сотрудников издательства «Планета», осуществивших это издание. Органично воспринимается в нем и емкий, интересный текст.

Активно участвует И. Глазунов в патриотическом деле — охране памятников отечественной культуры. Деятельность художника последовательно и принципиально развивает завет Н. К. Рериха: «Из древних прекрасных камней сложите ступени грядущего!»

«Нет будущего без прошлого, и когда-нибудь наш сегодняшний день будет тоже далекой историей. Задача современников бережно, как эстафету, передать будущим поколениям великие деяния предков»,— говорит Глазунов.

«Признание и зрелость пришли к художнику в до сих пор не прекращающейся борьбе за свои взгляды, за свое видение мира, и это признание обязывает ко многому.

Будем надеяться, что мы еще не раз вернемся к знакомству с новыми произведениями Ильи Глазунова — большого художника нашего времени». Этими словами завершается альбом, посвященный искусству народного художника РСФСР И. С. Глазунова.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Илья Глазунов. Фотоальбом. М., «Планета», 1978.

На развороте альбома — «У проруби». Иллюстрация И. Глазунова к повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова». ● Художник за работой.

АМСТ... ПРЕД...

В. ВИКТОРОВ, фото А. БОЧИНИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Первенство мира по велосипедному спорту в Амстердаме с полным правом можно назвать велоэпопеей. По своему размаху, по разнообразию программы, по напряжению борьбы оно было поистине зрелищем захватывающим. И этот накал был вызван близящимися Олимпийскими играми в Москве. И победители и побежденные считали чемпионат мира пробой сил и на нем проверяли свои возможности, сверяли свои планы перед выступлением на шоссейной и трековой московских трассах.

Олимпийские игры всегда были главным соревнованием для спортсменов, но для велогонщиков победа на Олимпиаде особенно притягательна, ведь их с полным правом можно считать олимпийскими старожилами. Велогонщики были среди представителей девяти видов спорта, выступавших в первой Олимпиаде, и с тех пор неизменно участвовали во всех последующих Олимпийских играх, а на антверпенской Олимпиаде 1920 года уже была фактически оформлена та программа, по которой проходили встречи велогонщиков на всех последующих Играх.

Шесть золотых олимпийских медалей — это не так уж мало для одного вида спорта, и советские велосипедисты, хоть и включились в борьбу на самом высоком уровне только в 1952 году, уже немалого добились. Они дважды, в 1972 и 1976 годах, добивались на Олимпиадах побед в командной стокилометровой гонке, а на чемпионатах мира шесть раз поднимались на пьедестал почета, правда, на разные его ступени. Все мы до сих пор помним о блестящей победе Виктора Капитонова на римской Олимпиаде 1960 года в групповой гонке, но, увы, этого успеха советские гонщики так до сих пор и не повторили. Менее значительными были успехи наших трековиков на Олимпиадах, но на скоростном овале чемпионатов мира они не раз добивались самых почетных результатов. Эдуард Рапп дважды, в 1971 и 1974 годах, завоевывал золотые медали в гите на один километр и дважды, в 1973 и 1975 годах, поднимался на вторую ступеньку пьедестала почета. Не раз мы радовались и успехам в командной гонке преследования, и только в спринте никто из советских велосипедистов не смог повторить успехов Омара Пхакадзе.

Таково было соотношение сил перед чемпионатом мира, который должен был состояться в Нидерландах, и мы, направляясь туда, конечно, самые большие надежды возлагали на выступления наших шоссейников... Как теперь известно, эти надежды не оправдались. И вовсе не потому, что нынешний состав советских гонщиков уступал по силе и подготовке тем, кто выдвинул наших веломарафонцев в первые ряды мировой элиты.

На наш взгляд, неудачи, ждавшие нас на трассах командной и групповой гонок, проходивших в окрестностях маленького курортного городка Валкенбурга, объяс-

ЕРДАМ —
ИСЛОВИЕ К МОСКВЕ

няются в первую очередь тактическими, организационными и психологическими просчетами наших тренеров. Имея огромный выбор для формирования команды, они замотали и себя и своих подопечных, непрерывно меняя составы. Вот он, парадокс: широкий выбор равноценных спортсменов сыграл не положительную, а отрицательную роль в подготовке сборной команды страны. А тут еще, не доверяя себе, тренеры загоняли гонщиков по различным соревнованиям (уже перед самым началом мирового чемпионата велосипедисты основного состава выступали в очень трудной гонке в Швейцарии, откуда и приехали прямо в Валкенбург). Но есть еще одна причина наших неудач, более фундаментальная. Как мы выяснили в беседе с вице-президентом Международного союза велосипедистов Валерием Сысоевым, в последние годы мы слишком увлеклись многодневными гонками в ущерб гонкам однодневным, которые имеют свою особую специфику. Словом, перед выступлениями на московской Олимпиаде, изучая итоги чемпионата мира в Голландии, нашим тренерам есть о чем подумать.

Все это так, и все же, несмотря на просчеты, наши гонщики могли выступить значительно успешнее, если бы не внесло свои коррективы его величество невезение. Хотя в командной гонке наши спортсмены выступали не в своем самом сильном составе — ставка была сделана на молодежь, — они имели все возможности занять почетное второе место. Юрий Каширин, Анатолий Яркин, Сергей Прибыл и Владимир Кузнецов заставили потрудиться в полную силу гонщиков ГДР, завоевавших первенство. Руководители команды ГДР три года подготавливали своих спортсменов к выступлению в командной гонке и создали поистине великолепный ансамбль, но наша молодая команда уверенно держалась вслед за гонщиками ГДР. Теперь нам ясно, что выиграть у команды ГДР наша команда не могла, но вполне имела право рассчитывать на серебряные медали, и лишь прокол у Каширина за семнадцать километров до финиша отбросил ее на четвертое место.

Еще более драматично сложилась ситуация во второй шоссейной гонке — групповой, протяженностью в 178,8 километра. Все мы помним, как на новой олимпийской трассе в Крылатском, на Спартакиаде народов СССР, убедительной победы добился Александр Гусятников, но, конечно же, тогда внимание всех привлек наш гость — молодой итальянский гонщик Д. Джакомини, который, впервые выступая на этой сложнейшей трассе, сумел занять второе место. И вот теперь в Валкенбурге мы с интересом ждали новой встречи Гусятникова и Джакомини. И снова досадная случайность изменила возможный ход борьбы: Гусятников, с первых же километров возглавивший гонку, должен был остановиться — у него прокол. Советский спортсмен так и не смог ликвидировать отрыв от ведущей группы, а Джакомини уверенно провел всю дистанцию, смело ушел вперед и выиграл на финише у поляка Я. Янкевича и велогонщика ГДР Б. Дрогана более шестнадцати секунд.

Неудачно выступили и все остальные советские участники групповой гонки, а когда я узнал, что лучший результат среди них у Ю. Каширина, занявшего 25-е место, я вспомнил, как еще перед гонкой тренер из Куйбышева Владимир Петров, главный поставщик кадров для сборной команды страны, с горечью рассказывал мне, что не смог убедить тренеров сборной поставить в команду победителя велогонки Мира Сергея Сухорученкова, и его место занял Юрий Каширин. Да, порой слишком большой выбор может для тренеров оказаться опасным.

Вот так и получилось, что, возлагая на чемпионате мира главные надежды на шоссейников, нам в итоге осталось только одно: надеяться на трековиков. И они не подвели. Советские велосипедисты добились на амстердамском треке призовых медалей всех достоинств — двух золотых (в один и тот же день), серебряной и бронзовой.

Амстердамский трек, на котором проходили велогонки Олимпиады 1928 года, оказался для нас поистине счастливым, но какой же он старенький, одряхлевший, этот трек! Москва готовит для велогонщиков арену совсем другого класса. Вместо цементного покрытия нестандартной протяженностью в 494,4 метра московский трек будет располагать рекордно быстрой деревянной дорожкой стандартной длины в 333,33 метра, что значительно улучшит условия проведения спринтерских гонок. Но наши трековики смогли показать, на что они способны, и на устаревшем треке Амстердама, и тон нашим успехам задал велогонщик-ветеран, участник семи чемпионатов мира Эдуард Рапп.

По традиции первая золотая медаль на чемпионате мира разыгрывается в гонке на один километр, и здесь Рапп уступил лишь гонщику ГДР Л. Томасу и канадцу Г. Сингтону.

Мы часто считаем бронзовую медаль чуть ли не поражением. Как это несправедливо! Разве третья ступенька на пьедестале почета для ветерана Раппа — неудача? Разве его результат не вдохновил молодых гонщиков, выступавших вслед за ним? И первым подхватил эстафету Раппа Николай Макаров, начавший в тот день свой долгий, невыносимо трудный путь к финалу индивидуальной гонки преследования длиной в четыре километра.

В этом виде программы ни одному советскому гонщику не удавалось подняться на высшую ступеньку пьедестала почета, и вот Макаров, который на чемпионате мира 1978 года в Мюнхене был лишь седьмым, на сей раз с первого же старта заявил о своем идущем намерении. Молодой спортсмен (ему 21 год) начал с того, что победил одного из сильнейших гонщиков ГДР — Г. Пола, получил право стартовать в полуфинале, где встретился с представителем велосипедной державы, известным французским гонщиком А. Бонди. Многим казалось, что Макаров не сможет выдержать борьбу с таким опытным соперником, но он победил француза, да еще с разрывом почти в секунду, и добился права выступать в финале. В другом полуфинале победил итальянец М. Бидиност, и таким образом Макарову предстояла решающая схватка с представителем другой велосипедной державы.

До Макарова только два советских спортсмена, Станислав Москвин и Владимир Осокин, смогли прорваться к финалу, но и тот и другой проиграли, завоевав серебряные медали. А вот итальянцы с 1946 года семь раз получали золотые медали в индивидуальной гонке преследования и шестнадцать раз были серебряными и бронзовыми призерами этого интересного соревнования.

Разве могли мы, познакомившись с этой статистикой, без замирания сердца ждать начала финальной гонки? И вот Макаров начинает проигрывать с первых же метров. Вот он уже уступает итальянцу две с половиной секунды, судьба золотой медали, казалось бы, решена, но молодой гонщик, который всегда славился своим финишем, сумел сохранить силы для яростного броска. Он начал этот бросок за восемьсот метров до финиша и изменил ход гонки в свою пользу. Николай Макаров победил и при этом установил рекорд амстердамского трека, пройдя четыре километра за 4 минуты 49,54 секунды.

Надо ли описывать восторг советских туристов, журналистов, тренеров, когда Макаров поднялся на трибуну почета, но так же, как Макарову надо было сохранить силы для финишного броска, так и нам, зрителям, надо было сохранить радость еще для одной победы. В этот вечер в шестой раз чемпионкой мира по спринту стала советская гонщица Галина Царева.

Увы, спринтеры-мужчины Сергей Журавлев и Сергей Копылов не смогли последовать примеру нашей прославленной велогонщицы. Попав в одну четвертую финала, они не оказали сопротивления замечательным спринтерам ГДР.

Полновесных успехов добились на голландском чемпионате мира велогонщики ГДР. Они уже давно славятся своей силой и на шоссе и на треке, но в этот раз наши друзья превзошли самих себя. После гонок на шоссе они увезли золотые медали в командной гонке и бронзовую медаль в групповой, а на треке завоевали три золотые медали, одну серебряную и одну бронзовую. Завершили они свой триумфальный путь в командной гонке преследования на четыре километра. Конечно, в борьбе с такими соперниками второе место нашей команды, в которую входили В. Осокин, В. Петраков, П. Чевардов и Н. Макаров, вполне почетно. Да и проиграли они команде ГДР всего сорок одну сотую секунды, оставив позади сильнейшие квартеты Италии и Чехословакии. При этом надо учесть, что только В. Осокин имел большой опыт выступлений на чемпионатах мира, а три его товарища только начинают свой большой спортивный путь. Ну что же, нам остается надеяться, что, получив такое боевое крещение на амстердамском треке, молодые советские гонщики полностью раскроют свои силы через год на треке московском.

Голландские девушки поздравляют Николая Макарова с победой.

Групповая гонка на 178,8 километра.

На пьедестале почета Галина Царева (в центре), слева от нее голландская гонщица Т. ван дер Плаат, справа — американка С. Новарра.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС и журнала «Ньюсуик».

США

ПАСЫНКИ АМЕРИКИ

В Соединенных Штатах, самой богатой стране капиталистического мира, более 25 миллионов детей, то есть одна восьмая часть всего населения страны, страдают от недоедания и отсутствия необходимой медицинской помощи. Многие сотни тысяч маленьких американцев в возрасте до 14 лет вынуждены трудиться, чтобы как-то помочь родителям прокормить семью.

Американское общество по самой своей сути враждебно детям. В последние годы американская печать на многочисленных конкретных фактах отмечает рост настоящей эпидемии жестокости по отношению к детям Соединенных Штатов.

Восьмилетняя Патриция Сандерс живет в Балтиморе. Почти все свое детство она провела в крошечной темной комнате — своеобразной одиночной камере, куда родители запирали ее за самую невинную шалость. Там она и ела и спала, видя лишь тонкий луч света, просачивавшийся сквозь дверную щель.

Дэниэл Браунелл, приблизительно этого же возраста, из Хьюстона. Утратил речь, зрение и умение ходить из-за побоев, которым подвергали его собственные родители. На спине малыша врачи обнаружили выжженные сигаретой слова: «Не смей плакать».

Уже стало привычным, что в «Скорую помощь» доставляются избитые дети, которым ставят диагноз так называемого синдрома избитого ребенка. Некоторые отцы и матери утверждают: «В конце концов мы родители и имеем право бить своих детей».

Подобные «методы воспитания» в США применяются не только во многих семьях, но и во многих школах.

Газета «Крисчен сайенс монитор» писала: «Согласно серьезным расследованиям, жестокое обращение с детьми в Соединенных Штатах — явление повсеместно распространенное, которое, к сожалению, проходит незамеченным. Это позор Америки».

На снимке: маленький дворник на улицах Детройта.

ЮАР

ЖЕРТВЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ, БЕДНОСТИ И ЖЕСТОКОСТИ

Большинство детей в ЮАР, особенно в сельских районах и бантустанах, растут без одного или обоих родителей. Их родители — мигрирующие рабочие, которым приходится уезжать на работу в города, и закон вынуждает их оставлять семьи. Они живут как холостяки в общежитиях, и если их жены навещают их, то их арестовывают на основе закона о пропусках. В большинстве случаев родители могут бывать в своих семьях лишь раз в году в течение двух недель.

В городах положение несколько иное. Дома похожи на спичечные коробки. Все дети спят в одной комнате, не может быть и речи, чтобы ребенок имел отдельную кровать.

Некоторые матери работают прислугой и должны жить в домах своих хозяев. Они видятся со своими семьями только раз в неделю. Детям приходится самим заботиться о себе.

Когда умирает отец, мать и дети лишаются права оставаться в доме, в котором жили. Они должны уехать в свой бантустан, где часто они никого не знают, и вынуждены начать совершенно новую жизнь, не имея никаких средств к существованию.

Некоторые африканские дети становятся нищими. Они стоят, голодные, по обочинам дорог, выпрашивая у шоферов и пассажиров автобусов еду и одежду. У железных дорог часто можно видеть детей в лохмотьях, которые просят объедки у пассажиров. Когда поезд приближается, они кричат «джиба!» («брось!») и дерутся между собой за куски, которые им бросают.

По данным Южноафриканского национального совета по оказанию помощи детям, десятки тысяч подростков становятся жертвами беспризорности, бедности и жестокости. Сотни детей школьного возраста собирают кости, медную проволоку и бутылки в надежде получить несколько центов на хлеб. Можно видеть детей, ищущих на помойках пищу. Многие девушки из-за беспризорности и бедности становятся проститутками и жертвами насильников.

На снимке: нищая девочка на улице Иоганнесбурга.

КОЛУМБИЯ

ВЫБРОШЕННЫЕ НА УЛИЦУ

Десятилетняя Марта и двенадцатилетняя Глория живут в яме глубиной в 10 футов. Они убирают эту яму и готовят еду для семи бездомных ребят, которые обитают вместе с ними. «Если у нас чего-нибудь нет, мы идем и крадем то, что нам нужно»,— говорит Марта. Эусебио, которому 12 лет, убежал из дому, когда ему было четыре года, после того как его жестоко избила мать. То попадая в исправительные дома, то убегая оттуда, преследуемый полицией, Эусебио живет тем, что выпрашивает подаяние, роется в отбросах, ворует.

Марта, Глория и Эусебио живут точно так же, как остальные пять тысяч беспризорных детей Боготы. Все они либо сами убежали из дома, либо были выброшены на улицу.

Главные причины ухода ребенка из дома — это жестокость родителей и бедность. Установлено, что примерно одна треть родителей в Боготе жестоко обращается со своими детьми. Нужда в деньгах настолько велика, что матери часто продают грудных детей легально и нелегально для усыновления. Ребенок со светлыми волосами и голубыми глазами стоит на нью-йоркском черном рынке до 25 тысяч долларов, хотя колумбийские родители получают лишь частицу этих денег.

Попадая на «дно» колумбийского общества, подростки живут в сточных трубах и на пустырях, роются на помойках, добывают по нескольку центов нищенством и даже проституцией.

Бездомные дети объединяются в банды. Мальчиков заставляют платить главарю банды ежедневную дань. Самые младшие члены банды крадут бумажники и наручные часы, а также участвуют в более опасных операциях вроде ограбления квартир. Они могут быть грубыми и циничными, но все же они только дети. На одной стороне ямы, в которой живут Марта и Глория, девочки повесили картинку из сказки о слоне, потерявшемся в джунглях. «Я повесила ее,— говорит Глория,— потому что потерявшийся слон чувствует себя одиноким, и я иногда так же чувствую себя».

Из 23 частных правительственных организаций, занимающихся беспризорниками, лишь немногие достигли хотя бы незначительного успеха. Некоторые детские психологи и социологи утверждают, что на борьбу с этим злом выделяется недостаточно средств, другие считают эту задачу неразрешимой...

На снимке: бездомные дети Боготы.

ТАИЛАНД

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ

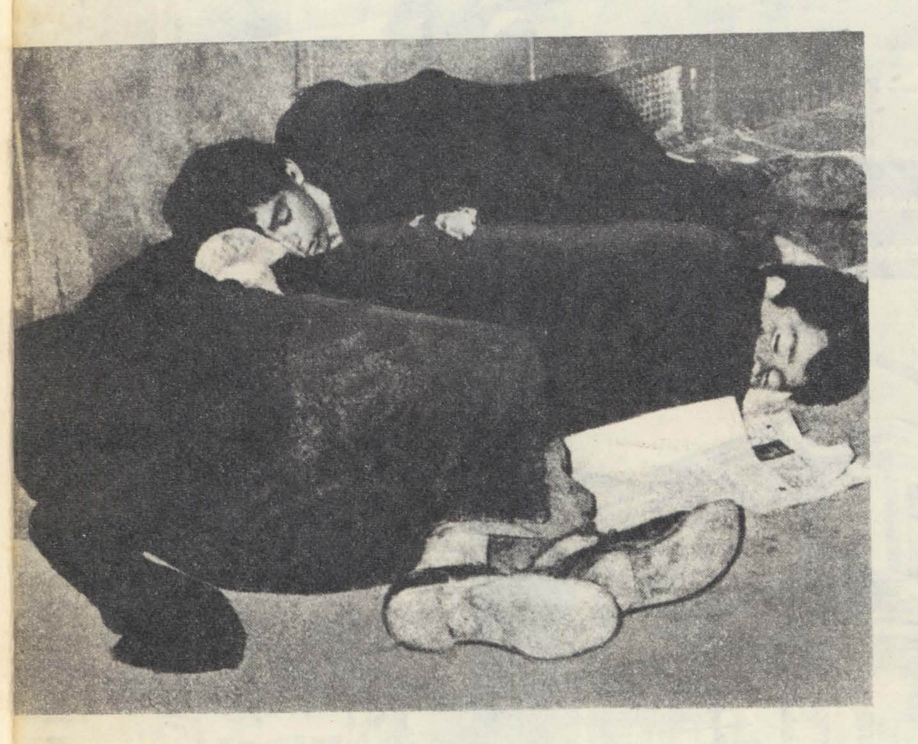
Когда двенадцатилетнюю Маэм привезли в Бангкок, она думала, что ее взяли, чтобы показать город. Но отец-крестьянин продал ее одному агентству по найму рабочих за 80 долларов. Некоторое время Маэм работала няней, а затем была продана на фабрику, где она и еще 58 девочек работали по 15 часов в день, завертывая конфеты в бумажные обертки. Никто не получал никаких денег, потому что владелец фабрики сказал, что они должны платить за постель и стол. Девочки спали наверху, в том же здании, где помещалась фабрика, в комнате, кишащей тараканами. За четыре года, которые Маэм проработала там, две девочки умерли из-за отсутствия медицинской помощи и еще шесть стали калеками. Владелец фабрики приказал и этим калекам работать. Каждый день Маэм и другие девочки вынуждены были приносить их вниз к рабочим местам, а вечером поднимать наверх.

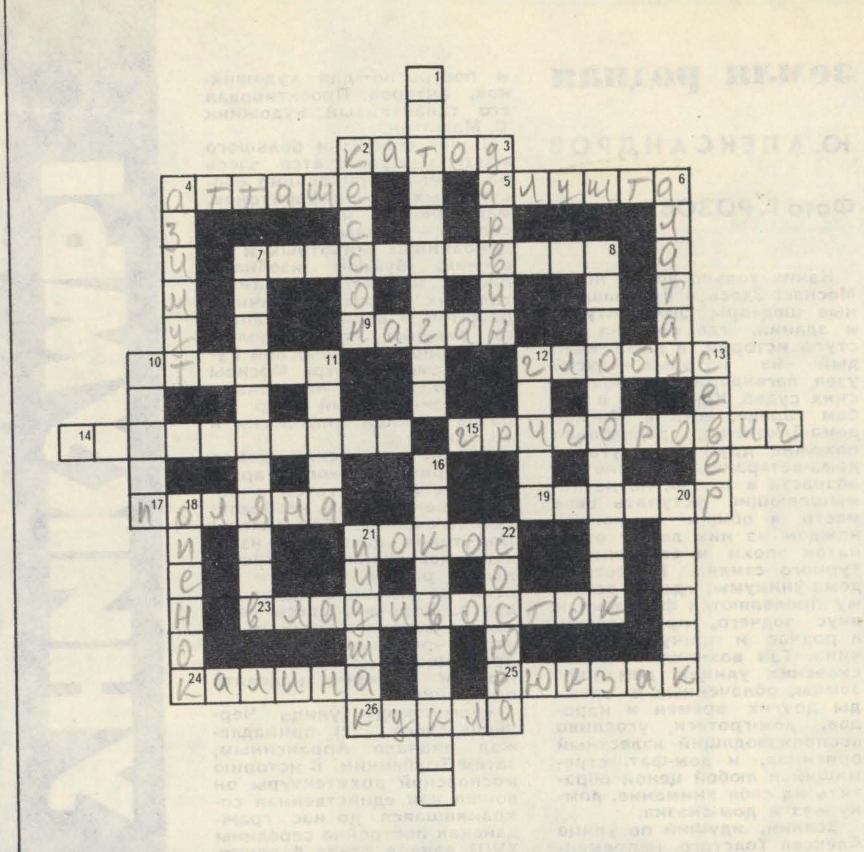
Все это не является необычным для таиландской действительности. Как пишет журнал «Ньюсуик», тысячи детей работают на подобных фабриках. Их продают владельцам за 50—100 долларов. Вовсе не значит, что их родители жестокие люди. Они просто бедны и ничего не знают о том, в каких условиях работают их дети. Они верят агентствам по найму рабочей силы, которые обещают, что дети будут хорошо устроены.

Власти же смотрят сквозь пальцы на беспощадную эксплуатацию детского труда. На многих предприятиях Бангкока работают тысячи детей, нарушаются закон о продолжительности рабочего дня, элементарные санитарные условия и безопасность труда.

На снимке: дети на одной из фабрик Бангкока.

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Отрицательный полюс электрического аккумулятора. 4. Дипломатический ранг. 5. Курорт в Крыму. 7. Рассказ А. П. Чехова. 9. Револьвер. 10. Австрийский композитор. 12. Модель земного шара. 14. Итальянский народный танец. 15. Автор повести «Антон-Горемыка». 17. Луг, небольшое пространство среди леса. 19. Звезда в созвездии Большой Медведицы. 21. Время уборки сена. 23. Краевой центр в РСФСР. 24. Кустарник с красными ягодами. 25. Заплечный вещевой мешок. 26. Роман Б. Пруса.

По вертикали: 1. Раздел зоологии. 2. Камера для подводных работ. 3. Английский естествоиспытатель. 4. Направление движения, определяемое по карте и компасу. 6. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири. 7. Советский космонавт. 8. Растение с лиловыми или голубыми цветками. 10. Винт, соединительная деталь. 11. Приток Чусовой. 12. Осадочная порода. 13. Одна из главных точек горизонта. 16. Домашний врач семьи Толстых. 18. Гриб. 20. Точильный камень в виде бруска. 21. Мужская одежда. 22. Советский украинский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 5. Диагональ. 7. Бересклет. 9. Пунктир. 11. Кожедуб. 13. «Колокол». 14. Чирок. 16. Рагимов. 17. Семинар. 18. Лексикография. 21. Вавилов. 23. Конопля. 25. Тенор. 26. Попигай. 27. Яковлев. 28. Шаляпин. 30. Баскетбол. 31. Аннотация.

По вертикали: 1. Викторина. 2. «Клоп». 3. Фетр. 4. Тектоника. 6. Геленджик. 8. Кинология. 10. Корреспонденция. 12. Боровиковский. 13. Классификация. 14. Чемпионат. 15. Калорифер. 19. Минусинск. 20. Котловина. 22. Астрограф. 24. «Лауренсия». 28. Шток. 29. Нона.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Стефан Петров — строитель * В медицинском центре студенческого городка имени Христо Ботева * Пловдив. Музейный дворик.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник советским воинам-освободителям в Софии. (См. в номере материал «Весна в сентябре».)

Фото Ю. Лушина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 20.08.79. Подписано к печати 04.09.79. А 00707. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1788. Заказ № 1055.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МОСКОВСКИЕ УНИКУМЫ

Ю. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Г. РОЗОВА

Каких только домов нет в Москве! Здесь и прославленные шедевры архитектуры, и здания, где слышна поступь истории, и дома, каждый из которых — тугой узел легендарных человеческих судеб. Как почти в любом городе, есть в Москве дома-близнецы, разительно похожие друг на друга, и дома-ветераны, вросшие от возраста в землю, но не помышляющие уступать свое место в общем строю. На каждом из них лежит отпечаток эпохи и ее архитектурного стиля... Но есть и дома-уникумы, где по-особому проявляются фантазия и вкус зодчего, пристрастия, а подчас и причуды заказчика. Так возникли на московских улицах дома-иноземцы, облаченные в одежды других времен и народов, дом-гротеск, угодливо воспроизводящий известный оригинал, и дом-фат, стремящийся любой ценой обратить на себя внимание, дом-курьез и дом-сказка.

Всякий, идущий по улице Алексея Толстого, непременно обратит внимание на серые стены угрюмого палаццо с далеко вынесенным карнизом, квадрами рустовки первого этажа, четким ритмом пилонов и оконных проемов в пышных наличниках. И возникает властная иллюзия, что вы вдруг оказались в Италии, где-то во Флоренции или Ферраре, а скорее всего в Виченце, где стоит почти такое же здание, возведенное в XVI столетии знаменитым зодчим Андреа Палладио. Лишь латинская надпись на золоте фриза разрушает эту иллюзию. Странно звучит торжественный строй латыни, на которой прославляли римских цезарей: «Габриэль (то есть Гаврила.— Ю. А.) Тарасов построил. Год 1909». Честолюбивым заказчиком был глава торгового дома, поставлявшего текстильные товары. Средневековье оказалось двадцатым столетием. Вы стали невольной жертвой таланта И. Жолтовского, страстного приверженца итальянской архитектуры.

Пожалуй, наибольшую известность среди московских домов-иноземцев приобрел особняк богатого купца Арсентия Морозова — двоюродного брата миллионера Саввы Морозова, названного М. Горьким «социальным парадоксом». Побывав в Португалии, А. Морозов решил воспроизвести в самом центре Москвы, на Воздвиженке (ныне проспект Калинина, 16), понравившийся ему средневековый замок. Архитектор В. Мазырин построил пышное здание в псевдомавританском стиле с кружевными аттиком и решеткой балкона, могучим порталом входа и стенами, усеянными раковинами. Здание возбудило множество толков и получило ироническое прозвище «испанское подворье». Оно даже было упомянуто Л. Н. Толстым в романе «Воскресение», как «глупый ненужный дворец какому-то глупому и ненужному человеку».

Этот особняк после революции стал оплотом анархистов. Но ненадолго: чекисты сорвали с него черный флаг с адамовой головой. Новые имена и события обогатили историю здания, где ныне находится Дом дружбы с народами зарубежных стран.

А возле плавательного бассейна «Москва» расположена необычная, как будто вышедшая из русской сказки постройка — бывший доходный дом Перцова (Соймоновский проезд, 1). Это здание-сказка было задумано и построено для художников, актеров. Проектировал его талантливый художник С. Малютин.

Полет фантазии большого мастера чувствуется здесь во всем: в утрированно обостренных гранях фронтонов, майоликовых изображениях солнца — Ярилы, русалок, диковинных животных и растений, буйном изобилии плодов и цветов, орнаментальных узорах лестничных решеток и волнистых линиях рисунка кладки полов. «Микрокосм» языческой Руси в самом центре Москвы властно уводит человека в опоэтизированный мир образов русской мифологии и сказки.

Среди московских домов есть примеры, когда архитектура используется в несвойственных ей изобразительных целях. «Дом-комод»! Под таким названием известны два здания, построенные в разное время и совсем не похожие друг на друга. Впрочем, здесь речь идет скорее о метких и поэтому чрезвычайно стойких прозвищах, которыми так любили москвичи наделять постройки.

«Дом-комод» (улица Чернышевского, 22) принадлежал вначале Апраксиным, затем Трубецким. В историю московской архитектуры он вошел как единственная сохранившаяся до нас гражданская постройка середины XVIII века в стиле барокко.

Творец этого здания неизвестен. Но он, несомненно, принадлежал к кругу учеников Растрелли. Близость творческого почерка дала повод для другого прозвища — московский «Зимний дворец». Быть может, в нем отразилась длительно бытовавшая легенда, что этот дом принадлежал А. Разумовскому и именно здесь Елизавета отпраздновала свой тайный брак с хозяином.

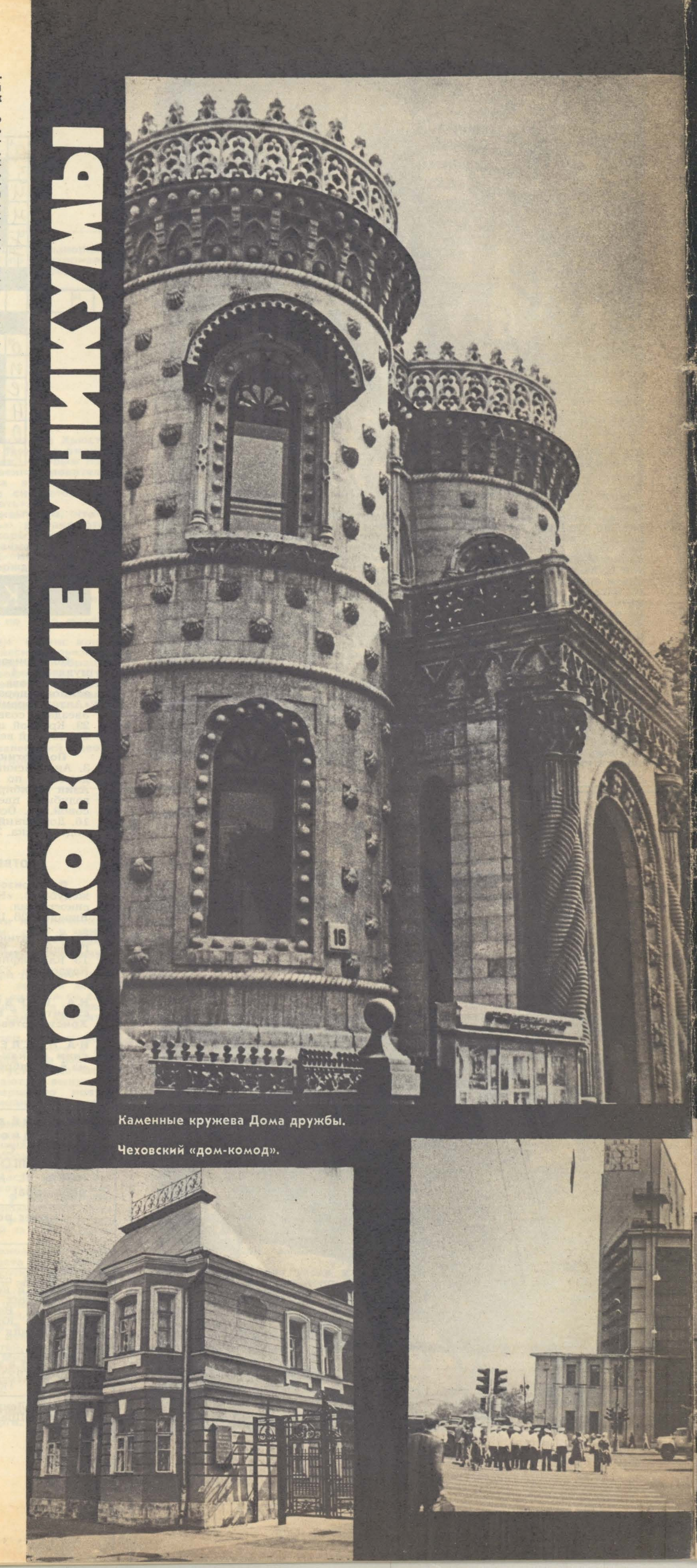
Второму «дому-комоду» это имя дал его жилец — А. П. Чехов (здесь ныне широко известный мемориальный музей писателя на Садовой-Кудринской, 6). В этом шутливом прозвище ощущается теплое отношение к своей квартире на Кудринке и к событиям, с ней связанным. Тут «журнальный забавник» Антоша Чехонте стал признанным писателем А. П. Чеховым. В этом доме им были написаны лирическая повесть «Степь», драма «Иванов» и другие крупные произведения.

К зданиям этого же типа относится оригинальный «дом-голубятня» конца XVIII столетия (2-й Верхний Михайловский переулок, 4). Это трехъярусное сооружение было построено как загородная дача графом А. Г. Орловым-Чесменским, большим оригиналом, любителем верховой езды, кулачных боев, голубиной забавы.

К изобразительности в архитектуре стремились и некоторые советские зодчие. Так, например, на углу Новой Басманной и Садово-Черногрязской улиц можно увидеть «дом-паровоз». Эта форма была выбрана зодчим И. Фоминым не случайно — здание бывшего Запасного дворца в начале 30-х годов реконструировано им для Наркомпути. Протяженный корпус серого цвета с приставными полуколоннами завершается башней, в которой и, не обладая большой фантазией, можно усмотреть трубу паровоза.

А в тиши арбатских переулков затаился необычайный особняк — «дом-стакан» с надписью на фасаде «Архитектор Константин Мельников». Это одно из нескольких сохранившихся в столице произведений известного мастера, чья слава гремела в 20 — 30-е годы нашего века.

Мы рассказали лишь о нескольких своеобразных зданиях Москвы, которые, обогащая каменную летопись города, придают ему лица необщее выражение.

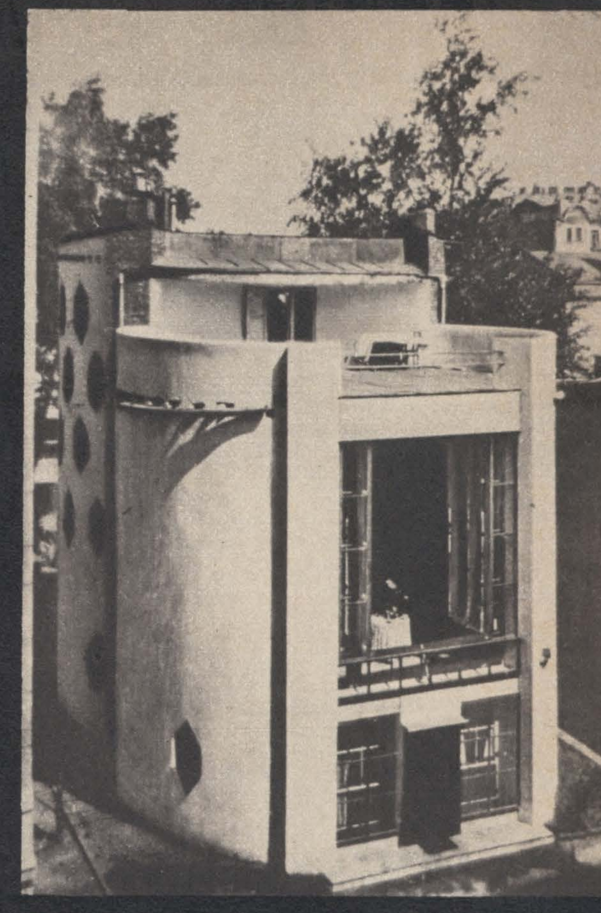

Каменные кружева Дома дружбы.

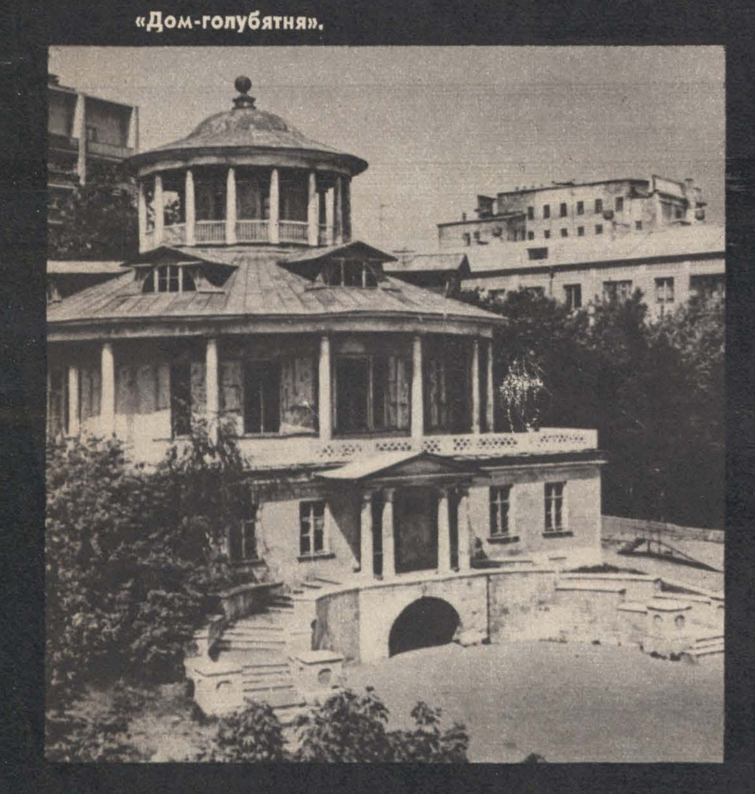
Чеховский «дом-комод».

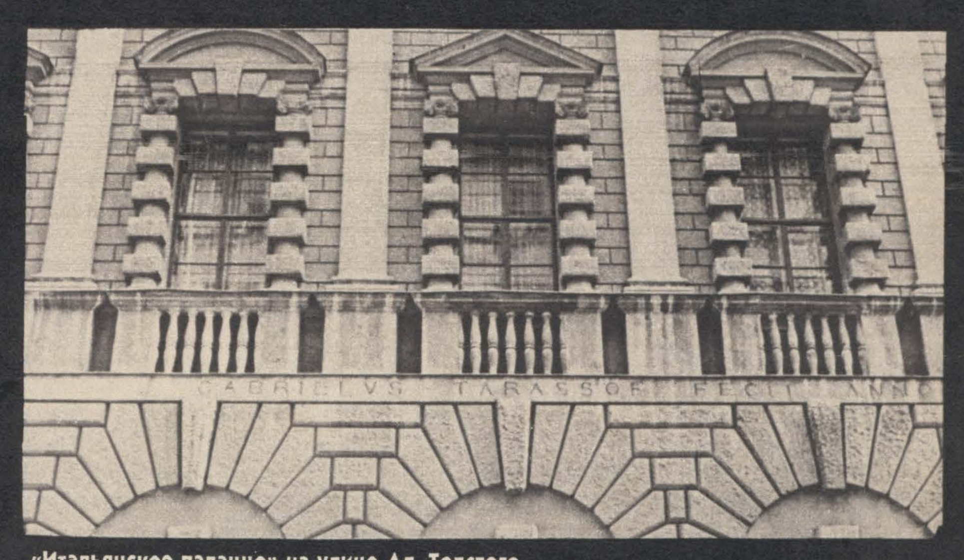
Московский «Зимний дворец».

«Дом-стакан».

«Дом-голубятня».

«Итальянское палаццо» на улице Ал. Толстого.

Сказка художника С. Малютина.

Деталь дома-сказки.

«Дом-паровоз».

Цена номера 35 коп. Индекс 70663